



ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 6 № 4/2020

DISCOURSE

Volume 6 No. 4/2020

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2020

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 71225.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Редакционная коллегия:

Г. А. Баева, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарук, д-р филол. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Боронов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

Ю. А. Дубовский, д-р филол. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при межпарламентской ассамблее ЕВРАЗЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Е. Н. Лисанок, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкоизнание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике.

Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

С. И. Роженко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

И. Б. Руберт, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгецкая, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филол. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российской государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Balkrishna Vitalh Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, Indian

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovje, Zagreb, Croatia

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

• осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;

• интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;

• усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требованиях к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>



Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

© Оформление. СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015)
Subscription index in "Press of Russia" catalogue 71225

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University

Founded in 2015. Issued 6 times a year

Accepted Languages: Russian, English

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Prof.

Popov Str., St Petersburg 197376, Russia

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Doroфеев, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Yuriii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg

University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletkiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Irina B. Rubert, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint-Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaya, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, India

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovje, Zagreb, Croatia

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics)

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries;
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>



СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Дорофеев Д. Ю. Русские старцы: эстетика благообразной красоты	5
Мамина Р. И., Елькина Е. Е. Digital Humanities: новая наука или конвергентные модели и практики глобального сетевого проекта?.....	22
Кабылинский Б. В. К вопросу о философском значении термина «конфликтный паттерн».....	39

СОЦИОЛОГИЯ

Бесчастная А. А., Покровская Н. Н. Городская партисипативность в социологическом дискурсе	46
Колянов А. Ю. Профессиональная идентичность журналиста в условиях гибридной медиасистемы.....	62
Дерюгин П. П., Панов С. В., Курапов С. В., И Ши, Камышина Е. А. Сетевая диагностика стратегий идентификации в организации: методика и опыт пилотажного исследования	73
Лисовский Д. К. Научная иллюстрация: от информационного сопровождения к культуре участия.....	95

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Рамантува О. В., Степанова Н. В. Стратегии создания образа изобретателя в научно-популярном дискурсе.....	106
Robert I. B., Rosyanova T. S., Kiselyeva S. V. Nominative Specificity of English Marketing Terminology	121
Flaksman M. A. Stanislav Voronin's Universal Classification of Onomatopoeic Words: a Critical Approach (Part 1)	131
Davydova V. A. Phonosemantic Interference: Multiple Motivation in the Imitative Word Coinage (on the Material of Invented Languages) ..	150
Правила представления рукописей авторами.	165

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Doroфеев Д. Ю. Russian Elders: Aesthetics of Good-Imaged Beauty.....	5
Мамина Р. И., Елькина Е. Е. Digital Humanities: Is it a New Science or a Set of Models and Practices of the Global Network Project?.....	22
Кабылинский Б. В. On the Philosophic Meaning of the “Conflict Pattern” Term	39

SOCIOLOGY

Beschasnaya A. A., Pokrovskaia N. N. Participation in Cities in Sociological Discourse.....	46
Kolianov A. Yu. Professional Identity of Journalist in Hybrid Media System	62
Deryugin P. P., Panov S. V., Kurapov S. V., Yi Shi, Kamyshina E. A. Network Diagnostics of Identification Strategies in an Organization: Methodology and Pilot Study Experience	73
Lisovsky D. K. Scientific Illustration: from Informational Support to a Culture of Participation.....	95

LINGUISTICS

Ramantova O. V., Stepanova N. V. Strategies of Creating the Inventor’s Image in Popular Science Discourse.....	106
Robert I. B., Rosyanova T. S., Kiselyeva S. V. Nominative Specificity of English Marketing Terminology	121
Flaksman M. A. Stanislav Voronin's Universal Classification of Onomatopoeic Words: a Critical Approach (Part 1)	131
Davydova V. A. Phonosemantic Interference: Multiple Motivation in the Imitative Word Coinage (on the Material of Invented Languages) ..	150

УДК 130.2-3; 111.84-85

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-5-21>

Оригинальная статья / Original paper

Русские старцы: эстетика благообразной красоты

Д. Ю. Дорофеев[✉]

Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия

[✉]dandorof@rambler.ru

Введение. В статье обосновывается применение эстетической характеристики к рассмотрению образа русских старцев. Для этого предлагается отойти от традиционного понимания эстетики только как философии искусства и красоты и рассмотреть ее как познание уникальной выразительности сущности чувственно-воспринимаемого феномена. Выдвигается положение, что феноменальный образ человека есть следствие его образа жизни, и образ русских старцев, учитывая особый способ их существования, характеризуется своей самобытной эстетикой благообразной красоты.

Методология и источники. Автор показывает взаимодействие и взаимосоотнесенность «внешнего» и «внутреннего» в человеческом образе. Для этого исследуется со-держательная близость античного феномена калокагатии и христианского феномена благообразия, каждый из которых, однако, воплощает принципиально разное понимание человека (соответственно космологически-пластическое и личностно-визуальное). Подчеркивается принципиальное для православной антропологии и мистики понимание света в исихазме и единство Истины, Любви и Красоты. Особо подчеркивается положение П. А. Флоренского, что явленная истина есть любовь, а осуществленная любовь есть красота. Общей методологической основой работы являются философско-антропологическая, феноменологическая и культурно-герменевтическая установки в исследовании эстетики человеческого образа на примере благообразной красоты русских старцев.

Результаты и обсуждение. Феномен старчества рассматривается в широком контексте православной и особенно русской истории и культуры, для которой он признается важнейшим архетипическим образом. Рассматриваются его главные составляющие и специфические характеристики. Особо подчеркивается роль в его возникновении и развитии св. Нила Сорского и св. Паисия Величковского. Образ русского старца оценивается как аутентичное воплощение практического осуществления православной мистики любви, света и красоты. Подчеркивается особое значение визуального образа человека в русской культуре. На материале широкого обращения к истории русского старчества, особенно XIX–XX вв., раскрывается особый тип духовной аскетики, антропологии и образовательной коммуникации. Определяемый опытом постоянной любви образ благообразной красоты старцев (таких как, например, Лев, Макарий, Амвросий Оптинские) признается в православии как живая икона Бога, признается способность посредством одного лишь его визуального восприятия преображать и совершенствовать людей, и приводятся характерные свидетельства воспоминания о воздействии эстетики этой благообразной красоты.

© Дорофеев Д. Ю., 2020



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. В завершение статьи автор исследует специфический характер восприятия русских старцев, выделяя визуально-эстетический компонент этого восприятия и подчеркивая значение красоты их душевно-феноменального благообразия как эстетического воплощения любви к людям.

Ключевые слова: русские старцы, православие, благообразие, эстетика человеческого образа, Истина-Любовь-Красота, П. А. Флоренский, мистика света, исихазм.

Для цитирования: Дорофеев Д. Ю. Русские старцы: эстетика благообразной красоты // ДИС-КУРС. 2020. Т. 6, № 4. С. 5–21. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-5-21

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-011-00385а «Иконография античных и средневековых философов в православных храмах: специфика визуальной презентации человека в русской культуре»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 03.07.2020; принята после рецензирования 08.08.2020; опубликована онлайн 26.10.2020

Russian Elders: Aesthetics of Good-Imaged Beauty

Daniil Yu. Dorofeev[✉]

Saint Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

[✉]dandorof@rambler.ru

Introduction. The paper substantiates the application of aesthetic characteristics to the examination of the image of Russian elders. It is proposed to move away from the traditional understanding of aesthetics only as a philosophy of art and beauty and consider it as a knowledge of the unique expressiveness of the essence of a sensually perceived phenomenon. The position is put forward that the phenomenal image of a person is a consequence of his lifestyle, and the image of the Russian elders, given the special way of their existence, is characterized by its original aesthetics of good-imaged beauty.

Methodology and sources. The author shows the interaction and interconnectedness of the “external” and “internal” in the human image. To do this, we study the substantial proximity of the ancient phenomenon of kalocagathy and the Christian phenomenon of good-imaged, each of which, however, embodies a fundamentally different understanding of man (cosmological-plastic and personality-visual). The author emphasizes the fundamental for Orthodox anthropology and mysticism understanding of light in Hesychasm and the unity of Truth, Love and Beauty. The provision of P. A. Florensky, that the revealed truth is love, and the realized love is beauty. The general methodological basis of the work is a philosophical-anthropological, phenomenological and cultural-hermeneutical attitude in the study of the aesthetics of the human image on the example of the beautiful beauty of the Russian elders.

Results and discussion. The phenomenon of elderly is considered in the broad context of Orthodox and especially Russian history and culture, for which it is recognized in the most important archetypal type. Its main components and specific characteristics are considered. Particularly emphasizes the role in its occurrence and development of St. Nile of Sora and St. Paisiya Velichkovsky. The image of the Russian elder is regarded as an authentic embodiment of the practical implementation of the Orthodox mysticism of love, light and beauty. The special importance of the visual image of a person in Russian culture is emphasized. Based on the material of a wide appeal to the history of Russian senility, especially the XIX–XX centuries, a special type of spiritual asceticism, anthropology and educational communication is revealed. Defined by the experience of constant love, the

image of the noble beauty of the elders (such as, for example, Leo, Macarius, Ambrose Optinsky) is recognized in Orthodoxy as a living icon of God, the ability is recognized through its visual perception to transform and improve people, and characteristic evidence is recalled about the effects of aesthetics this beautiful beauty.

Conclusion. At the end of the paper, the author explores the specific nature of the perception of Russian elders, highlighting the visual and aesthetic component of this perception and emphasizing the importance of the beauty of their spiritual and phenomenal well-being as an aesthetic embodiment of love for people.

Keywords: Russian elders, Orthodoxy, goodness, aesthetics of the human image, Truth-Love-Beauty, P. A. Florensky, mysticism of light, hesychasm.

For citation: Dorofeev D. Yu. Russian Elders: Aesthetics of Good-Imaged Beauty. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 5–21. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-5-21 (Russia).

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-011-00385a «The iconography of ancient and medieval philosophers in Orthodox churches: the specificity of the visual representation of man in Russian culture»).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.07.2020; adopted after review 08.08.2020; published online 26.10.2020

Введение. Возможно, кого-то покоробит эстетическая характеристика русских старцев, большая часть жизни которых прошла в аскезе, попечении о совершенствовании своей души, молитве, смирении, монашеской отрешенности и не была связана с заботой о красоте своего внешнего, телесного образа, как не определялась она обсуждением проблем искусства. И действительно, читая их духовные наставления, поучения, письма, мы не найдем в них актуализации каких-то частных или общих проблем искусствоведения или призыва заботиться о своей внешности, зато постоянно будем встречать указания на первостепенную важность исполнения христианских заветов, чтения трудов Святых отцов, «работы» над своей душой, победы над страстями, гордыней, тщеславием и другими поклонами, которые удаляют человека от Бога и мешают проявлению любви. Однако все это, на наш взгляд, не означает неправомерность применения эстетического подхода к образу русского старца, просто требует его конкретизации и определения.

Для начала выйдем за границы традиционного, взятого «из школьных учебников» понимания эстетики как философии красоты и искусства, которое утвердилось сравнительно недавно, 200–250 лет назад. Для этого обратимся к языковому источнику этого понятия, древнегреческому *aesthesia*, означающему «чувство, чувственное восприятие и ощущение», а в форме прилагательного – «чувственно воспринимаемый образ» [1]. Чувственное восприятие и в Античности, и в Средние века, и даже еще в XVIII в., у А. Баумгартина и И. Канта, рассматривалось как познавательный акт, пусть и низший сравнительно с рассудочным, разумным или умозрительно-созерцательным, т. е. «эстетика» была разделом познания, хотя и особым. Исходя из этого, «эстетическим» может характеризоваться любой чувственно воспринимаемый образ, отношение к которому включает в себя элемент познания, чисто человеческую установку (поэтому восприятие животного и человека принципиально различно по своему статусу). Для человека, независимо от того, сознает он это или нет, все, воспринимаемое в повседневной установке, имеет эстетическое измерение (его стараются редуцировать, например, в парадигме естественно-научного познания, но

даже там это полностью сделать не удается). И в первую очередь это касается образа самого человека. Поэтому, когда мы говорим об эстетике образа и особенно человеческого, подразумевается установка, направленная на выявление уникальной выразительности данного индивидуально-конкретного феномена, его, пользуясь понятием Дунса Скота, *haecceitas* [2]. В этой перспективе эстетика образа русских старцев означает рассмотрение именно того, как этот феноменальный, телесный, чувственный образ воспринимается, а не специально культивируется в определенный имидж, что отличает позицию в отношении самого себя особого рода эстетизма, дендизма и современного индивидуалистического тренда на самолюбование.

Русские старцы в наименьшей степени задумывались о том, как они выглядят, или о том, как их воспринимают другие, ведь они были предельно естественны и свободны в том, кем и как они являются. Их существование было подчинено максимально полному осуществлению таких основополагающих православных ценностей и устоев, как любовь к Богу и людям, смиление, покаяние, бес-страстие, послушание, самоумаление. Все это было возможно в определенном образе жизни, чаще всего монашеском, сердцевиной которого были молитвы, богослужение, аскетические практики, постоянное активное самосовершенствование в заботе о своей душе и наставительное общение с людьми. И естественно, такой способ существования, который велся на протяжении многих лет и даже десятилетий, не мог не выражаться в определенном образе этих людей, являвшемся непроизвольной манифестацией их жизни, пронизанной соответствующим отношением к Богу, себе, другим людям, природе, миру в целом. Этот образ предельно личностен и неповторим, хотя он может нести в себе и некоторые объективации (например, бороду или монашеское одеяние), но и они являются эстетическими экзистенциалами, в феноменальной форме свидетельствуя о способе существования.

Целостный образ человека, как он чувственно воспринимается другим, всегда есть плод, в основном непроизвольно полагаемый, его образа жизни, и чрезвычайно характерно, что одно слово – «образ» – характеризует здесь и самого человека, и способ его существования. Удивительно, насколько полно воспринимаемый феноменальный образ человека выражает его глубинную суть, которую можно спрятать под красивыми фразами или чередой искусственных, «напоказ» совершаемых поступков, но которая со всей открытостью (естественно, для того, кто способен ее увидеть) являет себя в этом образе. Облик старцев был тем, что люди воспринимали прежде всего, и он не мог обмануть их, поскольку был совершенно особого рода, в нем несомненно была своя одновременно духовная, но при этом чувственно воспринимаемая красота, зримый след их жизни и самой сущности. Пытаясь определить одним словом суть красоты этого образа, я не смог найти ничего лучше почти непереводимого на другие языки понятия благообразия. Поэтому мы будем говорить не просто об эстетике, а об эстетике благообразной красоты русских старцев.

Методология и источники. «Благообразие» объединяет собой два слова: «благо» и «образ», т. е. внутреннее (душу) и внешнее (чувственное тело). Эти понятия хоть и являются различными составляющими человека, но имеют взаимно обуславливающую их связь. Это было хорошо известно еще древним грекам, оставившим нам так же непереводимое на все европейские языки понятие *calocagathia* – «калокагатия», сформированное из двух слов: *calos* (красота) и *agathos* (добро, благо), – но являющееся целостной характери-

стикой максимально совершенного, по классическим меркам древнегреческого полиса, человека, о которой активно размышляли Биант, Солон, Сократ, Платон, Аристотель [3, с. 100–111] (в этом смысле «благообразие», как кажется, – наиболее точный по смыслу из всех возможных перевод греческого термина на русский язык). Напомню, речь идет здесь не просто об эстетической характеристике, но об особой добродетели человека, благодаря которой его внутренняя нравственная красота находит прямое выражение в красоте чувственной, внешней, телесной, так что последняя выступает как подобающая (*to prepon*) первой и своим прекрасным чувственно воспринимаемым образом свидетельствует о добродетели [4, с. 297–298]. Конечно, нужно учитывать и особенности древнегреческого мировоззрения, которое определяло понимание человека, в том числе калокагатийное, пластически, как соматически оформленное, что позволяло видеть выразительность и совершенство во всем теле, не выделяя, а то и откровенно умаляя в своей значимости лицо с его выражением глаз (недаром именно классическая скульптура пластиически воплощает древнегреческую антропологию, и образцы калокагатии мы видим в статуях тираноубийц Гармодия и Аристогитона работы Крития и Несиота или в Дорифоре Поликлета).

Методы компаративистского, историко-культурологического, антропологического, религиоведческого, эстетического анализа помогают понять значение специфики благообразия красоты русских старцев сравнительно с древнегреческими образцами. Ведь христианское видение красоты было, при всем влиянии на него античных канонов, иным, не космологически пластическим, а личностно визуальным. Оно делает эстетическим и онтологическим центром понимания и изображения человека глаза, взгляд, в котором феноменально раскрывается устремленная к Богу личность человека и который, будучи пристально устремлен на нас в иконах, мозаиках или фресках, призывает нас к тому же. К этому следует добавить и присущее православию исихастское понимание Света как феноменально проявляющейся энергии Бога, приводящей к преображению или обожению (*theosis*) всей целостной телесно-духовной природы воспринимающего этот Свет человека. Важно подчеркнуть, что подобное учение, известное нам сейчас прежде всего по сочинениям св. Григория Синаита и св. Григория Паламы (XIII–XIV вв.), пронизывало, пусть и не в таком систематическом виде, дух мысли всего святоотеческого наследия, начиная с I Вселенского Собора [5, с. 73–275]. Обожение человека – это приобщение светоносным энергиям Бога, который есть Любовь (1 Ин. 4:7–16) и есть Истина (Ин. 14:6), и, следовательно, человек пронизывается любовью и истиной, что воплощается не только и даже не столько в нравственных поступках, сколько во всем его образе, светящемся красотой своей духовной лучезарности и благообразия. И средоточием этой красоты, чувственно манифестирующей причастность божественной любви и истине, является, конечно, выражение глаз, взгляд – именно он более всего приковывал к себе, поражая какой-то неведомой силой «невечернего света» всех, кто лично непосредственно соприкасался с русскими старцами, поэтому на нем почти всегда особо останавливаются те, кто пишет воспоминания об этих встречах (впрочем, ощутить его можно даже глядя на фотографии старцев) [6, с. 35, 40, 49, 76–77, 106, 111–113, 125, 128–129, 140–143, 147–148 и т. д.].

Итак, очень важно учитывать единство Истины, Любви и Красоты в православном понимании, которое и позволяет найти смысл, вкладываемый в эстетику благообразия. Отец Павел Флоренский в четвертом письме своего главного сочинения «Столп и утвер-

ждение Истины...», имеющем характерное название «Свет Истины», обосновывает и развивает это православное триединство в отношении как Бога, так и открытого, уподобляющегося Ему человека [7, с. 70–108]. Явленная истина, говорит Флоренский, есть любовь, а осуществленная любовь есть красота, которая воплощает себя в светоносном образе. Именно эта связь истины, любви, красоты и образа позволяет обретать человеку посредством молитв, аскетизма, созерцания личностные отношения с Богом и людьми. Очень важно для нас замечание Флоренского, что аскетика подвижников, в том числе старцев, создает не «доброго» человека (каким может быть и атеист), а прекрасного, т. е. пронизанного светом духовной красоты [7, с. 99].

Русский мыслитель приводит примеры пророков и святых, которые, достигнув открытии Богу и приняв Дух Святой в сердце своем, просияли в самом прямом и строгом смысле слова, т. е. излучали всем своим телесным образом, особенно лицом, неземной свет. Особенно подробно Флоренский останавливается на известном эпизоде, случившемся с св. Серафимом Саровским и описанном Н. Мотовиловым в воспоминаниях, когда русский старец вдруг внезапно просиял перед ним так, что смотреть на него было невозможно, так как «из глаз Ваших молнии светятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!» [7, с. 102]. Перед нами именно опыт обожения, т. е. непосредственного приобщения Святому Духу, и проявляется он в неземной красоте и прежде всего в пронизывающем все естество человека божественном свете, который преображает не только того, от кого исходит (в нашем случае св. Серафима), но и того, кто его воспринимает (Н. Мотовилова). Конечно, это именно мистический опыт в его высшем проявлении, который доступен даже не всем великим пустынникам и аскетам, но я хочу здесь подчеркнуть, что отблески этого «света невечернего» пронизывают весь образ и особенно глаза старцев и в повседневной будничной жизни, позволяя всем воспринимающим его, хотя бы на этом эстетическом уровне, приобщаться великим православным таинствам и тем самым давать шанс (который каждый использует по-своему) на совершенствование и развертывание своей личности, что также неизбежно найдет проявление в изменении эстетического облика этого человека.

Все это позволяет активно использовать эстетическую персонологию православной антропологии как основу применения феноменологических и герменевтических методов для рассмотрения фундаментального значения человеческого образа. Такой подход может быть обозначен как эстетика человеческого образа, и в настоящем исследовании он применяется для исследования феномена благообразной красоты русских старцев, позволяющего еще с одной стороны раскрыть самобытность отечественной культуры.

Результаты и обсуждение. Каждая культура выдвигает одного или нескольких представителей, неважно – реальных или литературных, которых можно назвать ее образным архетипом, воплощением ее целостной души в уникально личностном образе, персонализированным аналогом того, что Гете понимал под явлением первофеномена, раскрывающим всеобщее в конкретно единичном. Так, для Античности в качестве таких образов могут выступать Одиссей и Сократ, а для Западной Европы – Микеланджело и Фауст. В России с ее духом соборности одним из таких архетипов, культурных первофеноменов и микрокосмов может быть назван не только и даже не столько конкретный человек, сколько целое явление – явление русского старчества.

При этом, конечно, нужно иметь в виду, что феномен старчества имеет и общеправославные истоки и основания, и его невозможно понять, не обратившись к истории византийского монашества [8, с. 30–132]. Поэтому при желании и русское старчество можно возвести к деятельности Антония и Феодосия Печерских, Сергия Радонежского, т. е. тех святых, которые наделили монашество высшим авторитетом и благодаря кому оно стало широко распространено (так, к концу XIV в. на Руси было уже более 300 монастырей). И все же просто отождествлять монашество и старчество было бы неправильно. Очевидно, что в феномене старчества нашла выражение особая форма православной духовности, кристаллизация которой произошла во многом благодаря византийскому исихазму. «Умная молитва» (так называемая «Иисусова молитва»), внутренняя самососредоточенная созерцательность, аскетизм как способ целостного, духовно-телесного совершенствования и преображения человека, предельно личностная христология и антропология, обожение как результат открытости божественному свету и пронизанности им, любовь к Богу и людям как высшая и взаимосвязанная ценность и заповедь – все эти принципы исихазма являются и столпами старчества, только осуществлямыми не теоретически, в виде мистико-богословских учений, а практически, в повседневной жизни, озаряемой и определяемой мистическим опытом. Конечно, всегда нужно понимать условность разделения в православии спекулятивно-теоретической и практически-аскетической мистики [9, с. 17], однако тех, кто соединял бы эти две составляющие, как, например, Василий Великий, Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов, Григорий Палама, очень немного. И старцы отличаются тем, что они не рассуждали о мистическом опыте в сложных философско-богословских категориях, а воплощали его собой, в своей жизни, образе, взгляде, проникнутом смирением, особой возвышенной простотой и душевной любовью к людям. Неудивительно, что таких старцев можно найти в разных православных странах. Так, мне сейчас вспоминается св. Нектарий Эгинский (1846–1920), который провел последние годы своей трудной жизни на греческом острове Эгина, где до сих пор с теплотой рассказывают о том, как он, уже старый, сгорбившись, передвигался на ослике по горной местности, чтобы помочь нуждающимся в его молитве и любви.

И все же, несмотря на все сказанное, старчество представляется мне в первую очередь воплощением духа именно русского православия. Подробное обоснование этого утверждения – тема отдельного историко-культурного и философско-богословского исследования. Здесь же отмечу лишь, что Россия подхватила дух византийского православия в самое трудное время, когда Константинополь был завоеван турками, и смогла развить и раскрыть его так, как это не смогли сделать сами греки. И здесь выделяются два этапа: первый связан с концом XV – началом XVI вв., когда произошла встреча исихазма с русской культурой, временем ее духовного ренессанса, одним из наиболее значимых следствий которого был абсолютный приоритет живописного визуального образа над языковым литературным как способа понимания и осмыслиения человека, свидетельство чего мы и находим у Феофана Грека, Даниила Черного, Дионисия и особенно – в «психологической умиротворенности» и тихой, даже безмолвной «эмоциональной созерцательности» Андрея Рублева [10, с. 93–96]. Второй этап связан с концом XVIII в., когда после вызвавших сильнейший кризис православной и в первую очередь монастырской жизни радикальных реформ Петра Великого и последующего доминирования западноевропейской просветительской установки духовные традиции начали оживать, закладывая семена будущих всходов.

Символом и вдохновителем первого этапа был св. Нил Сорский (1433–1508), второго – св. Паисий Величковский (1722–1794). Оба они по праву могут считаться основателями русского старчества, и ключевую роль в этом сыграло их пребывание в монастырях Афона, этого средоточия православного исихазма. Именно опыт жизни в афонских монастырях с их знаменитым строгим уставом богослужений и прямым доступом к богатому святоотеческому наследию, большая часть которого была еще неизвестна на Руси, позволил им преобразить и оживить русские монастыри и начать широкую издательскую деятельность. Так, роль собранной, переведенной и распространенной Паисием Величковским «Филокалии», знаменитого сборника православной аскетики IV–XV вв. – «Добротолюбия», являющегося, как об этом свидетельствует греческое название, любовью к красоте, и вовсе трудно переоценить для развития русского старчества. Получается, что именно исихазм, одно из самых фундаментальных философско-богословских учений, будучи воспринятым русскими монахами, смог повлиять на расцвет молитвенно-созерцательного опыта и формирование на его основе особого целостного визуально-эстетического образа человека, благообразного и благолепного. В России отстраненные умозрительные рассуждения всегда вызывали – иногда оправданно, иногда нет – некоторое недоверие и опасения (что и определило неоднородно-драматические судьбы философии и философа на средневековом этапе истории нашей страны [11, с. 4–32]), зато издревле было полное доверие к конкретному человеку, заслужившему своей жизнью, чтобы в нем видели непосредственно здравое, осозаемое, чувственно воспринимаемое явление истины. И вот таким воплощением высшей истины явился для русского народа старец.

Само слово «старец», в том его смысле, какой закрепился за ним к началу XX в., невозможно аутентично перевести на другие языки. Те смысловые коннотации, которые сошлись в нем, воплощают нечто большее, чем форма православной святости, определенный образ жизни, приобретенный годами молитв, чтением евангельских, святоотеческих, богослужебных книг, аскетических практик, жизненный опыт, – они воплощают какую-то основополагающую религиозную, антропологическую, ценностную, мировоззренческую парадигму или, пользуясь понятием шпенглеровской концепции, морфологический гештальт русского духа. Правда, такое значение было обретено не сразу, пройдя долгий путь формирования. Всем очевидно, что слово «старец» обозначает старого человека – это значение и сейчас в словарях чаще всего указывается первым. И действительно, оно происходит от праславянского *starъ*, от которого и произошло древнерусское и старославянское *старь*. Старцами чаще всего называют старых, умудренных опытом и имеющих авторитет людей, и в этом наименовании, в отличие от «старика», уже слышится уважительное, почтительное отношение к ним. Хотя, разумеется, формально-возрастных критериев такой идентификации нет и быть не может – в конце концов, важно не сколько, а как прожил человек, чтобы иметь право вразумлять и наставлять людей. Поэтому неслучайно на сайте Оптиной пустыни, знаменитой своими старцами, статья о том, что такое старчество, открывается словами прп. Петра Дамаскина: «Не всякий, кто стар летами, уже способен к руководству; но кто вошел в бесстрастие и принял дар рассуждения»¹. И тем не менее это значение важно, поскольку оно является условием обретения богатого духовного опыта

¹ URL: <https://www.optina.ru/140811/> (дата обращения: 21.07.2020).

старца, получить который невозможно априори, а только прожив достаточно долгую жизнь, которая, может, и не богата на внешние события, но зато полна внутреннего религиозного самопознания, переживаний, страданий и сострадания и, главное, общения в любви с Богом и людьми. Поэтому все, кого можно и принято называть старцами, прожили длинную жизнь и почти всегда умирали, когда им было уже за семьдесят.

В связи с этим очень характерно, что многие старцы проходили в своей жизни этап странничества, которое, во-первых, является образом жизни, способствующим обретению уникального жизненного опыта благодаря особому самоощущению в пути и восприятию мира, постоянному общению с новыми людьми и местами; во-вторых, представляет собой своего рода послушание, даже подвиг опыта смирения и самоумаления во имя Христа, когда земные дороги предстают лестницей, по которой осуществляется восхождение к Богу; и в-третьих, позволяет, даже не принимая формально монашеский чин, оставаться монахами в миру, всей своей жизнью и образом, полагаемыми прежде всего «Иисусовой молитвой», воплощая любовь к Богу, человеку и природе. Все эти черты странника близки и старцу, что не делает, конечно, тождественными феномены старчества и странничества, но раскрывает их близость друг другу и позволяет оценивать последний также как образный архетип русской культуры (это, впрочем, подлежит исследовать отдельно). Кстати, возрождение феноменов странничества и старчества приходится на одно время – конец XVIII в., и в XIX в. оно активно связано с главной цитаделью старчества Оптиной пустынью [12, с. 324–345]. И неслучайно наиболее выразительное и проникновенное признание об основах подвига русского странничества, первая часть «Откровенных рассказов странника духовному отцу своему», приписывалась Амвросию Оптинскому, самому известному старцу XIX в.; вне зависимости от справедливости такой идентификации, она очень характерна, так как показывает, что для русского сознания странник и старец стоят рядом друг с другом, являясь духовно близкими явлениями.

Однако есть важное различие между ними. Если для самих странников их «хождения» – это способ жизни, то для старцев странничество было этапом на пути их духовного становления, который или осуществлялся между монастырями, или приводил их окончательно в тот или иной монастырь. Образ жизни старцев – монашеский не только *de facto*, но и *de jure*, и, естественно, он не такой «маргинальный», как образ жизни русского странника в прямом и самом строгом смысле слова (в этом смысле странник более близок юродивому, еще одному архетипу русской культуры, хотя очень показательно, что некоторые старцы – например, Лев Оптинский (Нагалкин, 1768–1841) или Макарий Оптинский (Иванов, 1788–1860) – также воспринимались как «полу юродивые», сознательно скрывая таким образом свою духовную мудрость и прозорливость). Как показывают биографии старцев [13], почти все они были монахами, многие под конец жизни приняли Великую схиму, став схимонахами, хотя встречаются среди них и представители «белого священства», как, например, св. Алексий Бортсурманский (Гнеушев, 1762–1848) и св. Алексий Московский (Мечёв, 1859–1923), или даже (хотя редко) формально светские люди, жившие монахами в миру. Дух православного монашества и даже отшельничества (недаром старчество процветало в пустынях – Оптиной, Глинской, Площанской) был питательной и вдохновляющей силой для русских старцев. Неудивительно, что старцем вплоть до середины XVIII в. называли старшего по возрасту и обладающего для монастырской братии духовным авторитетом монаха. Уже с XVI в. и до сих

пор в русских монастырях существует должность-послушание «соборного старца», который исповедует, наставляет, а если надо, то и надзирает в первую очередь монахов данного монастыря, являющихся рядовыми старцами, а также в случае необходимости – приходящих мирян (именно это значение после основного возрастного приводит Владимир Даль в словарной статье к слову «старец»).

И все же «старец» в том смысле, как это слово стало пониматься в духовной среде примерно с середины XIX в., не сводится к формальному монашескому чину, должности или наложенному послушанию духовника – вообще, надо сказать, что никакие формальные критерии, как, например, возраст, звание, даже пол и т. п., не могут быть определяющими для явления старчества. «Старец» – это скорее неформальное (но тем более ценное) признание народом в лице представителей самых разных сословий духовной силы, истины и красоты человека, признание, которое формируется годами, а то и десятилетиями внешне однообразной монашеской жизни. Когда, в какой момент жизни человек становится старцем, определить невозможно, да и сами старцы не называли себя так и не любили, даже сердились, когда их так называли другие – ведь в этом уже звучало их, смиряющих себя во всем, духовное возвышение. Поэтому «старец» – это еще и оценка – высокая, возможно, высочайшая – духовного совершенства человека, которое может проявляться в проницательности, сердцеведении, исцелениях, прозрениях, других чудесах, но прежде всего в уникальном способе общения с теми, кто приходит к нему за помощью и кто, в конечном счете, признает и утверждает в нем старца. Старец является старцем, а не просто единократным исповедником или наставником, для того, кто полностью, во всем и навсегда отдается его руководству, постоянно открывая ему все глубочайшие тайны своего сердца. Это предполагает огромную духовную ответственность принимающего эти исповеди. Митрополит Трифон (Туркестанов) в своей дипломной работе 1895 г., по сути, в первом сочинении, системно исследующем феномен старчества, справедливо говорит, что «не всякому должно говорить помыслы, кому бы не случилось, но открывать старцам духовным, имеющим рассудительность, не на того обращая внимания, кто преклонных лет, а на того, кто украшен духовным ведением, делами и опытностью, дабы вместо пользы не получить вреда к усилению страстей своих» [8, с. 117–118]. Условием же для этого является полное доверие, основанное на любви к старцу.

Такого согласия нельзя добиться искусственно – ведь нельзя искусственно вызвать любовь народа, а именно это чувство определяло его отношение к старцам и было ответом на их любовь к ним, которую нельзя было не почувствовать при общении с ними. При этом нужно понимать один «институциональный» момент. К старцам приходили и приходят не только за наставлениями, советами, помощью, но и за благословением, на исповедь, причащение, покаяние – точнее говоря, одно нераздельно связано с другим. Но чтобы все это иметь возможность, право и власть осуществлять, старец должен иметь священнический сан. Поэтому чаще всего старцами становятся из священников и иеромонахов, т. е. пройдя длинный путь окормления паствы в ежедневных богослужениях. Это, кстати, еще одно обстоятельство, которое отличает старцев от странников, юродивых и стариц.

Итак, расцвет русского старчества как явления наступил в XIX в., когда начали давать свои всходы наставления и труды Паисия Величковского через деятельность его учеников, постепенно, но неуклонно приобщавших русские монастыри святоотеческому наследию,

практическим принципам исихазма и афонскому чину богослужений, без сокращений и зачастую ежедневному. Связан этот расцвет был, прежде всего, с Оптиной пустынью. Именно в это время благодаря деятельности таких, становившихся знаменитыми на всю Россию старцев, как Василий Площанский, Лев (или Леонид) Оптинский, Макарий Оптинский, Амвросий Оптинский, стало складываться новое значение слова «старец», как наиболее полно выражающее и характеризующее этих мужей. Мы смело можем сказать, что именно они своей жизнью и образом создали новый смысл этого слова. Правда, это происходило медленно, в трудном преодолении многих косных и консервативных обычав и привычек, часто мало общего имеющих с духом православия, но распространенных в религиозном сознании эпохи и монастырской практики. Так, например, в вышедшей в 1832 г. книге А. Н. Муравьева «Путешествие по святым местам русским» понятия старца и старчества еще не встречаются, да и сама Оптина пустынь не входит в число «святых мест русских» (он посетил Оптину лишь в 1851 г.). Еще одним характерным примером того, что новое понимание старчества с трудом входило в языковой обиход, является то, что А. Г. Достоевская, рассказывая в своих «Воспоминаниях» (которые писались в конце XIX – начале XX вв., а были изданы в 1925 г., уже после смерти автора в 1918 г.) о поездке мужа в Оптину пустынь в 1877 г. к о. Амвросию, трижды на протяжении одного абзаца называет последнего старцем и каждый раз берет это слово в кавычки, видимо, желая подчеркнуть особый, новый, еще не устоявшийся в литературном письменном языке смысл этого слова [14, с. 323].

Так как же определить феномен старчества? Ответ на этот вопрос непрост, поскольку, как мы уже отметили выше, формальные критерии, при всей их значимости, не являются здесь достаточными и определяющими, хотя их, несомненно, нужно учитывать. Не каждый святым является старцем, и не сразу можно четко сказать, чем он отличается от, например, такого подвижника, каким был архиепископ Лука Крымский (Войно-Ясенецкий, 1877–1961). Русский старец – это уникальное явление, которое не сводится к своим атрибутам и которое необходимо рассматривать целостно, как единый образ. В основе этого образа лежит не признанная святость, не принадлежность к священническому или монашескому чину, не формально строгое исполнение монастырского устава и религиозных аскетических практик – все это важно, но является скорее следствием, а не причиной. Старец создается особым образом жизни, в основе которого лежит преодоление своей самости и произвольной воли, полное подчинение себя Богу, стремление к непрестанной внутренней молитве, способность, благодаря духовным упражнениям, к созерцательной прозорливости и практической мудрости. Это такой повседневный жизненный опыт, который позволяет приобщиться Истине и стать полностью свободным, будучи преображенной Святым Духом личностью.

Все это, однако, присуще и другим святым. Можно здесь указать на особое самоуправление, которое характеризовало старцев, позволяя им быть проводником Бога. Так, например, никто из них не занимал высокие должности в церковной иерархии, они почти всегда отказывались от предлагаемой должности игумена, настоятеля братии. Перед нами пример духовного авторитета, никак не подпитываемого какими-либо формальными условиями, а складывающегося исключительно силой личности. И главным в этом личном образе являлась любовь, которая была не отдельным проявлением или актом, а самой сутью жизни

старцев и воплощалась не только в их действиях и внутреннем состоянии, а в их чувственно воспринимаемом феноменальном эстетическом образе. В нем полнее и нагляднее всего старец воплощал гимн любви ап. Павла (1 Кор. 13). С. С. Аверинцев как-то отметил, что средневековые «доказательства» бытия Бога, по сути, являлись «показательствами», феноменально, на уровне чувственного восприятия свидетельствуя о Творце и являясь потому «аргументацией от эстетики» [15, с. 33–34]. Так вот, именно образ старца является «показательством» и живой иконой Бога, и потому определяющим для его «идентификации», если уж об этом говорить, может быть как раз эстетический, «иконологический» критерий. Этот критерий трудно формализовать и иногда даже объяснить, но он очевиден при соприкосновении, как личном, так иногда даже только письменном. Например, архимандрит Тихон (Шевкунов) описывает на основе своих воспоминаний жизнь Псково-Печерского монастыря, ставшего во второй половине XX в. центром русского старчества, представляя портреты многих достойных монахов. Но, пожалуй, только о. Иоанна (Крестьянкина, 1910–2006) можно назвать старцем, чей образ наследует и продолжает благообразную красоту о. Амвросия Оптинского [16, с. 39–255].

Разумеется, старцы не рождались такими, каждый шел к этому своим жизненным путем, который, хотя они часто имеют общие составляющие, у каждого был абсолютно уникальным. Такая жизнь, полностью направленная к единению с Богом, т. е. Истиной («Я есть истина», Ин. 14:16), в какой-то момент и дает человеку божественный дар любви, поскольку Бог и есть Любовь и кто не любит, тот не познал Бога (1 Ин. 4:7–8). Вспомним еще раз Флоренского: явленная истина есть любовь, а осуществленная любовь есть красота. Подлинное приобщение человека истине как раз и проявляется в любви, которая проистекает у старца на любого человека. Русские старцы хотя очень ценили сосредоточенное молитвенное уединение, которое традиционно давал монастырский скит, и тянулись к нему, но, видимо, признавали, что, сподобившись дара любви, теперь несут святой долг – изливать эту любовь на нуждающихся в ней людей, приобщая тем самым людей к истине. А еще они не из-за долга, а по-человечески, без пафоса, душевно, сердечно любили, жалели, прощали людей; здесь не было ни малейшего проявления фарисейства, никакого самодовольства и внешней показательности своего аскетизма. Ведь в православии любовь к Богу и любовь к человеку никогда не отделены друг от друга, но если традиционные анахореты, пустынники и отшельники, молятся за людей, всех людей, все человечество, так сказать, заочно, абстрактно, «априори», то старцы, живя и в общежительных монастыре и пустыни, и даже в скиту, находятся в центре общения с конкретными людьми, пришедшиими к ним за помощью, советом и утешением, в которых они не могут им отказать.

Поэтому наставничество, духовное вразумление и отрезвление, просто душевное сердечное общение – все это для старцев было непосредственным выражением их любви к людям, от которых поэтому они не могли (хотя, возможно, иногда и хотели) спрятаться в своем отшельническом уединении, а, напротив, открыто шли навстречу паломникам, невзирая ни на свое состояние (часто болезненное), ни на их социальный, финансовый или образовательный статус. И им неважно было, пришел к ним малообразованный крестьянин или Н. Гоголь, И. Киреевский, К. Леонтьев, Л. Толстой или Ф. Достоевский. Если не брать богослужений, то большая часть дня старца, многие часы были посвящены именно такому общению – как в личных разговорах, так и в ответах на многочисленные

письма, которыми был усыпан стол кельи. И так на протяжении многих лет, а то и десятилетий, вплоть до смертного часа. Конечно, такая активная созерцательно-практическая коммуникация шла для многих вразрез с традиционными монашескими установками, зачастую понимаемыми как воплощение замкнутого отрешенного молитвенного одиночества, и потому вызывала серьезные конфликты в монашеском сообществе. Довольно часто такая позиция старцев вызывала раздражение, непонимание, критику, ревность и даже ненависть среди монастырской братии – эта ситуация прекрасно описана Ф. Достоевским в романе «Братья Карамазовы» на примере отношения о. Феропонта к о. Зосиме, прообразом которого был Амвросий Оптинский. Были и более драматические ситуации: так, на о. Иоанна (Крестьянкина) в 1950 г. сразу три священника написали доносы, по которым он был арестован. Все это можно рассматривать как цену за пронизанное любовью духовное наставничество.

В связи с этим важно понимать особенность отношений русских старцев с приходящими к ним сравнительно, например, с отношениями античного философа или дзен-буддистского учителя с их учениками. Отмечу здесь лишь главное. Если не брать тех случаев, когда к старцам приходили из любопытства или случайно (хотя даже такие встречи оставляли глубокое впечатление и часто меняли людей), то мы можем говорить об отношениях родства, духовного родства, делающего людей духовными сыновьями и дочерьми старца. Эти отношения, предельно личностные, открытые, доверительные, но при этом вертикальные, предполагающие полное послушание старцу и, в случае необходимости, его строгие внушения, основаны на максимальном личностном звучании, своего рода синергии, которая может быть только у действительно близких людей. Как старец смиряется перед Богом, так и простой человек должен смириться перед старцем, полностью следуя его указаниям. Поэтому послушник сам выбирает для себя старца, т. е. того человека, кому он может полностью открыться и вверить себя, и часто бывает, если он понимает, что такого звучания с конкретным старцем нет, то переходит к другому. И такие отношения пронизаны именно любовью как высшей личностной характеристикой.

Поэтому проницательность, прозорливость, сердцеведение, способность исцелять и разными другими способами помогать людям, включая совершающиеся чудеса, – все эти составляющие феномена старчества есть следствия этого дара любви. И старец, сам пройдя необходимую школу послушания и не считая ее законченной для себя, в общении с пришедшими к нему изливает на них свою любовь, принимает их душу, волю, разум, всю целостную личность – в свою (как сказал как-то Иоанн Лествичник, «старцами делаются из послушников»). Это как проявляется в личном общении, так и передается заочно, например, в письмах-наставлениях – скажем, у Макария Оптинского после его смерти вышло шеститомное собрание писем, у Амвросия Оптинского – пятитомное собрание. А осуществленная любовь, как мы помним, есть красота, красота особого рода, являющаяся манифестиацией любви и ее осуществлением, истечением – одним своим визуальным чувственно воспринимаемым образом. Эта благообразная красота пронизывает весь образ старца, делая его действительно светоносным, лучезарным, и прежде всего она проявляется в глазах. И именно она чаще всего уже при первом визуальном соприкосновении, когда еще не сказано ни слова, поражает, и уже на этом, феноменально-эстетическом, уровне начинает духовно про-свещать, пре-ображать, образ-овывать пришедших к нему людей.

Один взгляд этих глаз уже свидетельствовал о любви, и этот эффект только усиливался в ходе проникновенного вербального общения и даже телесного контакта (например, в молитвенном благословении, когда рука с крестом ложится на голову или на болезненную часть тела).

Ощутить эту духовно-душевную благообразную красоту старцев позволяют немногие сохранившиеся портреты и достаточно большое, начиная примерно с середины XIX в., количество фотографий. Мы видим на них лица людей, обладающих большим духовным жизненным опытом: спокойные, умиротворенные, кроткие, благостные и благолепные в своей простоте и твердости, добрые без сентиментальности, часто улыбающиеся, прощающие и любящие глазами, источающими тихий лучезарный свет. Но мы, конечно, не хотим создавать собирательный образ старцев, каждый из которых имел свою личностную индивидуальность, в которой, однако, просвечивает общая для всех них благообразная красота, созданная ежедневной практикой любви к людям. Каждый при желании может вынести из этой визуальной коммуникации, даже через восприятие простой фотографии, свое личное наставление и переживание, которое далеко не всегда можно и нужно адекватно передать в слове – как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Однако несомненную ценность имеют письменные свидетельства тех людей, которые непосредственно встречались со старцами, имели опыт личного духовного общения с ними и стремились выразить то особое, зачастую неизгладимое впечатление, которое произвел их образ. К счастью, таких воспоминаний, которые хорошо бы собрать, систематизировать и осмыслить, довольно много, но мы не можем не привести здесь наиболее характерные в контексте нашего исследования. Вот, например, что пишет Николай Бердяев о св. Алексее Московском (Мечеве, 1859–1923): «Он совсем особенный, он какой-то светящийся, в нем все особенное – внешность, походка, манера говорить, обращаться с людьми, он ни на кого не похож» [6, с. 255]. А вот уже вспоминает о своей встрече с прп. Симеоном Псково-Печерским (Желниным, 1869–1960) в 1952 г. Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл: «И вдруг в эту комнату вошел старец в светлом сером подряснике с удивительно светлым лицом. Я как сейчас помню его лучистые светлые глаза, источающие, действительно, свет. Вся его внешность источала этот свет. И как-то в комнате сразу стало светло. И что самое главное – радостно. И вот тогда я понял, что такое святой человек. Святой человек – это не тот, кто хмурит брови и шарахается от других, а тот, кто живет в любви и образ этой любви в виде света Фаворского носит на своем лице и на своей внешности» [6, с. 307].

Для меня очень важно, что эти (да и многие другие, подобные им) слова, характеризующие впечатления от соприкосновения со старцами, относятся не к одним лишь глазам и лицу, хотя они, конечно, как средоточие и основная форма манифестации духовной жизни прежде всего выделяются, но ко всему целостному образу личности, визуальная составляющая которого неотделима от акустической (язык, речь) и пластической (тело, походка). Это и неудивительно, ведь являющееся следствием определенного образа жизни, пронизанного любовью к Богу и людям, постоянной молитвой, созерцательным самопознанием, постепенное, незаметное, осуществляющееся шаг за шагом образование и преображение касается всего человека, всего его образа, а не какой-либо его части, не ограничиваясь лишь внутренним состоянием, а проявляясь во всей чувственно-воспринимаемой форме человека. Ведь то, кем является человек, кто он есть, какую жизнь он ведет, не мо-

жет не проявиться в том, как он является, т. е. в его феноменальном образе – именно поэтому эстетика человеческого образа имеет фундаментальное философско-антропологическое значение. И эстетическим образ старца может быть назван как в силу того, что он является собой свет особой, благообразной красоты (с которой традиционно связана эстетика), так и потому, что (вспомним изначальное значение греческого термина *aesthesia*) он является чувственно воспринимаемым.

Заключение. В завершение хочется отметить еще один аспект: как воспринимается эта красота. Благообразие старцев в конечном счете – результат пронизанности их Св. Духом, а исходящее от них сияние, почти всегда отмечаемое лично встречающимися с ними, – следствие приобщенности Фаворскому Свету и способ Его трансляции (что особо подчеркивает и патриарх Кирилл в приведенном фрагменте). Но очень важно, что эта благообразная красота может быть воспринята, оказывая на них свое благотворное воздействие, даже теми, кто не только не готов сам к открытости Фаворскому Свету, но и к православию, христианству еще не пришел. Однако свет благообразия старцев доступен всем, он не делит людей на подготовленных или неподготовленных, для него нет некой определенной меры духовного совершенства, необходимой для его восприятия, не говоря уже о других способах дифференциации; он изливается на всех, кто с ним сталкивается, кто соприкасается с этим образом, воспринимает его – а дальнейшее влияние света этой красоты зависит уже от самого человека. Многие приходили к старцам только для того, чтобы увидеть их; поэтому так важно уметь видеть, и не случайно прп. Лев Оптинский наставлял: «Старайся хранить свои чувства, и особенно зрение...». Однако вот что еще важно: практически все, кто видел старцев и, особенно, общался с ними, отмечают особое состояние умиротворения, покоя, некоего освобождения от мучающих страстей и забот, светлой радости, которое они обретали в результате этих встреч, а иногда и просто через восприятие их на расстоянии и даже лишь посредством чтения их писем. Можно сказать, что красота благообразного образа старцев учитывает слабость и несовершенство этих людей, но фарисейски не откидывает, не отсылает их от себя, а погружает в пространство духовно-эстетического истечения льющегося на них света.

А ведь светоносная красота, в своей полной открытости и непосредственности, может производить и другой эффект у воспринимающих ее. Так, например, Платон отмечает, что созерцание божественной красоты человеческого лица, через которую просвечивает красота сама по себе (идея красоты), вызывает у воспринимающего ее страх и трепет (Федр, 251а), а такие же чувства вызывает, по Гете, встреча лицом к лицу с первофеноменом [17, с. 222–223]; наконец, обращаясь к истории христианства, вспомним, как испугались апостолы, когда на горе Фавор увидели преображенного, сияющего светом Христа (Мф. 17:1–6; Мк. 9:1–8; Лк. 9:28–36), да и когда старцы сами открывались или были застигнуты в таком свете, то вызывали у неподготовленных людей страх, поскольку сталкивались хотя и с феноменально воспринимаемой, но трансцендентной инаковостью, столь отличной от реалий дальнего мира. Во всех этих случаях красота открывалась во всей своей абсолютной светоносности и была доступна только тем, кто сам приобщался ей, сам просвещался. Именно об этом говорит Серафим Саровский в ответ на полные страха и трепета слова Мотовилова об увиденном свете: «Не устрашайтесь, Ваше боголюбие! И Вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божьего, иначе Вам ведь

нельзя было бы и меня таким видеть» [7, с. 102]. Здесь чувство некоего трепета от соприкосновения со столь явной, близкой, чувственно очевидной лучезарной божественной инаковостью сочетается с чувством радости, блаженства, сладости, о чем упомянул и ап. Петр на горе Фавор (Мк. 9:5) и в чем подробно, отвечая на вопросы св. Серафима, признавался Н. Мотовилов.

Не всем дано созерцание такого яркого лучезарного света, но все достойны того, чтобы им был дан шанс. Поэтому благообразная красота старцев в повседневной жизни как проявление их бесконечной любви ко всем людям была открыта всем, она только уже через одно ее восприятие позволяла получить святую поддержку и опору и начать собственный путь к Богу и к себе. И, конечно, она была иной, чем не прикрытое ничем сияние божественных световых энергий – мирной, тихой, смиренной, душевной, радостной. Гете как-то отметил, что если непосредственное соприкосновение с первофеноменом вызывает у человека страх и ощущение своей неадекватности, то, когда он «оживотворен вечной игрой эмпирии», радует нас [17, с. 223]. Можно сказать, что в благообразной красоте русских старцев светоносная трансцендентность Фаворского Света «очеловечивается» полной любовной душевностью образа, изливаясь и нисходя через него на всех людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. О чувственном восприятии // Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти / пер. Е. В. Алымовой. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 100–136.
2. Бибихин В. В. Ранний Хайдеггер о Дунсе Скоте // Мартин Хайдеггер: сб. статей / отв. ред. Д. Ю. Дорофеев. СПб.: РХГИ, 2004. С. 163–185.
3. Лосев А. Ф., Шестаков В. В. История эстетических категорий. М.: Искусство, 1965.
4. Платон. Хармид // Платон. Диалоги / пер. С. Я. Шейнман-Топштейн. М.: Мысль, 1986. С. 66–326.
5. Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. М.: Паломник, 1996.
6. Бондаренко В. В. Святые старцы. М.: Молодая гвардия, 2020.
7. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Правда, 1990.
8. Митрополит Трифон (Туркестанов). Древнехристианские и оптинские старцы. М.: Мартис, 1996.
9. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991.
10. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970.
11. Громов М. Н. Образы философов в Древней Руси. М.: ИФ РАН, 2010.
12. Сидоров С. Откровенные рассказы странника духовному своему отцу: О странниках Земли Русской. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2002.
13. Великие русские старцы. Жития, чудеса, духовные наставления / под ред. игумена Аристарха (Лоханова). М.: Ковчег, 2002.
14. Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Правда, 1971.
15. Аверинцев С. С. Поэтика византийской литературы. М.: Coda, 1997.
16. Архимандрит Тихон (Шевкунов). «Несвятые святые» и другие рассказы. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012.
17. Гёте В. И. Учение о цвете / пер. с нем. В. Лихтенштадта. СПб.: Азбука, 2019.

Информация об авторе.

Дорофеев Даниил Юрьевич – доктор философских наук (2011), доцент (2006), профессор кафедры философии Санкт-Петербургского горного университета, 21-я линия, д. 2,

В. О., Санкт-Петербург, 199106, Россия. Автор 110 научных публикаций, из которых 5 – персональные монографии. Сфера научных интересов: современная философская и визуальная антропология, антропологическая эстетика, философия и антропология коммуникаций, теория и история персонализма, античная и средневековая философия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1583-4545>. E-mail: dandorof@rambler.ru

REFERENCES

1. Aristotel' (2004), "About sensory perception", *Aristotel'. Protreptik. O chuvstvennom vospriyatiu. O pamyati* [Aristotle. Protreptic. On sensual perception. About memory], Transl. by Alyanova, A.V., SPbGU, SPb., RUS, pp. 100–136.
2. Bibikhin, V.V. (2004), "Early Heidegger on the Duns Scoti", *Martin Khaidegger: sb. statei* [Martin Heidegger: collection of papers], in Dorofeev, D.Yu. (ed.), RKHGI, SPb., RUS, pp. 163–185.
3. Losev, A.F. and Shestakov, V.V. (1965), *Istoriya esteticheskikh kategorii* [History of aesthetic categories], Iskusstvo, Moscow, USSR.
4. Platon (1996), "Kharmid", *Platon. Dialogi* [Platon. Dialogues], Transl. by Sheinman-Topshtein, S.Ya., Mysl', Moscow, RUS, pp. 66–326.
5. Kiprian (Kern) (1996), *Antropologiya sv. Grigoriya Palamy* [The anthropology of St. Gregory Palamas], Palomnik, Moscow, RUS.
6. Bondarenko, V.V. (2020), *Svyatye startsy* [Holy elders], Molodaya gvardiya, Moscow, RUS.
7. Florenskii, P.A. (1990), *Stolp i utverzhdeniya istiny* [Pillar and affirmation of truth], vol. 1 (1), Pravda, Moscow, USSR.
8. Trifon (Turkestanov) (1996), *Drevnekchristianskie i optinskie startsy* [The ancient Christian and the Optina elders], Martis, Moscow, RUS.
9. Losskii, V.N. (1991), *Ocherk misticheskogo bogosloviya vostochnoi tserkvi. Dogmatischeskoe bogoslovie* [Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology], Tsentr «SEI», Moscow, USSR.
10. Likhachev, D.S. (1970), *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [The Man in the literature of Ancient Rus], Nauka, Moscow, USSR.
11. Gromov, M.N. (2010), *Obrazy filosofov v Drevnei Rusi* [The images of the philosophers in Ancient Rus], IF RAN, Moscow, RUS.
12. Sidorov, S. (2002), *Otkrovennye rasskazy strannika dukhovnomu svoemu ottsu. O strannikakh zemli russkoi* [Frank stories of the wanderer to his spiritual father. About the Wanderers of the Russian land], Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii institut, Moscow, RUS.
13. *Velikie russkie startsy. Zhitiya, chudesa, dukhovnye nastavleniya* [The great Russian elders. Life, miracles, spiritual guidance], (2002), Kovcheg, RUS.
14. Dostoevskaya, A.G. (1971), *Vospominaniya* [Memories], Moscow, Pravda, USSR.
15. Averintsev, S.S. (1997), *Poetika vizantiiskoi literatury* [The Poetics of Byzantine literature], Coda, Moscow, RUS.
16. Tikhon (Shevkunov), (2012), «*Nesvyatye i svyatye i drugie rasskazy* ["Unholy saints" and other stories], Izd-vo Sretenskogo monastyrya, Moscow, RUS.
17. Goethe, V.I. (2019), *Theory of Colours*, Transl. by Likhtenshtadt, V., Azbuka, SPb., RUS.

Information about the author.

Daniil Yu. Dorofeev – Dr. Sci. (Philosophy) (2011), Docent (2006), Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Mining University, 2 21 line, V. O., St Petersburg 199106, Russia. The author of 110 scientific publications, of which 5 are personal monographs. Area of expertise: modern philosophical and visual anthropology, anthropological aesthetics, philosophy and anthropology of communications, theory and history of personality, ancient and medieval philosophy. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1583-4545>. E-mail: dandorof@rambler.ru

Digital Humanities: новая наука или конвергентные модели и практики глобального сетевого проекта?

Р. И. Мамина¹, Е. Е. Елькина^{2✉}

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия

✉e.e.e.1@mail.ru

Введение. Digital Humanities (DH) – цифровые гуманитарные науки, сформировавшиеся в середине XX в, представляют динамично развивающееся направление социально-гуманитарных дисциплин, использующих компьютерные технологии в научных исследованиях и образовании. Актуальность статьи состоит в определении тенденций развития социально-гуманитарных наук в цифровую эпоху: гибридизации гуманитарных знаний, трансформации предмета и целей исследования, преобладании инструментальной междисциплинарности в методологии исследований. Несмотря на активный рост институтов, технологий, моделей и практик DH, у исследователей отсутствует единство взглядов на данное направление. Задачи исследования, предпринятого авторами статьи, состоят в анализе подходов к определению понятия, типологии и основных характеристик DH. Научная новизна выражается в предложенной типологизации парадигм, моделей и практик данного направления, в определении теоретического статуса DH.

Методология и источники. Используется философская методология сравнительного анализа моделей развития (парадигм) DH, включая анализ текста, квантитативные исследования, оцифровку коллекций изображений, гуманитарную информатику, а также цифровые социально-гуманитарные модели и практики: цифровая философия, цифровая история, цифровые социальные исследования, цифровая самопрезентация, «Art and Science» и др. В совокупности они представляют реализацию глобального сетевого проекта. Исследование осуществлено на материале отечественных и зарубежных хрестоматий цифровых гуманитарных наук, научных публикаций и сайтов.

Результаты и обсуждение. Представлен анализ этапов развития DH, дано обоснование понятия «DH» и его основных аспектов. Выделены критерии и представлена типология DH по основным областям/парадигмам, предмету и целям исследования, и другим критериям. Анализ подходов к определению понятия «DH» выявляет основные тенденции: а) DH – новое междисциплинарное направление исследований, использующее информационные технологии в традиционных гуманитарных областях для достижения содержательных целей; б) DH – способы моделирования и производства инноваций. Их существенными характеристиками являются: методологическая и инструментальная междисциплинарность, коммерциализация инноваций, трансформация критериев научности (объективности знания), утрата дисциплинарных границ. Определены критерии типологизации основных видов исследований в DH: по основным парадигмам; по предметным областям, по целям исследования, по

© Мамина Р. И., Елькина Е. Е., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



основным институтам. Представлен анализ основных видов цифровых исследований. Рассматривается проблема амбивалентности DH как фактор рисков: а) для гуманитарных наук – «утрата фокуса» (технизация языка приводит к технизации памяти социума); б) для человека (в результате преобладания сетевых форм коммуникации утрачивается высшая ценность человека – свобода выбора и смысл бытия); в) для общества (трансформация человеческих коммуникаций в сетевые формы социальности).

Заключение. Расширение сферы применения цифровых технологий в области гуманитарных наук обусловлено глобальными технологическими трендами четвертой промышленной революции. Digital Humanities – представляет неоднородное по своему составу междисциплинарное направление исследований в области социально-гуманитарных наук, использующих конвергентные технологии. По оценке специалистов определение «цифровой» применительно к различным областям DH не выражает их сути, а характеризует «вычислительные» технологии, используемые в социальных и гуманитарных науках. Соответственно, они не представляют самостоятельных научных дисциплин, а являются моделями и практиками, применяющими информационные технологии как инструментальное средство для решения задач гуманитарных наук и обмена знаниями и методами между учеными, инженерами, дизайнерами, студентами. В целом, эти изменения характеризуют процессы становления нового образа науки сетевого общества.

Ключевые слова: цифровые гуманитарные науки, гуманитарная информатика, цифровые социальные исследования, цифровая история, цифровая философия, цифровая самопрезентация, информационные технологии, методологическая междисциплинарность, трансдисциплинарность, конвергенция, большие данные, глобальный сетевой проект.

Для цитирования: Мамина Р. И., Елькина Е. Е. Digital Humanities: новая наука или конвергентные модели и практики глобального сетевого проекта? // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 4. С. 22–38. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-22-38

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 03.07.2020; принята после рецензирования 12.08.2020; опубликована онлайн 26.10.2020

Digital Humanities: Is it a New Science or a Set of Models and Practices of the Global Network Project?

Raisa I. Mamina¹, Elena E. Yelkina^{2✉}

¹Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

²Saint Petersburg Branch, Institute for the History of Science and Technology, RAS, St Petersburg, Russia

✉e.e.1@mail.ru

Introduction. Digital Humanities (DH), formed in the mid-20th century, represent a dynamic direction of social and humanitarian disciplines that use computer technology in research and education. The actuality of the paper is to determine trends in the development of Social Science and Humanities in the digital age: hybridization of Humanities, transformation of subject and research goals, predominance of instrumental interdisciplinary in the methodology of research. Despite the active growth of institutions, technologies, models and practices of Digital Humanities, researchers do not have a unity of views on this direction. The objectives of the study are to analyze approaches to the definition of the concept, typology and basic characteristics of DH. Scientific novelty is

expressed in the proposed typology of paradigms, models and practices of this direction. The paper defines theoretical status of DH.

Methodology and sources. The paper uses Philosophical methodology for comparative analysis of the developing models (paradigms), including text analysis, quantitative research, digitization of image collections, Humanities Computer Science, as well as digital socio-humanitarian models and practices, such as Digital Philosophy, Digital History, Digital Social Research, Digital Self-Presentation, "Art and Science", and others. Taken together, they represent the implementation of DH as the Global Network Project realization. The research is carried out on the material of Russian and foreign textbooks on Digital Humanities, scientific publications, and websites.

Results and discussion. The paper presents an analysis of the DH development stages, provides justification for the concept and its main aspects. Analysis of approaches to the definition of DH reveals the main trends: a) DH represent a new interdisciplinary research direction that use information technology in traditional humanitarian fields to achieve meaningful goals; b) DH represent the ways of modeling and producing innovations. Their essential characteristics are: methodological and instrumental interdisciplinary and commercialization of innovations, transformation of the criteria of science (objectivity of knowledge, loss of disciplinary boundaries. The DH research typology criteria are defined according to basic paradigms, subject areas, research goals, and major institutions. An analysis of the main types of digital research is presented. The problem of the ambivalence of digital technologies used in DH is considered as the main risks: a) for the Humanities – "loss of focus" (technologization of language leads to the technologization of the memory of society; b) for a human (as a result of the predominance of the network forms of communication, the highest value for a person - freedom of choice and the meaning of being may be lost); c) for society (transformation of human communications into network forms of sociality).

Conclusion. The expansion of digital technologies use in scientific research, education, culture, in general – and in the Humanities, in particular, is due to the global technological trends of the fourth industrial revolution. According to experts, the definition of "digital" in various areas of Digital Humanities does not express their essence, but characterizes the "computing" technologies used in the Social and Humanitarian knowledge. Accordingly, they do not represent independent scientific disciplines, but are models and practices that use information technology as instruments to solve the objectives of the Humanities and exchange knowledge and methods between scientists, engineers, designers, and students. In general, those changes characterize the process of the new science image development in the network society.

Key words: digital humanities, humanities computer science, digital social research, digital history, digital philosophy, digital self-presentation, information technology, methodological interdisciplinary, transdisciplinary, convergence, big data, global network project.

For citation: Mamina R. I., Yelkina E. E. Digital Humanities: Is it a New Science or a Set of Models and Practices of the Global Network Project? DISCOURSE. 2020. vol. 6, no. 4, pp. 22–38. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-22-38 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.07.2020; adopted after review 12.08.2020; published online 26.10.2020

Введение. Digital Humanities (DH) – цифровые гуманитарные науки – направление, включающее различные способы производства знаний (научных и ненаучных) с использованием новых информационных технологий.

В настоящее время расширение области применения информационно-коммуникационных технологий генерирует новые формы сетевых коммуникаций во всех сферах жизни общества и выражается в создании нового типа социальности – сетевой. Недооценка рисков, связанных с трансформационными возможностями современных конвергентных технологий, применяемых при решении исследовательских задач в Digital Humanities, грозит «утратой фокуса» [1, с. 5] области гуманитарных наук и требует анализа механизмов взаимосвязи: технологий – производства знаний – характера институциональности [2, с. 37–38].

Несмотря на значительное число публикаций, посвященных DH, содержание понятия остается дискуссионным. Задача данного исследования состоит в определении основных аспектов понятия «Digital Humanities» и его анализе. Необходимо ответить на вопрос: является ли данное направление новой наукой (как считают некоторые авторы), или оно представляет многообразие конвергентных моделей и практик как форм локальных и глобальных коммуникаций по обмену технологиями, методами конструирования инноваций, знаниями в реализации глобального сетевого проекта четвертой технологической революции [3]?

Не менее важная задача состоит в выделении основных критериев типологизации цифровых гуманитарных наук и систематизации основных моделей и практик DH.

Актуальность данного исследования определяется концептуальными задачами систематизации цифровых гуманитарных исследований, осуществляемых на разных уровнях теоретического обобщения и практического назначения, а также в целях минимизации возможных рисков в результате генерации цифровых практик без адекватной гуманитарной экспертизы. Концептуальные решения об использовании новых технологий в гуманитарных науках должны приниматься, опираясь на решения представителей гуманитарных наук [1, с. 5, 13]. Скрытые от серьезной гуманитарной экспертизы риски в результате генерации цифровых практик без адекватного развития потенциала человеческих возможностей связаны с процессом глобального осетевления, по сути, киборгизации человека и общества [3, с. 192–197].

Методология и источники. В статье используется философская методология сравнительного анализа моделей развития (парадигм) и различных практик Digital Humanities, сформировавшихся в результате конвергенции социальных, гуманитарных и информационно-технологических наук. На становление данного направления оказали влияние трансформация социальной жизни и технологических укладов в эпоху третьей и четвертой промышленных революций. Наступление цифровой эпохи связано с формированием сетевого общества в результате подключения миллиардов людей к сети Интернет, широкого использования мобильной телефонии во всех сферах общественной жизни; с расширением доступа к знаниям; с беспрецедентным ускорением темпов обработки информации [3, с. 198–220]. Использование информационных технологий в гуманитарных исследованиях, при оцифровке библиотечных фондов, музеиных коллекций и в создании мультимедийных платформ с широким спектром задач – сопровождается расширением цифровых форматов в сфере социально-гуманитарных наук, гибридизацией форм искусства и науки, рассеянием дисциплинарных границ цифровых гуманитарных исследований и ослаблением критериев объективности полученных результатов. В результате у представителей

научного сообщества формируются новые взгляды на цели исследования, предмет и методологию исследования, а также новые формы исследовательских практик.

Исследование типологии междисциплинарных моделей Digital Humanities осуществляется на основе использования русскоязычных и англоязычных научных статей, обзора интернет-сайтов, дискуссий и конференций, посвященных проблемам цифровых гуманитарных наук. Материалы дискуссий зарубежных ученых, посвященные обсуждению вопросов истории формирования, современного состояния, характера междисциплинарности, задач и масштабов развития DH в образовании и научной среде за последнее десятилетие, отражены в работах: «Цифровые гуманитарные науки» (2017) [4], манифесты Digital Humanities [5, 6]. Взгляды отечественных исследователей представлены в коллективной монографии «Digital Humanities: гуманитарные науки в цифровую эпоху» (2016) [7], статьях Е. Ю. Журавлевой [8], Е. В. Самостиенко [2], Г. В. Можаевой [7, 9], А. Ю. Володина [10], А. В. Макулина [11] и др. Анализу методологии цифровых междисциплинарных научных исследований в социальных и гуманитарных науках посвящены работы [7, 12].

Результаты и обсуждение. Digital Humanities – новая область знаний, которая находится в процессе своего становления. В «The Digital Humanities Manifesto 2,0» в развитии цифровых гуманитарных наук специалисты выделяют две волны, соответствующие двум основным периодам их формирования и развития: «количественный подход» первой волны, связанной с автоматизацией поиска и извлечения знаний из баз данных в области гуманитарной информатики (90-е гг. XX в. – начало 2000 г.), и «качественный подход» второй волны (с 2007 г. по настоящее время), генеративной по своему характеру, представляющей преимущественно эмпирические исследования в области Digital Humanities, основанные на конвергенции гуманитарных наук и цифровых технологий [6]. Задача цифровых гуманитарных наук – производство и управление знанием, представленным в цифровых контекстах [8]. В настоящее время цифровые гуманитарные науки характеризуются интерактивностью, гибридной методологией, многообразием моделей и практик.

Однако, например, М. Таллер представляет более детальную периодизацию формирования цифровой гуманитаристики с учетом ее генезиса, связанного с использованием компьютеров в корпусной лингвистике и антропологических исследованиях. Он выделяет четыре основных периода: первый – методологический, который датируется 1949–1970 гг. – временем зарождения гуманитарной информатики (Humanities Computer Science). В этот период была разработана методологическая платформа применения ИТ-технологий в гуманитарных науках и ее концептуальный аппарат. Проведение гуманитарных исследований требует создания программного обеспечения для каждого отдельного исследования в соответствии с особенностями дисциплинарной области; в результате анализа исследователь получает новое знание. Однако, как отмечает М. Таллер, по мере роста цифровой информации аналитический инструментарий ее обработки не сопровождался повышением качества исследований [1, с. 7–10].

Второй период (1970–1985) характеризуется расцветом квантификации, связанной с использованием пакетов прикладных программ.

Третий период (1985 – ок. 1997) обусловлен микрокомпьютерной революцией. Основные черты этого периода состоят в утрате значимости квантификации, в возможности выполнения работы гуманитария за рабочим столом, в доминировании гуманитарных проектов с компьютерной поддержкой над традиционными проектами гуманитарных наук.

Четвертый период (с 1997 г. – до настоящего времени) связан с революционными возможностями использования Интернет, он получил название «качественного периода» в применении информационных технологий для решения задач в области гуманитарных знаний («Экспертиза и поиск электронных документов», «Информационный менеджмент», «Музеология» и др.). Его характерные особенности состоят в использовании информационных технологий как средства доступа к базе данных, с предоставлением задачи их анализа и интерпретации – экспертам и гуманитариям.

Отечественные и зарубежные исследователи в стремлении систематизировать проблемное поле представляют различные подходы к определению понятия «DH» и типологизации его предметных областей. В то же время, как уже отмечалось, несмотря на большое число работ, посвященных исследованию цифровых гуманитарных наук, определение понятия остается дискуссионным.

Значительная часть отечественных и зарубежных исследователей определяет Digital Humanities как направление, объединяющее конвергентные научные исследования, совокупность моделей и практик в области социально-гуманитарных наук, применяющих информационные технологии для выполнения содержательных задач в различных областях гуманитарных знаний.

Наиболее авторитетные взгляды на понятие и задачи DH выражают авторы манифестов цифровых гуманитарных наук. Так, директор французского Центра открытых электронных изданий М. Дакос в опубликованном в 2010 г. «Манифесте цифровых гуманитарных наук» провозглашает: «Цифровые гуманитарные науки по определению междисциплинарны и несут в себе все методы, средства и перспективы познания, связанные с цифровыми технологиями в области гуманитарных наук» [5, с. 6].

Схожие позиции выражают европейские и американские авторы, делающие акцент на технологиях:

- «DH – соединение гуманитарных наук и компьютерных технологий» (Л. Ричардсон, Великобритания);
- «DH – использование информационных средств в работе гуманитарных наук» (Дж. Ансворт, Иллинойский университет, США);
- «DH – такое соединение гуманитарных занятий (исследования, преподавания, публистики) с технологиями (инструментарий, коммуникация, взаимодействие), при котором ученый сознательно исследует гуманитарный объект и технологический метод одновременно» (Э. Милонос, Брауновский университет, США) [4, с. 338] и др.

Еще один подход к определению Digital Humanities представлен с акцентом на общности понятия (как интеграции научных областей и практик в процессе производства знаний и инноваций в гуманитарной сфере с использованием конвергентных технологий и методов):

- «DH – это общий термин, охватывающий множество типов применения информатики в гуманитарных науках: развитие мультимедийной педагогики и науки, дизайн и создание программ и архивов, человеко-компьютерное взаимодействие и прочее. DH – междисциплинарная область, при необходимости она переступает границы как на локальном (скажем, язык и история), так и на глобальном уровне (гуманитарные и информационные науки)» (К. Госсетт, Университет Олд Доминиона, США)» [4, с. 339].

Поскольку задачи современных исследований (особенно в области социальных наук) связаны с обработкой больших данных, их решение зависит от возможностей информационных технологий и статистических методов, инструментальный подход начинает преобладать в социально-гуманитарных областях знаний. Так, например, согласно Джону Ансворту, Digital Humanities – это «способ представления данных, моделирования или даже имитирования» [4, с. 63]. Данное определение характеризует методологический аспект понятия «цифровые гуманитарные науки», но не охватывает всей его полноты как междисциплинарного направления.

Согласно позиции российских исследователей, У. С. Захаровой, Г. В. Можаевой, П. Н. Можаевой, Ж. А. Рожневой, В. А. Сербина и А. А. Хаминовой, авторов монографии «Digital Humanities: гуманитарные науки в цифровую эпоху», цифровая гуманитаристика «представляет собой междисциплинарную область исследований, где технологический инструментарий подчинен решению содержательных задач, формированию современной исследовательской тематики, развивающей представление о гуманитарных науках» [7, с. 101]. Ключевыми факторами для быстро растущего направления становятся преобразование традиционных областей гуманитарных исследований через цифровые инструменты и ресурсы (объединение различных технологий и методов, экспертных знаний) и выстраивание новых коммуникаций, нарушающих дисциплинарные границы [7, с. 7]. Значительную часть данного направления исследований составляют прикладные разработки, в том числе: информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и возможности их внедрения, новые цифровые инструменты, методы и модели (22 %); создание цифровых ресурсов, платформ, мультимедийных систем, мобильных приложений, 3D-моделей (27 %); разработка онлайн-инструментов для обучения (7 %) [7, с. 102–103].

В свою очередь, Е. В. Самостиенко в определении Digital Humanities акцентирует внимание на интегративной роли ИКТ как инструментов (для обмена информацией, знанием, энергией) и механизмов перевода символических практик из одной области в другую (например, при лингвистическом переводе осуществляется перевод с одного языка на другой. Интермедиальный перевод данных в цифровой среде на основе бинарного кода состоит в переводе одной модальности – в другую, например, – перевод звука в цвет. Интерсистемный перевод представляет обмен элементами языков между различными системами [2, с. 39–40]. В результате подобных практик Digital Humanities как «автономных зон обмена» происходит трансформация объекта исследования, изменение эпистемологического статуса исследования и рассеяние дисциплинарных границ гуманитарных знаний. В процессе конвергенции гуманитарных наук и информационных технологий создается «информационно-коммуникационная структура, внутри которой возникают новые способы организации, презентации и экспонирования данных (нелинейные структуры, визуализация данных и другие» [2, с. 40].

В число менее поддержанных специалистами точек зрения входят определения DH:

- как новой науки (Я. Д. Пруденко, Д. Ю. Кузьмина [13, с. 17], И. Н. Рудов [14, с. 27];
- нового тренда (Д. Н. Зорин) [15];
- «пограничной зоны» в конкуренции между традиционными и новыми подходами в исследовании и преподавании гуманитарных дисциплин (П. Артур) [16, с. 47–59];

– неоднородной среды, матрицы конвергентных практик, исследующих человечество и предназначенных для производства знаний и их распространения («Digital Humanities Manifesto», 2009) [8].

Проблема дисциплинарного статуса Digital Humanities – также предмет особой дискуссии [4]. Как отмечают многие эксперты, цифровые гуманитарные науки не являются отдельной дисциплиной [2, 15]. Специалисты акцентируют внимание на неоднородности данного междисциплинарного направления, в состав которого входят фундаментальные научные дисциплины и прикладные исследования [8].

Представленные точки зрения на понятие цифровых гуманитарных наук коррелируют с частотной выборкой анализа понятия «DH», осуществленной зарубежными исследователями, авторами упоминавшейся работы «Цифровые гуманитарные науки», на основе анализа интернет-ресурсов:

Таблица. Частотность категорий в определении понятий «DH» и «Humanities Computer Science»²

Table. Frequency of categories in definition of the concepts «Digital Humanities» and «Humanities Computer Science»

Количество респондентов	Экспликация ключевых категорий в определении понятия «DH» на основе анализа интернет-сайта TAPoRwiki «Как вы определяете цифровые гуманитарные науки и гуманитарную информатику?»
55	Использование технологий в гуманитарных науках
22	Работа с цифровыми технологиями
15	Минимизация различий между DH и гуманитарными науками
12	Широта понятия и проблемы гуманитарного дискурса
12	Отказы давать определения
10	Метод и сообщество
9	Оцифровка/архивы
9	Изучение цифровой среды

Согласно результату частотной выборки, из 170 участников, определявших понятия «Digital Humanities» и «Humanities Computer Science», 77 респондентов (45 %) акцентировали внимание на специфике данного направления, состоящей в применении информационных и других технологий в гуманитарных науках, и только 15 респондентов склонны определять DH как область гуманитарных наук, не имеющую существенных отличий от традиционного гуманитарного знания; 28 участников (10 + 9 + 9) склонны считать DH как осуществление различных исследовательских проектов в цифровой среде.

Значительное число работ отечественных и зарубежных авторов посвящено анализу изменений в характере проведения научных исследований в гуманитарных науках в связи с «вычислительным поворотом». В трансформации характера исследований отмечают: методологическую, инструментальную [7, с. 5–6], [11, с. 77–78] и цифровую междисциплинарность (А. Ю. Володин, 2014) [10, с. 7]; направленность на расширение сферы коммуникаций; замещение объекта исследования информационными данными об объекте [17, с. 24–26; 18, 19]; изменение критериев научности и целей исследования (утрату объективности, гибридизацию методов, нечеткость дисциплинарных границ).

Существенно дополняет представление о цифровой гуманитаристике обзор публикаций, посвященных специфике прикладных исследований (отраслевых цифровых гумани-

² См.: [4, с. 336].

тарных наук), который свидетельствует об особенностях «вычислительного поворота» в социальных и гуманитарных дисциплинарных областях, а также анализ статей, содержащих отдельные критерии типологизации данного направления.

Отечественные и зарубежные авторы систематизируют проблемное поле Digital Humanities по различным основаниям, однако в целом типологизация DH может проводиться по следующим критериям:

- основные области/парадигмы исследований;
- предметная область социальных и гуманитарных наук;
- цели исследования: фундаментальные, прикладные, практические;
- форма институциональной организации (центры, лаборатории, конференции, сетевые сообщества, сайты, блоги); и др.

Остановимся подробнее на каждом из представленных критериев.

Так, например, М. Таллер в рамках критерия «основные области/парадигмы исследований» выделяет в Digital Humanities *четыре области* (или *парадигмы*):

- 1) *анализ текста* (в литературоведении, журналистике, развивающихся научных направлениях);
- 2) *квантитативные исследования* в гуманитарных науках с использованием баз данных;
- 3) *оцифровку больших коллекций изображений и управление коллекциями* с использованием трехмерных моделей артефактов (в «визуальных» дисциплинах);
- 4) *гуманитарную информатику*, требующую для решения исследовательских задач создания адекватного программного обеспечения [1, с. 8–10].

В *анализе текста* используется индексирование коллекций документов для извлечения контекстного знания, анализ которого способствует определению авторского стиля, построению лингвистических корпусов.

Квантитативные исследования осуществляются в распределенной цифровой среде с использованием программного обеспечения в различных предметных областях (например, для исследования настроения пользователей тех или иных услуг, для анализа новостных порталов в сфере журналистики, для решения задач управления в сфере цифрового менеджмента, цифровой экономики).

Оцифровка коллекций изображений и управление коллекциями с использованием трехмерных моделей артефактов широко применяется в археологии, в музеях, на сайтах учреждений культуры, обеспечивая широкий доступ пользователей Интернет к коллекциям в дистанционном формате с восприятием виртуальной и смешанной реальностей.

Гуманитарная информатика представляет собой междисциплинарное направление, находящееся на пересечении информатики и теории информации с гуманитарными науками, в частности, одно из определений характеризует ее как «практику использования информатики для гуманитарных наук и в гуманитарных науках» [20, с. 152]. Изначально «Гуманитарная информатика» была связана с лингвистическим анализом и машинным переводом текста, позднее ее предметное поле дополнилось другими гуманитарными знаниями. Переход от гуманитарной информатики к цифровым гуманитарным наукам состоялся в середине нулевых, аналитики подчеркивают, что по сравнению с гуманитарной информатикой это – новое направление преимущественно прикладных исследований, в котором

речь идет о расширении охвата существующих проблем [20, с. 179–180]. В свою очередь, с позиций непосредственно гуманитарного знания цифровая гуманитаристика оценивается специалистами не как замена или отказ от традиционных гуманитарных запросов, а как естественное продолжение и расширение традиционной сферы гуманитарных знаний, базирующихся на информационной методологии и новой междисциплинарности [9, с. 3].

Анализ типологизации DH по критерию «*предметные области социальных и гуманитарных наук*» представляет динамику изменения традиционных гуманитарных дисциплин под влиянием процессов конвергенции/дивергенции социальных и гуманитарных знаний в результате информатизации и медиатизации научно-исследовательской среды, образовательного процесса и социального управления на современном этапе формирования сетевого общества. Е. В. Самостиенко характеризует процесс расширения сферы цифровой гуманитаристики как информатизацию и медиатизацию традиционных гуманитарных наук, проявление «механизмов формирования автономных зон», «ответственных» за гибридизацию, в результате которой формируются новые модели и практики. «Смещение фокуса» социально-гуманитарных знаний в направлении Digital Humanities – это ответ на запрос сетевого общества на «создание специфической информационной инфраструктуры, своего рода семантической сети, которая позволит создавать абсолютно новые знаковые символические целостности» [2, с. 42], в основе которых воплощены принципы сетевой коммуникации, замещающие иерархические коммуникационные структуры в бизнесе, управлении и производстве знаний.

А. В. Макулин рассматривает проблему типологизации цифровых гуманитарных наук в связи с использованием программного обеспечения как интеллектуальной составляющей инноваций в гуманитарной сфере сквозь призму формирования *цифровой философии*. Применение компьютерного моделирования и программирования с использованием графических визуализаций в преподавании философии и исследовательских проектах способствовали осознанию «цифровой философии» как направления в философии и космологии, отделившегося от «цифровой физики» (автор терминов Эвард Фредкин), и как способа моделирования и анализа классических проблем философии [11, с. 79]. Как отмечает Макулин, «вычислительный поворот» в гуманитарных дисциплинах, в целом, и в философии, в частности, отражает изменение форм коммуникаций в соответствии с запросами сетевого общества на «исчисляемую полигранность и динамическую визуализацию» [11, с. 83].

Тему типологизации Digital Humanities по критерию *предметных областей* продолжает и значительное число публикаций, связанных с анализом текстов в *исторических и библиографических исследованиях* с использованием машинного анализа текстов. А. Ю. Володин характеризует историографический переход от «исторического компьютеринга» (представлявшего техническую поддержку исторических исследований) к «цифровой истории» как «интеллектуальный прорыв» с новыми профессиональными практиками, научными стандартами и теоретическими построениями. Проектный подход к решению научных проблем исторического исследования выражается в создании новых продуктов (например, электронного онлайн-ресурса) и новом научном инструментарии; расширении историко-культурного наследия с использованием электронных публикаций, реконструкций и визуализаций [10, с. 5–6].

Характерным примером становления новых междисциплинарных областей знаний, имеющих свой предмет и представляющих новые модели коммуникации в результате конвергенции гуманитарных, социальных и информационно-технологических дисциплин, являются «Цифровая корпоративная культура», «Цифровая самопрезентация», «Цифровые коммуникации», «Цифровой этикет», «Цифровой деловой этикет», «Цифровой сторителлинг». Каждая предметная область отражает определенный уровень теоретического обобщения в результате взаимодействия гуманитарных знаний и ИКТ. К примеру, «Цифровая корпоративная культура» и «Цифровая самопрезентация» представляют более высокий уровень конвергенции по сравнению с «Цифровым этикетом» или «Цифровым сторителлингом» – трансдисциплинарное знание.

В связи с этим рассмотрим подробнее «Цифровую самопрезентацию» как новый вид конвергенции, поскольку современное прочтение понятия «самопрезентационная коммуникация» представляет собой интеграцию разных научных областей, изучающих данное явление в нецифровой и цифровой среде [21]. При этом тематика самопрезентации в нецифровой среде должна рассматриваться на основе интегрированного социально-гуманитарного знания (О. А. Пиккулева). Конвергентное знание не отменяет профессиональных профильных знаний, однако дифференциация, по оценке специалистов, из особого направления эволюции науки становится одним из аспектов доминирующего в ней интеграционного процесса. В настоящее время специальные профильные знания, касающиеся самопрезентации (в частности, из области психологии личности, психологии эмоций, когнитивной психологии, исследовательских практик в науках о человеке, таких как нейропсихология, нейрофизиология, нейробиология и др.), наряду с этикетной, имиджевой, репутационной составляющими самопрезентационной тематики выступают в качестве необходимых компонентов предметной области как некой целостности, и в совокупности дают понимание самопрезентации как современного междисциплинарного знания, отражающего вызовы современной стадии развития общества.

В свою очередь, цифровую презентацию, функционирующую в виртуальном пространстве современного социума, следует рассматривать с позиций конвергенции социально-гуманитарных и технологических знаний, которая оценивается специалистами как расширение традиционной сферы гуманитарного знания, базирующегося на информационной методологии и новой междисциплинарности.

В отличие от гуманитарных моделей и практик ключевые изменения в *социальных науках* в результате применения цифровых технологий выражаются в смещении фокуса от изучения объекта (общества, социальных институтов и отношений) к анализу данных об объекте [17, 19], в увеличении числа прикладных исследований на основе конвергенции социальных наук, статистики, информатики. «Вычислительный поворот» в социальных исследованиях, согласно Л. В. Земнуховой, состоит в следующих основных положениях: 1) неоднозначная роль данных; 2) неопределенность дисциплинарных границ; 3) трансформация исследовательских практик; 4) использование новых форматов вовлечения в социальные исследования разработчиков и пользователей. Интенсивный прирост данных при отсутствии единого центра обмена информации, который бы аккумулировал разнородные данные, и технологий интерпретации этих данных ставят перед исследователями из области социальных наук самостоятельную задачу, связанную с навыками статистиче-

ской обработки информации. Кроме того, большие данные изменяют критерии объективности и само понятие знания как такового; вне контекста большие данные утрачивают смысл [17, с. 24–25]. Новые форматы привлечения пользователей в производство, отбор и интерпретацию знаний формируют новые типы человеко-компьютерных сетей: добровольные вычисления (public resource computing), краудсорсинг (crowdcourcing), поисковые системы, коллективное зондирование crowd (crowdsensing), онлайн-рынки, социальные медиа, онлайн-игры и виртуальные миры, массовое сотрудничество [17, с. 27].

В целом анализ предметного поля Digital Humanities акцентирует внимание на неоднородности входящих в него научных дисциплин, прикладных моделей и практик, что можно рассматривать как отдельную проблему исследования, ориентированного на выделение видов цифровых гуманитарных знаний. При этом выделение и обоснование критериев их систематизации должно стать следующей ступенью развития цифровой гуманистики.

По целям исследования типологизация Digital Humanities отечественными и зарубежными авторами специально не представлена, тем не менее, она позволяет увидеть различие в характере междисциплинарности фундаментальных и прикладных исследований. *Фундаментальным исследованием* (гуманитарной информатике, социальной информатике, компьютерной лингвистике и др.) присуща методологическая междисциплинарность [7, с. 5–6], что выражается в формировании междисциплинарной области по типу дисциплинарной: с общим объектом и предметом исследования, принципами анализа и общим понятийным аппаратом (предметной онтологией). К примеру, гуманитарная информатика как фундаментальная научная дисциплина изучает информационные процессы в гуманитарных системах различной природы с использованием методов формализации, информационного моделирования и компьютерного эксперимента [8].

К числу *прикладных* относятся исследования в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и возможности их внедрения, создание новых цифровых инструментов, методов и моделей; создание цифровых ресурсов, платформ, мультимедийных систем, мобильных приложений, 3D-моделей; разработка онлайн-инструментов для обучения, исследования в области «Art and Science» и др.

Общими чертами *прикладных исследований* являются: конвергенция методов и технологий для решения определенной задачи; инструментальный характер междисциплинарности; технологический инструментарий подчинен решению содержательной задачи [7, с. 102]; коммерциализация исследований; как правило, применяются различные формы привлечения исследователей для производства знаний; использование специальных компьютерных программ для проведения исследования; работа с большими данными в распределенной сетевой среде, их производство, анализ и интерпретация.

В практических исследованиях Digital Humanities междисциплинарность также носит инструментальный характер в таких областях, как археология, цифровое музееведение (оцифровка и сохранение коллекций), оцифровка библиотечных фондов. В определенном смысле библиотеки осуществляют сохранение национальной памяти. Электронные библиотеки – неотъемлемая часть глобальной информационной инфраструктуры, обеспечивающей подключение исследователей и различных институтов науки и культуры к различным базам знаний для международного сотрудничества. Недостаточное развитие инфор-

матизации библиотечных фондов и ограниченный доступ к зарубежным электронным библиотекам в России – одна из причин кризисного состояния гуманитарных исследований в российских университетах и в целом в современной России.

В качестве еще одного из компонентов типологии Digital Humanities рассматриваются различные *формы организации сетевых институтов* (центры, лаборатории, конференции, сетевые сообщества, сайты, блоги), представляющие формы коммуникации сетевых акторов в качестве потребителей информации и участников производства знаний. Однако основными формами производства знаний являются центры, лаборатории, институты, университеты.

Специалисты подчеркивают, что идейной основой цифровизации традиционных гуманитарных наук стали международные центры по развитию цифровой культуры и цифровых гуманитарных наук. В частности, А. В. Макулин отмечает, что применительно к цифровой философии идейными центрами выступили такие международные организации, как Комитет по философии и компьютерам (Committee on Philosophy and Computers) и Международная ассоциация компьютерной науки и философии (International Association on Computing and Philosophy) [11, с. 79]. Директор французского Центра открытых электронных изданий М. Дакос в «Манифесте цифровых гуманитарных наук» определил не только роль, но и задачи применения новых мультимедиа и цифровых инструментов в Digital Humanities, состоящие «в том, чтобы моделировать превосходство и инновацию в этих областях и облегчать формирование одновременно глобальных и локальных сетей производства, обмена и распространения знаний» [5, с. 10]. Одна из приоритетных задач центров помимо применения и продвижения цифровых технологий в гуманитарных исследованиях – оказание консультативной и технической помощи представителям Digital Humanities.

Заключение. В представленном исследовании с позиций философской методологии сравнительного анализа рассмотрены этапы становления и развития цифровых гуманитарных наук в результате расширения проблематики гуманитарной информатики. Проанализированы основные подходы отечественных и зарубежных специалистов к определению понятия Digital Humanities, выделены его основные аспекты. Осуществлен анализ критериев типологизации междисциплинарных областей, моделей и практик, рассмотрены изменения в исследовании цифровой гуманитаристики, произошедшие в результате «вычислительного поворота» в данном направлении.

В целом, проведенный анализ цифровых гуманитарных наук дает основания для ответов на поставленные вопросы относительно их статуса. В частности, по мнению большинства исследователей, Digital Humanities не являются новой наукой, а представляют междисциплинарное направление социально-гуманитарных наук, основанное на применении цифровых технологий в социально-гуманитарных исследованиях, выполняющих инструментальную роль для достижения целей гуманитарных наук. Влияние цифровых технологий на современное состояние данного направления характеризуется трансформацией объекта и предмета исследования, ослаблением критериев объективности научного познания, методологическим и инструментальным характером междисциплинарности, преимущественно прикладным характером исследований.

Расширение сферы цифровых гуманитарных наук представляет адаптацию науки и сферы образования к запросам формирующегося сетевого общества в результате достижений четвертой технологической революции. Амбивалентный характер инновационных технологий в эпоху Индустрии 4.0, Интернета вещей, Интернета людей, Интернета сервисов, развития искусственного интеллекта, облачных вычислений и т. п. проявляется в неоднозначном воздействии на окружающую среду и человека. Расширение сетевых коммуникаций сопровождается формированием информационно-медийной полиэкранной культуры, формирующей новый тип социальности – сетевой. В связи с этим среди центральных задач социально-гуманитарных наук – установление социальной экспертизы за вводимыми технологиями и реализация потенциала гуманитарных наук для предотвращения и управления рисками, связанными с развитием Digital Humanities.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 5–13.
2. Самостиенко Е. В. Digital Humanities в русскоязычном контексте: траектория институциализации и механизмы формирования автономных зон // Вестн. Вятского гос. ун-та. 2018. № 4. С. 37–45. DOI: 10.25730/VSU.7606.18.03.
3. Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ.; ред. А. Меркурьева, М.: Эксмо, 2016.
4. Цифровые гуманитарные науки: хрестоматия / под ред. М. Террас, Д. Найхан, Э. Ванхутта, И. Кижнер; пер. с англ. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2017.
5. Dacos M. Манифест Digital Humanities. URL: <http://tcp.hypotheses.org/501> (дата обращения: 18.05.2020).
6. The Digital Humanities Manifesto 2.0. URL: https://www.humanitiesblast.com/manifesto/Manifesto_V2.pdf (дата обращения: 05.05.2020).
7. Digital Humanities: гуманитарные науки в цифровую эпоху / У. С. Захарова, Г. В. Можаева, П. Н. Можаева и др.; под ред. Г. В. Можаевой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2016.
8. Журавлева Е. Ю. Современные модели развития гуманитарных наук в цифровой среде // Вопр. философии. 2011. № 5. С. 91–98.
9. Можаева Г. В. Digital Humanities: цифровой поворот в гуманитарных науках // Гуманитарная информатика. 2015. Вып. 9. С. 8–23.
10. Володин А. Ю. Digital Humanities (Цифровые гуманитарные науки): в поисках самоопределения // Вестн. Пермского ун-та. История. 2014. № 3 (26). С. 5–12.
11. Макулин А. В. Интеллектуальные системы в гуманитарной сфере и цифровая философия // Вестн. Северного (Арктического) фед. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 76–86. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.2.76.
12. Елькина Е. Е., Кононова О. В., Прокудин Д. Е. Типология контекстов и принципы контекстного подхода в междисциплинарных научных исследованиях // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2019. Т. 15, № 1. С. 141–153. DOI: 10.25559/SITITO.15.201901.141-153.
13. Кузьмина Д. Ю., Пруденко Я. Д. Гуманитарные науки в цифровой век или неотвратимость дисциплинарной гибридизации // Междунар. журнал исследований культуры. 2012. № 3 (8). С. 17–23.
14. Рудов И. Н. «Тренды» в цифровых гуманитарных науках: библиометрический анализ на основе базы данных Scopus // Информационный АИК. 2016. № 45. С. 25–27.
15. Зорин А. Л. Об эпистемологическом статусе понятия «Цифровые гуманитарные науки // Культура и времена перемен. 2019. № 2 (25). URL: [http://timekguki.esrae.ru/pdf/2019/2\(25\)/444.pdf](http://timekguki.esrae.ru/pdf/2019/2(25)/444.pdf) (дата обращения: 02.05.2020).

16. Arthur P. Virtual strangers: e-Research and the Humanities // International Journal of Culture and History in Australia. 2009. Vol. 27, № 1. P. 47–59.
17. Земнухова Л. В. Как цифровые технологии трансформируют социальные науки // Этнограф. обозрение. 2020. № 1. С. 23–33.
18. Погорский Э. К. Особенности цифровых гуманитарных наук // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2014. № 5. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/5/Pogorskiy_Digital-Humanities/ (дата обращения: 05.04.2020).
19. Manning P. Big Data in History. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. DOI: 10.1057/9781137378972.
20. Ванхутт Э. Врата ада: история и определение цифровых (гуманитарных) наук / гуманистической информатики // Цифровые гуманитарные науки: хрестоматия / под ред. М. Террас, Д. Найхан, Э. Ванхутта, И. Кижнер; пер. с англ. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2017. С. 151–194.
21. Мамина Р. И. Искусство самопрезентации в эпоху цифры. СПб.: Петрополис, 2020.

Информация об авторах.

Мамина Раиса Ильинична – доктор философских наук (2007), профессор кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: аксиосфера современного социума, коммуникативные практики, кроскультурное сотрудничество, цифровые коммуникации, цифровой этикет, цифровая самопрезентация, инновационные образовательные траектории. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3301-636X>. E-mail: MaminaRaisa@yandex.ru

Елькина Елена Евграфовна – кандидат философских наук (1997), доцент (2002), заведующая отделом подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук, Университетская наб., 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 90 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия и методология науки, философия техники, философские проблемы информационной реальности, философская антропология, философия языка. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3674-4004>. E-mail: e.e.e.1@mail.ru

REFERENCES

1. Thaller, M. (2012), "Controversies around the Digital Humanities", *Historical Information Science*, no. 1. pp. 5–13.
2. Samostienko, E.V. (2018), "Digital Humanities in the Russian Context: the Trajectory of Institutionalization and the Mechanisms for the Formation of Autonomous Zones", *Herald of Vyatka State University*, iss. 4, pp. 37–45.
3. Schwab, K. (2016), "The Fourth Industrial Revolution", Transl., in A. Merkur'eva (ed.), Eksmo, Moscow, RUS.
4. *Defining Digital Humanities. A Reader* (2017), in Terras, M., Nyhan, Ju., Vanhoutte, E. and Kizhner, I. (eds.), Transl., Siberian Federal Univ., Krasnoyarsk, RUS.
5. Dakos, M. (2011), *Manifest Digital Humanities*, available at: <http://tcp.hypotheses.org/501> (accessed 18.05.2020).
6. The Digital Humanities Manifesto 2.0, available at: https://www.humanitiesblast.com/manifesto/Manifesto_V2.pdf (accessed 05.05.2020).

7. Zakharova, U.S., Mozhaeva, G.V., Mozhaeva, P.N., Rozhneva, Zh.A., Serbin, V.A. and Khaminova, A.A. (2016), *Digital Humanities: gumanitarnye nauki v tsifrovyyu epokhu* [Digital Humanities: The Humanities in the Digital Age], in Mozhaeva, G.V. (ed.), Izd-vo Tomskogo un-ta, Tomsk, RUS.
8. Zhuravleva, E.Yu. (2011), "Modern models of developments of humanitarian sciences in the digital environment", *Russian Studies in Philosophy*, no. 5, pp. 91–98.
9. Mozhaeva, G.V. (2015), "Digital Humanities: Digital Turn in the Humanities", *Humanitarian Informatics*, no. 9, pp. 8–23.
10. Volodin, A.Yu. (2014), "Digital humanities in search of self-defining", *Perm University Herald. History*, no. 3 (26), pp. 5–12.
11. Makulin, A.V. (2016), "Intellectual systems within the humanities and digital philosophy", *Vestnik of Pomor University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*, no. 2, pp. 76–86. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.2.76.
12. Ylelkina, E.E., Kononova, O.V. and Prokudin, D.E. (2019), "Typology of Contexts and Contextual Approach Principles in Multidisciplinary Scientific Research", *Modern Information Technologies and IT-Education*, vol. 15, no. 1. pp. 141–153. DOI: 10.25559/SITITO.15.201901.141-153.
13. Kuz'mina, D.Yu. and Prudenko, Ya.D. (2012), "Humanities in the Digital Age, or the Inevitability of Disciplinary Hybridization", *International Journal of Cultural Research*, no. 3 (8), pp. 17–23.
14. Rudov, I.N. (2016), "Trends" in the Digital Humanities: Bibliometric Analysis Based on the Scopus Database", *Informatsionnyi byulleten' assotsiatsii istoriya i kompyuter* [Association Fact Sheet History and Computer], no. 45, pp. 25–27.
15. Zorin, A.L. (2019), "About epistemological status of the concept "digital humanities", *Kul'tura i vremya peremen* [Culture and time for change], no. 2 (25), available at: [http://timekguki.esrae.ru/pdf/2019/2\(25\)/444.pdf](http://timekguki.esrae.ru/pdf/2019/2(25)/444.pdf) (accessed 02.05.2020).
16. Arthur, P. (2009), "Virtual strangers: e-Research and the Humanities", *International Journal of Culture and History in Australia*, vol. 27, no. 1, pp. 47–59.
17. Zemnukhova, L.V. (2020), "How digital technologies are transforming social sciences", *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], no. 1, pp. 23–33.
18. Pogorskiy, E.K. (2014), "Features of Digital Humanities", *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 5, available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/5Pogorskiy_Digital_Humanities/ (accessed 05.04.2020).
19. Manning, P. (2013), *Big Data in History*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK. DOI: 10.1057/9781137378972.
20. Vanhoutte, E. (2017), "Gates of Hell: History and Definition of Digital (Humanities) Sciences / Humanistic Informatics", *Defining Digital Humanities. A Reader*, in Terras, M., Nyhan, Ju., Vanhoutte, E. and Kizhner, I. (eds.), Transl., Siberian Federal Univ., Krasnoyarsk, RUS. pp. 151–194.
21. Mamina, R.I. (2020), *Iskusstvo samoprezentatsii v epokhu tsifry* [The art of self-presentation in the digital age], Petropolis, SPb., RUS.

Information about the authors.

Raisa I. Mamina – Dr. Sci. (Philosophy) (2007), Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author more than 100 scientific publications. Area of expertise: axiosphere of modern society, communication practices, etiquette space of corporate culture, cross-cultural cooperation, digital communications, digital etiquette, digital self-presentation, innovative educational trajectories. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3301-636X>. E-mail: MaminaRaisa@yandex.ru

Elena E. Yelkina – Can. Sci. (Philosophy) (1997), Docent (2002), Head of Higher Qualification Expert Training Office, Saint Petersburg Branch, Institute for the History of Science and Technology, RAS, 5 Universitetskaya emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 90 scientific publications. Area of expertise: philosophy and methodology of science, philosophy of technology, philosophical problems of information reality, philosophical anthropology, philosophy of language. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3674-4004>. E-mail: e.e.e.1@mail.ru

УДК 111.12

Оригинальная статья / Original paper

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-39-45>

К вопросу о философском значении термина «конфликтный паттерн»

Б. В. Кабылинский[✉]

Финансовая академия, Нур-Султан, Казахстан

[✉]boris_kabylinskiy@mail.com

Введение. В центре внимания автора – философское постижение сущности паттерна и оценка возможностей для интеграции данного понятия в систему научного знания. Ввиду обширности исследуемой темы предметное поле в статье намеренно редуцируется до рамок конфликтного бытия. Аргументируется тезис о том, что паттерны не только артикулируют возможные условия ликвидации остроты конфликтного бытия, но также указывают на эмпирическую вероятность многократного использования алгоритмов, нацеленных на гармонизацию соприсутствия Я и Другого. Научная актуальность состоит в уточнении границ применения термина «паттерн» в системе философского знания. Научная новизна данного материала состоит в авторской проработке аксиологических компонентов паттерна в философском ракурсе.

Методология и источники. Методологически работа базируется на философских текстах по тематике паттернов (Б. Гертцель, Е. Бронfen, А. Бенжамен), моделирования, научного инструментария, феноменологии Гуссерля и Хайдеггера.

Результаты и обсуждение. Паттерн понимается как систематическое повторение элементов конфликтной реальности, происходящее с онтологической необходимостью вне зависимости от вариативных особенностей бытия-в-конфликте. Интеграция паттернов в эпистемологическую сетку позволяет добиться более симметричного расположения элементов в системе философского знания о конфликте. Автор анализирует паттерны в пространстве и времени с учетом аксиологической составляющей в конфликтном ракурсе. Логическим итогом размышления в рамках статьи является определение паттерна с философской точки зрения, формулирование вывода о роли паттернов в структуре конфликтного бытия и уточнение экзистенциальных характеристик конфликтного бытия, отражающихся в паттернах.

Заключение. Философская специфика конфликтного паттерна состоит в онтологической фиксации противоестественного состояния Я и Другого по отношению к исходному пребыванию в обоюдной гармонии. В связи с этим эпистемология конфликта приобретает возможности для качественного обновления структуры знания о методиках различия экзистенциальных механизмов существования Я и Другого. Поэтому характерные искажения гармоничных модусов я-в-конфликтности можно обнаружить в соответствующих паттернах.

Ключевые слова: паттерн, конфликт, дискурс, конфликтная реальность.

Для цитирования: Кабылинский Б. В. К вопросу о философском значении термина «конфликтный паттерн» // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 4. С. 39–45. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-39-45

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 28.07.2020; принята после рецензирования 31.08.2020; опубликована онлайн 26.10.2020

© Кабылинский Б. В., 2020



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

On the Philosophic Meaning of the “Conflict Pattern” Term

Boris V. Kablylinskii[✉]

Financial Academy, Nur-Sultan, Kazakhstan

[✉]boris_kablylinskiy@mail.com

Introduction. Socio-philosophical research of the patterns of conflict being in modern discourse needs to be clarified from the perspective of ontology. The conflict specificity of closed society from an ideological perspective makes it possible to discover the ontological foundations of self-conflict-being. For the purpose of empirical reinforcement of conflict research, the relationship between conflict and ideology needs to be discovered in specific cases. North Korean sociocultural realities are among the most visible forms of closed society in modern discourse and provide wide opportunities for understanding the conflict reality modeled by ideological instruments of influence on mass consciousness.

Methodology and sources. Methodologically, the work is based on philosophical texts on the themes of patterns, modeling, scientific instrumentation, the phenomenology of Husserl and Heidegger.

Results and discussion. The pattern is understood as a systematic repetition of elements in conflict reality that occurs with ontological necessity, regardless of the variable features of being-in-conflict. The integration of patterns into the epistemological grid allows us to achieve a more symmetrical arrangement of elements in the system of philosophical knowledge of the conflict. The author analyzes patterns in space and time taking into account the axiological component in a conflict angle.

Conclusion. The philosophical specificity of the conflict pattern consists in the ontological fixation of the perverted nature of Self and Other in relation to the initial stay in mutual harmony. In this regard, the epistemology of conflict acquires the opportunity to qualitatively update the structure of knowledge about the methods of difference between the existential mechanisms of existence of the Self and the Other. Therefore, characteristic distortions of harmonious moduses of i-in-conflict can be found in the corresponding patterns.

Keywords: pattern, conflict, discourse, conflict reality.

For citation: Kablylinskii B. V. On the Philosophic Meaning of the “Conflict Pattern” Term. DIS-COURSE. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 39–45. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-39-45 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 28.07.2020; adopted after review 31.08.2020; published online 26.10.2020

Введение. Философское рассуждение о паттерне необходимо предварить вводными методологическими замечаниями. В частности, необходимо различать значения понятий «паттерн», «модель», «шаблон» и «алгоритм» в онтологическом ракурсе исследования. Во-первых, следует четко определить предметное поле размышления о паттерне ввиду чрезвычайно обширного философского смысла, относящегося к этому понятию. Во-вторых, этимология слова «паттерн» указывает на первоочередность решения теоретической задачи по определению содержательных горизонтов данного термина. По нашему мнению, актуально и перспективно рассматривать паттерн в рамках философии конфликта. В этом случае эвристическая ценность термина «паттерн» в том, что это понятие может располагаться в эпистемологической сетке философского знания о конфликте посередине между практическими руководствами по нейтрализации конфликтного соприсутствия и фунда-

ментальными основами исследования конфликтного бытия. Соответственно обоснованность введения термина «паттерн» в понятийный аппарат системы философского знания о конфликте состоит в том, что паттерны не только артикулируют возможные условия ликвидации остроты конфликтного бытия, но также указывают на эмпирическую вероятность многократного использования алгоритмов, нацеленных на гармонизацию соприсутствия Я и Другого. В соответствии с данной логикой функциональное предназначение паттернов для эпистемологии конфликта заключается в том, чтобы выполнить роль связующего звена в структуре расположения элементов системы философского знания о теоретических и практических аспектах феномена «конфликт».

Методология и источники. Определившись с предметным полем исследования, необходимо четко разграничить значение термина «паттерн» и смежных понятий «модель», «шаблон», «алгоритм». С этой целью необходимо аккумулировать потенциал отечественных и зарубежных методологических исследований, в частности, классические работы В. Штоффа и И. Лакатоса, А. Пригожина, а также современные труды Н. Юлинской, С. Рапаича и т. д.

Основываясь на выводах названных ученых, справедливо утверждать, что модель конфликтной реальности является проявлением мысленно представляемой или материально реализованной системы, которая в ходе отображения или воспроизведения объекта исследования способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте [1, с. 19]. С онтологической точки зрения, термин «модель» указывает на то, что конфликтующие субъекты соприсутствуют в упрощенной реальности, где не увеличиваются исходные значения показателей сходства и различия между объектами. Соответственно, в моделях конфликтной реальности копируются предметы духовной или материальной природы, и при необходимости происходит замещение вещей, а также поведенческих модальностей на аналогичные данности. Иными словами, модель конфликтной реальности редуцирует до минимального значения многообразие индивидуального и колективного опыта пребывания в повседневном конфликтном бытии. Эпистемологическая ценность моделирования в теории конфликта обнаруживается на эмпирическом уровне воспроизведения результатов, ранее достигнутых в ходе конфликтного соприсутствия Я и Другого. При этом моделируемая конфликтная реальность не учитывает возможности развития альтернативных сценариев негативного соприсутствия Я и Другого. Напротив, паттерн имеет дело не с категориями реального и кажущегося для я-в-конфликтности, а выражает закон повторяемости явлений конфликтного бытия. В связи с этим представляется справедливым утверждать, что существенные характеристики термина «паттерн» экзистенциально сопряжены с закономерностями конфликтного соприсутствия в различных культурных вариациях. Заметим, что воспроизведение конфликтных реалий, отражающееся в паттернах, периодически обнаруживает расхождения с изначальными культурно-антропологическими модусами, хотя при этом ритмические колебания не выходят за рамки исходного эпистемологического контура.

Различие терминов «паттерн», «шаблон» и «алгоритм» для философии конфликта состоит в том, что шаблон предполагает воссоздание одинаковых объектов, в то время как паттерн отражает не идентичные, а схожие проявления конфликтного бытия в различных культурных вариациях. Соответственно, понятие «алгоритм» относится к практическому

полю деятельности и указывает на возможности нейтрализации конфликтной ситуации в соответствии с наличествующими субъективными представлениями о вариантах гармонизации негативного соприсутствия Я и Другого. В этом плане термины «алгоритм» и «эпистемологическая программа разрешения конфликтов» обнаруживают коррелятивное соотношение [2].

Результаты и обсуждение. Паттерн можно определить как систематическое повторение элементов конфликтной реальности, происходящее с онтологической необходимостью вне зависимости от вариативных особенностей бытия-в-конфликте. Паттерны убедительно свидетельствуют в пользу онтологической устойчивости конфликтной реальности, так как позволяют обнаружить в основаниях повседневного бытия аподиктические характеристики, не подверженные изменениям на фоне периодического обновления эпистемологической структуры. Ноэматическая интерпретация паттерна предполагает соединение в единой точке пространственных и временных координат, приобретающих в данном синтезе упорядоченность и целостность. Соответственно в ноэтическом смысле паттерн размыкается в рамках опосредованной рефлексии, захватывающей в темпоральности конфликта для-себя-бытие. Поскольку паттерн существует не сам по себе, то его интенциональность выражается в формах организации, присущих конфликтной реальности. При этом интерпретация паттерна не сводится к совокупности элементов и их структурных связей, потому что интеграция разобщенных факторов не налицоует изначально, а привносится в систему самим паттерном, что также создает возможности для прояснения экзистенциальных аспектов конфликтного бытия. Итак, в метафизическом смысле паттерн располагается за границами анархического мироощущения и указывает на возможности философского постижения сущности конфликтного бытия, структурированного в соответствии с иерархическими принципами.

Ключевая философская характеристика термина «паттерн» состоит в непреложном повторении системообразующих элементов конфликтной реальности. В теории конфликта паттерны, по аналогии с точными науками, представляют собой устойчивые закономерности, но в определенных случаях также могут ассоциироваться с классическими принципами самоорганизации [3, с. 35]. Необходимо отметить, что в современной эпистемологии конфликта паттерны нередко рассматриваются с позиций эмпирического опыта и не получают онтологической проработки. В частности, среди наименее исследованных областей философского знания о паттерне обращает на себя внимание проблематика интенциональности. Для теории конфликта очевидно, что паттерны не существуют в изолированной самодостаточности, а указывают на конкретные элементы конфликтной реальности, но эта проблематика нуждается в эпистемологической детализации. В целом приходится констатировать, что игнорирование методологической значимости термина «паттерн» в структуре философского знания провоцирует возрастание актуальности концепций, развивающих идеи о казуальной спонтанности и логической непредсказуемости шансов падения Я и Другого в конфликтную повседневность. Следовательно, в научном дискурсе теории конфликта утверждается идея о низкой степени достоверности прогнозирования относительно динамики развития конфликтной ситуации. Аналогичным образом в культурных вариациях усиливается негативная тенденция и производится критическая оценка перспективы минимизации конфликтного напряжения между Я и Другим [4, с. 41]. Философское

осмысление сущности паттерна открывает возможности экстраполирования принципа организованности за рамки исходного термина с целью оптимизации эпистемологической сетки теории конфликта. Итак, наряду с повторяемостью к фундаментальным характеристикам паттерна относится принцип организованности. Принципиально важно, что по отдельности повторяемость и организованность не являются достаточными онтологическими свидетельствами о наличии паттерна. Импровизации в конфликте всегда отвлекают научно-исследовательское внимание от аналитики закономерностей в негативных взаимоотношениях субъектов. Многогранность и комплексность повседневного соприсутствия Я и Другого в конфликте маскируют паттерны и переставляют научное восприятие на сомнительные основания вроде приверженности идеи о случайном характере я-в-конфликтности. Соответственно, онтологическая атрибутивность паттернов не всегда просматривается в конфликтной реальности. В связи с этим принципиально важно не упускать из виду то обстоятельство, что паттерны всегда отражают идентичные тенденции самоорганизации Я и Другого, хотя и в различных повседневных модальностях я-в-конфликтности. Резюмируем: организованность конфликтного бытия отражается в паттернах с онтологической периодичностью, т. е. не только повторяется, но и не может наличествовать альтернативным способом.

Интеграция паттернов в эпистемологическую сетку позволяет добиться более симметричного расположения элементов в системе философского знания о конфликте. Положительное эпистемологическое влияние паттернов в процессе гармонизации сведений о конфликте состоит в том, что их классификация и систематизация повышают степень научной ясности представлений о конфликтном соприсутствии и оптимизируют распределение информации по соответствующим кластерам.

Для философского подхода к изучению конфликтной реальности паттерны являются характерными явлениями в пространстве и времени и нуждаются в эпистемологической систематизации. В экзистенциальном смысле конфликтные паттерны – это ключевые поведенческие характеристики и мотивации субъектов, определяющие статику и динамику конфликтного столкновения. В частности, паттерны фигурируют в отношениях власти, механизмах коммуникации и в социальной иерархии. Например, паттерн оскорбления выражается в том, что Я проявляет неуважение по отношению к Другому в недопустимой форме, выходящей за рамки общепринятой морали. Дефиниции оскорбительности варьируются в зависимости от культурных вариаций, но сам паттерн не претерпевает существенных изменений. Соответственно, паттерны отражают экзистенциальные проявления я-в-конфликтности в зависимости от результатов субъективного выбора Я между формами мирного и враждебного соприсутствия с Другим. Регулярность утвердительного или отрицательного экзистенциального выбора в пользу той или иной поведенческой модальности определяет степень релевантности паттернов или свидетельствует об утрате их актуальности в конфликтной реальности.

В повседневной конфликтной реальности паттерн непосредственно сопрягается с аксиологическими установками. В связи с этим паттерны подразделяются в ценностном выражении на атрибутивные и реляционные. Атрибутивные паттерны преимущественно отражают распределение социальных ролей в конфликтном дискурсе. Реляционные паттерны указывают на возможные трансформации конфликтной реальности, возникающие

по факту рассогласования ценностных стандартов Я и Другого, в том числе на геополитическом уровне [5]. Соответственно, модификации конфликтного бытия затрагивают не только аксиологические ориентиры я-в-конфликтности, но и предопределяют общую смену курса в ракурсе социокультурного развития. В непрерывности конфликтного бытия Я и Другой утверждают право на существование достоверных ценностей и отказываются от сомнительных аксиологических установок, формируя на эпистемологическом уровне системное представление об эффективности поведенческих установок я-в-конфликтности. Соответственно, данная информационная платформа позволяет формировать парадигму теории конфликта и находить возможности эмпирического использования соответствующей доктрины, в том числе для осуществления транзита накопленного знания в ходе обновления эпистемологической сетки. При этом в индивидуальном восприятии конфликтной реальности паттерны, как правило, редуцируются до алгоритмического уровня взаимодействия с оппонентом в ходе обоюдного негативного соприсутствия. Соответственно, паттерны открывают возможности для субъективного постижения сущностных аспектов культуры, в том числе традиционных и альтернативных модальностей. Я и Другой по мере освоения в конфликтной реальности усваивают возрастающее количество паттернов и демонстрируют способности к более глубокому осознанию данной вариации культуры. В ноэматическом плане культурное совершенствование субъекта указывает на формирование соответствующей идентичности, а также артикулирует настроенность Я на падение в конфликтную реальность по факту посягательства Другого на принятую Ego форму самоидентификации.

Заключение. Можно резюмировать, что философская специфика конфликтного паттерна состоит в онтологической фиксации противоестественности состояния Я и Другого по отношению к исходному пребыванию в обоюдной гармонии. В связи с этим эпистемология конфликта приобретает возможности для качественного обновления структуры знания о методиках различия экзистенциальных механизмов существования Я и Другого. Итак, характерные искажения гармоничных модусов я-в-конфликтности отражаются в соответствующих паттернах. Например, на уровне хайдеггеровского экзистенциала «речь» повышается вероятность лживых высказываний Я и Другого с целью сокрытия и фальсификации собственных намерений в ходе негативного соприсутствия с оппонентом. Для теории конфликта механизмы фальсификации располагаются на более высоких позициях в иерархии профильного знания, поскольку означают фактическое усложнение модальностей, подразумевающих элементарное сокрытие нежелательной информации. Следовательно, паттерны в рамках конфликтной речи отличаются двухуровневой структурой и варьируются в зависимости от экзистенциального выбора Я и Другого в пользу алгоритмов фальсификации или сокрытия контента, имеющего значение при определении вектора негативного соприсутствия. Несомненно, корректирование последствий реализации конфликтных паттернов, использующих механизмы утаивания истины о сущностных аспектах я-в-конфликтности, достигается значительно легче в сравнении с необходимостью устранения дополнительного негативного воздействия фальсификационных инструментов на оппонента в конфликтном соприсутствии. Примечательно, что Я формирует свои предпочтения в области самовыражения и конфликтной речи под воздействием Другого. Соответственно, резкость вызова соперника и его антропологические особенности оказывают

решающее воздействие и устраниют нерешительность я-в-конфликтности. При этом скрытие истины от соперника в конфликтном паттерне характеризуется многослойностью смыслов и охватывает проявления я-в-конфликтности до встречи с Другим и после размыкания негативного соприсутствия на постконфликтной стадии. Очевидно, что исследование паттернов в философском ракурсе необходимо продолжать и с других позиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Штофф В. А. Моделирование и философия. М.: Наука, 1966.
2. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки / пер. И. Веселовского, А. Л. Никифорова. М.: Академический проект, 2008.
3. Пригожин А. И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003.
4. Юлина Н. С. Очерки по современной философии сознания. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2015.
5. Рапаич С. Современная онтология и гносеология // Белград: Философский журнал. 2012. Вып. 63. С. 83–105.

Информация об авторе.

Кабылинский Борис Васильевич – кандидат философских наук (2016), проректор по научной работе и международному сотрудничеству Финансовой академии, ул. Есенберлина, д. 25, г. Нур-Султан, 100600, Казахстан. Автор 72 научных публикаций. Сфера научных интересов: философская антропология, феноменология конфликта, современная культура. E-mail: boris_kabylinskiy@mail.ru

REFERENCES

1. Stoff, V.A. (1966), *Modelirovanie i filosofiya* [Modeling and philosophy], Nauka, Moscow, USSR.
2. Lakatos, I. (2008), *Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [Selected Works on Philosophy and Methodology of Science], Transl. by Veselovskii, I. and Nikiforov, A.L., Academic Project, Moscow, RUS.
3. Prigozhin, A.I. (2003), *Metody razvitiya organizatsii* [Methods of development of organizations], MCFER, Moscow, RUS.
4. Yulina, N.S. (2015), *Ocherki po sovremennoi filosofii soznaniya* [Essays on the modern philosophy of consciousness], Canon+ROOI «Rehabilitation», Moscow, RUS.
5. Rapaich, S. (2012), "Modern ontology and epistemology", *Belgrad: Filosofskii zhurnal* [Belgrade: Philosophical Journal], vol. 63, pp. 83–105.

Information about the author.

Boris V. Kabylinskii – Can. Sci. (Philosophy) (2016), Vice-Rector for Research and International Cooperation, Financial Academy, 25 Esenberlina str., Nur-Sultan 100600, Kazakhstan. The author of 72 scientific publications. Area of expertise: philosophical anthropology, phenomenology of conflict, modern culture. E-mail: boris_kabylinskiy@mail.com

Городская партисипативность в социологическом дискурсе

А. А. Бесчасная^{1✉}, Н. Н. Покровская^{2, 3}

¹Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

²Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

³Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия,

[✉]aabes@inbox.ru

Введение. В настоящее время среди городского населения становится популярной социальная практика партисипативности, т. е. активного участия в преобразовании городского пространства в интересах жителей. Изучение данного феномена представляет интерес в связи с его очевидной интегрированностью в управленические решения. Партиципативность в синонимичных лексемах находит свое отражение во многих эмпирических исследованиях. Расширение практик реализации социальной активности населения и изучение компонентов партисипативности обусловливают постановку цели написания статьи – формирование теоретико-методологического базиса изучения данного феномена.

Методология и источники. В работе представлен аналитико-синтетический обзор классических и современных социологических теорий, которые раскрывают потенциал эмпирического изучения аспектов проявления партисипативности городских жителей. Среди упоминаемых авторами – теории социального действия, социальной солидарности, феноменология, социальный конструктивизм.

Результаты и обсуждение. Зачастую жизнь в городе вскрывает проблемы, затрагивающие многих жителей. Проблемный характер проживания в городах и проникновение этих проблем в повседневное взаимодействие горожан формирует истоки социального участия горожан – индивидуально-частные интересы образуют коллективные действия-процессы. Множественные индивидуальные формы активности горожан по городскому благоустройству преобразуются в партисипативность – институционализированную деятельность по совместному управлению, принятию решений по городским проблемам. Ее участники могут занимать позиции в социальной структуре городского сообщества, дифференцированные по критериям наличия разнообразного опыта взаимодействия, т. е. обмена, с городской средой, и различные позиции в структуре управления городом, что определяет уровень регламентируемых полномочий по принятию управленических решений. Общие для разных категорий горожан проблемы городской жизни и типизация социальной активности по их решению упорядочивают взаимодействия участников, организуют и «производят» городское пространство. В результате анализа теоретико-методологического социологического наследия возникли контуры исследовательской новизны изучаемого проблемного поля – сконструирована модель формирования партисипативного

© Бесчасная А. А., Покровская Н. Н., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



участия горожан в решении проблем городской жизни. В ней отражена последовательность преобразования от индивидуального участия по решению локальной городской проблемы до коллективного солидарного «производства пространства» в интересах реализации права на город.

Заключение. В результате обзора научного вклада ученых представлена теоретическая модель формирования городской партисипативности, которая позволяет проследить преобразование самодеятельной активности городского населения в право на город и формирование благоприятной городской среды.

Ключевые слова: партисипативность, гражданское участие, социальное действие, социальная солидарность, право на город, социальная активность.

Для цитирования: Бесчасная А. А., Покровская Н. Н. Городская партисипативность в социологическом дискурсе // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 4. С. 46–61. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-46-61

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 02.06.2020; принята после рецензирования 12.07.2020; опубликована онлайн 26.10.2020

Participation in Cities in Sociological Discourse

Albina A. Beschasnaya¹✉, Nadezhda N. Pokrovskaia^{2,3}

¹*North-West Institute of Management of RANEPA, St Petersburg, Russia*

²*The Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russia*

³*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St Petersburg, Russia*

✉aabes@inbox.ru

Introduction. The social practice of participativeness, active participation in the transformation of urban space in the interests of residents, is gaining popularity among the urban population. The study of this phenomenon is interest for obvious integration with management decisions. Expanding the practice of implementing social activity of the population and studying the components of participativeness determine the goal of writing the paper—the formation of a theoretical and methodological basis for studying this phenomenon.

Methodology and source. The paper presents a review of classical and modern sociological theories that reveal the potential of empirical study of aspects of the manifestation of participation of urban residents. Among the mentioned by the authors are the theory of social action, social solidarity, phenomenology, social constructivism.

Results and discussion. The problematic nature of living in cities and the penetration of these problems into the daily interaction of citizens forms the origins of solidary participation of citizens-individual and private interests form collective actions-processes. Multiple individual forms of citizens' activity on urban improvement are transformed into participativeness – institutionalized joint activity. Its participants can take differentiated positions in the social structure of the urban community according to the criteria of having a diverse experience of interaction, i.e. exchange, with the urban environment and taking a position in the city management structure, which determines the level of regulated authority to make managerial decisions. The problems of urban life that are common to different categories of citizens and the typification of social activity to solve them order the interaction of participants, organize and “produce” the urban space.

Conclusion. In the process of reasoning, a theoretical model of the formation of participativeness is presented, which allows us to trace the transformation of activity of the urban population into the right to the city and the formation of a favorable urban environment.

Key words: participation, civic participation, social action, social solidarity, the right to the city, social activity.

For citation: Beschasnaya A. A., Pokrovskaya N. N. Participation in Cities in Sociological Discourse. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 46–61. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-46-61 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 02.06.2020; adopted after review 12.07.2020; published online 26.10.2020

Введение. В современной России в последние годы наблюдается рост активного участия граждан в общественной жизни. Социальные практики разнообразны по своей направленности, целям и формам реализации. Они сфокусированы на удовлетворении интересов по созданию комфортной среды жизни, на формировании кумулятивных управленческих решений и т. д. Активность граждан реализуется участием в собраниях, общественных слушаниях, обращениях, онлайн-голосованиях и т. д. Подобные социальные факты активности населения получили свое отражение в появлении понятия «партиципативность», а основной площадкой для ее демонстрации стали города. Свидетельствами проявления городской партиципативности можно назвать резонансные события в Екатеринбурге, связанные со строительством храма в городском сквере (2019 г.), публичные слушания по строительству мусоросжигающего завода в Воскресенском районе Московской области (2017 г.), митинги в Череповце против строительства ЦБК (2013–2014 гг.), общественный резонанс вокруг строительства «Охта-центра» в Санкт-Петербурге (2011–2012 гг.) и мн. др. Вследствие роста социальной активности граждан, нередко сопровождаемой конфликтами и общественным резонансом, партиципативность привлекает к себе исследовательское внимание. В статье мы представим теоретико-методологические основы социологических исследований партиципативности с целью осмыслиения ее как социального феномена, определения истоков, распространения и результатов партиципативных действий и деятельности.

Методология и источники. В социологических исследованиях, посвященных партиципативным практикам, выделяются следующие характерные особенности.

Во-первых, существует многообразие терминологических формулировок, отражающих социальную активность населения партиципативного характера. Разнообразие субъектов и форм социальной активности с целью преобразования социальной реальности находит свое выражение в синонимичных к «партиципативности» понятиях. Слово «participation» (англ., фр.) / «participación» (исп.) / «partecipazione» (итал.) имеет латинское происхождение и означает «участие», «соучастие», «причастность», «сопричастность». Исследователи используют также такие формулировки, как «гражданская активность» [1], «участие в самоуправлении» [2], «гражданское участие» [3], «гражданский активизм» [4, 5], «гражданственность» [6], «солидарность» [7].

Объединяющим основанием этих понятий является проявление активности граждан в вопросах, затрагивающих их комфорт и благополучие, которая в итоге сводится к распределению ресурсов и благ. Различия же выражаются в разной направленности, в разной степени противостояния представителей различных интересов, а также в разной степени вовлеченности в общественное движение. Так, в социологических исследованиях представлены примеры изучения протестных движений по отстаиванию городских сооружений [8], гражданского активизма локализованных сообществ (профсоюзов, благотворительных и волонтерских организаций, фан-клубов) [5, с. 73], форм солидарности неравнодушного населения

(денежных пожертвований, добровольческого труда, передачи нуждающимся одежды, мебели, бытовой техники, совершения этичных покупок или бойкотов) [7] или ситуаций участия в принятии управленческих решений в профессионально-трудовой деятельности [9] и т. д. Разнообразные формы участия, действий могут отличаться степенью общественной поддержки, приобретать различный общественный резонанс и различную динамику зарождения и распространения протестных настроений [1, 2, 10–12].

Во-вторых, в исследованиях эмпирического характера просматривается стремление авторов структурировать социальную активность граждан и ответить на вопросы: кто? с какой целью? в чем конфликт интересов? какие способы и средства используются? каков результат? Особый исследовательский отклик представлен в работах, посвященных изучению социальной активности людей посредством информационно-коммуникационных сетей. Авторы признают, что информационные технологии увеличили потенциал партисипативного участия людей в общественной жизни [13, 14]. В первую очередь это связано с тем, что значительно растут численность и информированность участников в обсуждении проблемных вопросов, а институты демократии приобрели дополнительный инструмент для волеизъявления населения. Таким образом, партисипативность проявляется себя как право человека на выражение собственных интересов и действий, эффективная реализация которого происходит благодаря приумножению участников-субъектов права. Поэтому под городской партисипативностью мы понимаем активное участие горожан по решению проблем городского благоустройства, по вопросам развития городского пространства в интересах городских жителей, которое в совокупности является выражением прав человека в управлении городом.

Партисипативность по вопросам благоустройства городов получила особое внимание в эмпирических исследованиях. Изучение городской партисипативности разнообразно. Широкий пласт проблем участия горожан в городских процессах рассмотрен Е. В. Тыкановой и А. М. Хохловой; здесь присутствуют вопросы формирования дифференцированных паттернов поведения участников «локальных сообществ», участия городских движений в продвижении политических и экономических интересов в преобразовании городских объектов и пространств [15, 16]. Например, в работах Л. А. Видясова, В. В. Колодий и их исследовательских коллективах отмечено, что создание высококомфортной городской среды, «города равных возможностей» или «умных городов» невозможно представить без вовлечения граждан в управление, без возникновения самоорганизующихся локализованных городских общин, коллегиального принятия решений о внедрении «умных сервисов» [17, 18]. А. К. Трофимова раскрывает интерес урбанистов к выработке технологии создания концепции развития городов и определению функциональности городских общественных пространств посредством обсуждения с населением и проведения социологических опросов. Данный опыт описан автором на примере развития экстрим-парка г. Перми [19]. Усовершенствование «сервисной» модели социального управления на муниципальном уровне, как подтверждает С. Э. Мартынова, обеспечивается благодаря регулярному мониторингу удовлетворенности населения развитием города и качеством городской инфраструктуры [20] и т. д.

В целом можно отметить, что факты партисипативности в современной России являются пока незаурядными событиями. Этому способствуют как социально-психологический

феномен «безбилетника» (пассивного большинства, по выражению Е. В. Тыкановой и А. М. Хохловой), так и нормативно-правовой регламент, сдерживающий проявление публичной и коллективной социальной активности населения. Поэтому случаи партисипативных практик притягивают к себе внимание СМИ и фокус эмпирических исследований.

Города в настоящее время переживают сложный период, образно выражаясь, время «поиска себя» в изменившихся социально-экономических и технологических условиях. Одни испытывают активный рост и привлекают к себе разнообразные ресурсные потоки, другие пребывают в состоянии ожидания итогов перемен без попытки интегрироваться в них, третья пытаются использовать ранее имевшийся индустриальный потенциал для поиска новых направлений городского развития. Во всех категориях городов какие-либо изменения возможны или происходят благодаря деятельному участию городского населения. Формирование полной картины данного социального феномена невозможно без теоретико-методологического осмысления истоков, распространения и результатов партисипативных действий и деятельности.

Результаты и обсуждение. Социальное явление партисипативности и научная дефиниция «партисипативность» с методологической точки зрения являются понятиями, позволяющими преодолеть разобщенность повседневного восприятия социальной реальности и научно-теоретического анализа. Партисипативность – коллективная деятельность, подразумевающая многочисленность участия, общность интересов и невозможность обнаружения данного явления в условиях единолично-индивидуального самовыражения субъекта. Данная особенность партисипативности как социального явления формирует «зонтичный» характер понятия, в котором находят взаимное согласие персональная и социальная реальности, индивидуальная и общественная плоскости взаимодействия, личные интересы и цели социума, персональная и коллективная ответственность за действия и их результаты. Социологический анализ партисипативности в разных аспектах жизнедеятельности человека и общности позволяет обнаружить широкий пласт методологического базиса для осмысления партисипативной проблематики.

Наследие классической социологии обладает очевидной методологической основой для изучения партисипативности как проявления активной позиции городского населения в вопросах преобразования городской среды. Во-первых, это теория социального действия М. Вебера, заложившая фундамент изучения повседневности в контексте социальных практик. Во-вторых, это теория социальной солидарности Э. Дюркгейма, получившая в настоящее время развитие в социологии сплоченности и включенности.

Теория социального действия М. Вебера является исходной для понимания партисипативности в действиях городского населения. Согласно представлениям М. Вебера акторы придают своим социальным действиям субъективный смысл и строят их исходя из взаимной ориентации. Индивид и его действия являются базовыми единицами образования социальных процессов, явлений, объединений. В социальных действиях людей сконцентрирована направленность их интереса и осмысленность мотивов [21, с. 602, 623]. Поэтому партисипативность как индивидуальное *социальное действие* является следствием пробуждения определенного интереса городского жителя к социальному факту городской жизни и образования мотива действия по удовлетворению этой заинтересованности. Зачастую жизнь в городе вскрывает проблемы, затрагивающие жизнь многих жителей, например, дис-

комфорт городской среды, скучную инфраструктуру, перепланирование селитебных территорий и т. д. Проблемный характер проживания в городах и проникновение этих проблем в повседневное взаимодействие горожан формируют истоки *солидарного участия* горожан – индивидуально-частные интересы образуют коллективные действия-процессы.

Городская партисипативность как коллективное участие, с точки зрения классификации социальных действий М. Вебера, может рассматриваться как целерациональное, ценностно рациональное и традиционное. В данной последовательности просматривается динамика *институционализации* партисипативности – от осмыслиения потребности в преобразовании городской жизни через приданье совместному действию, общим интересам и целям горожан ценностного характера до формирования традиции участия в жизни города, его облагораживания, *опривычивания* и признания *нормы* данной деятельности. Таким образом, такое социальное действие в соответствии с мотивами и ожиданиями множества субъектов формирует взаимодействия солидарной направленности и создает «культуру разрешения конфликтов гражданского общества». Такое мнение высказала французский социолог Карин Клеман, изучающая протестные движения в России, в том числе на примере инцидента вокруг Химкинского леса и строительства скоростной трассы «Москва–Санкт-Петербург» (2007–2012 гг.). История с Химкинским лесом свидетельствует об остром столкновении представителей различных интересов. В качестве выхода из кризисной ситуации был выбран диалог между гражданскими активистами и представителями власти, «всевозможные формы общественных обсуждений и общественного контроля» [22].

Социальная солидарность в формировании социального взаимодействия людей в обществе, согласно взглядам Э. Дюркгейма, обладает цементирующей силой в формировании целостности общества. *Взаимный обмен* индивидов результатами труда, т. е. *действий* и деятельности, создает между ними взаимозависимость. В данном обмене, с одной стороны, происходит индивидуальное самовыражение актора. Но с другой стороны, это взаимодействие (обмен) регулируется определенными целями и идеалами, разделяемыми участниками этого взаимодействия, поэтому оно сопровождается *обязательствами и ответственностью* между ними [23, с. 215].

Участие горожан в жизни города, в деятельности по преобразованию городского пространства и городской инфраструктуры представляет собой объединение их *совместных действий* по решению городских проблем. При этом индивидам принадлежат дифференцированные позиции в социальной структуре городского сообщества. Во-первых, это городские жители, которые могут быть представителями разных возрастных и профессиональных групп, социально-экономических слоев и т. д. Данные категории городского населения имеют разнообразный *опыт взаимодействия*, т. е. обмена, с городской средой, благодаря чему возможны проявления их удовлетворенности или неудовлетворенности от проживания в конкретном городе, а также генерализация их *пожеланий и мотивов* городских преобразований. Во-вторых, городское население занимает дифференцированные позиции в структуре управления городом. Одной части горожан принадлежат полномочия и *право* принятия решений (в контексте условного общественного договора) по развитию и управлению городом (городским хозяйством, инфраструктурой, городским пространством и т. д.). Другая же часть городского населения является «потребителями» городского образа и условий жизни, смоделированных в результате *реализации* полномочий и *прав* первой части. Использование

права на город одними участниками взаимодействия и потребление следствий этих прав, т. е. управлеченческих решений, другими являются примером обмена результатами действий акторов из разных социальных групп в управлеченческой иерархии. Таким образом, теория социальной солидарности раскрывает истоки возникновения взаимодействия и сотрудничества индивидов, занимающих различные социальные позиции в социально-стратифицированной и управлеченческой структурах городского сообщества. Специфика социального явления и понятия партисипативности позволяет понять глубинные смыслы теории социальной солидарности и рассмотреть коллективное сознание и коллективные представления в качественно новом ракурсе.

Социальная солидарность, по Э. Дюркгейму, имеет истоки возникновения в профессиональном разделении труда, преобразуясь из механической в органическую. Органическая социальная солидарность создает условия для расцвета индивидуализма и потери авторитета коллективных, образующих общество ценностей, противодействующих раздробленности и аномии. Разрешение этого противоречия ученый видел в создании новых органов общественной солидарности, которые выполняли бы морально-культурные функции и регулировали бы отношения между людьми, способствуя развитию личности. Такой формой взаимодействия людей по достижению компромисса между индивидуальным и коллективным сознанием, между личными и общественными интересами является институт партисипативного участия горожан в моделировании и управлении городом.

Для людей партисипативное участие в жизнедеятельности города является индивидуальным актом, продиктованным собственным опытом взаимодействия в городском социальном пространстве. Данный опыт является уникальным *в жизненном мире* индивида, но вследствие общей принадлежности города множеству людей данный опыт становится типичным. Поэтому побудительные мотивы по преобразованию и созданию городской среды, отвечающей интересам и потребностям людей, оказываются характерными для многих или большинства городских жителей. Идея совместного участия и деятельности людей, итоги которых непосредственно проявляются в повседневной жизни каждого участника, предстает именно той общей ценностью, которая нивелирует индивидуализм и делает коллективные представления «правилами». Идеалы, ценности, нормы согласно этнometодологии формируют разделяемое согласие в контексте жизненных миров акторов [24, с. 39].

Пространство городов как вместилище жизненных миров городских жителей является местом рефлексии повседневного устройства и самовыражения. Согласно феноменологическим положениям А. Шюца, повседневный жизненный мир обладает характеристиками, в которых очевидным образом прослеживается партисипативное участие индивидов [25, с. 83–86]:

- жизненный мир является областью реальности, в которой человек принимает участие с неизбежной и регулярной повторяемостью;
- жизненный мир – это та область реальности, которая представлена в качестве простой данности, несомненной и непроблематичной – «действительность само собой разумеющаяся»;
- жизненный мир – изначально мир, общий с другими людьми.

Жизненный мир – это действительность, которая изменяется с помощью социальной активности субъектов и которая, в свою очередь, меняет поступки индивидов. Естественная установка в отношении мира повседневной жизни определяется *прагматическим мотивом*.

Поэтому проживание в городской среде предполагает переход от индивидуального социального действия к колективному как типичному, олицетворяющему действие людей в идентичных условиях и обстоятельствах жизни. Однако типизация строится на решении новых проблем, возникающих в городском пространстве и проникающих в жизненные миры городских жителей. Таким образом, небеспроблемная жизнь горожан, и именно наличие таких проблемных ситуаций и их совместное решение, общность интересов, целей, ценностей создают основу для совместного активного участия. Типичное социальное действие в городском социальном пространстве создает основу для формирования *самосознания и идентичности* городского населения и упорядочения представлений индивидов об организации городского взаимодействия. Объединяющими мотивами совместной преобразовательной деятельности индивидов являются мотивы «потому, что» и «для того, чтобы». Возникшие по причине подобных мотивов городские сообщества пробуждают своей деятельностью к ответной активности городские власти и участников городской жизни (девелоперов, собственников земельных участков и др.). Организованная акция «Обними пруд» в Екатеринбурге, красноярский проект «Бесплатные велосипеды», воркаут-зона на набережной в Саратове, фестиваль «Велоночь» в Краснодаре, общественно-культурный центр TEXTIL в Ярославле стали итогом объединения действий городской общественности и городских структур [26]. В них просматриваются аспекты прошлого опыта субъектов действий и оценка перспектив развития, выступающие основой возникновения коллективной идентичности.

Общий характер проблем городской жизни и типизация социальной активности городского населения в направлении преобразования городского пространства упорядочивают взаимодействие и организацию социальной реальности. Индивид участвует в формировании социальных взаимодействий в пространстве городов как представитель определенного социального статуса, как носитель определенных ценностей и смыслов и исполнитель соответствующих социальных норм, укоренившихся, согласно П. Бурдье, в сознании под действием объективных структур. Характер и направленность социальной активности субъекта деятельности является слепком определенного *габитуса*. Как отмечает П. Бурдье, габитус является одновременно и продуктом социальных условий (объективированных предыдущих практик), и средством, управляющим поведением индивида в обыденных ситуациях, и средством, изменяющим и вновь упорядочивающим поведение индивида в обыденных ситуациях (средством объективирования практик) [27]. Другими словами, повседневная деятельность городского жителя как «потребителя» города, сформировавшаяся в определенных условиях жизни, воспроизводит привычный паттерн действий. «Габитус – это порождающее и унифицирующее начало, которое сводит собственные внутренние и реляционные характеристики какой-либо позиции в единый стиль жизни, т. е. в единый ансамбль выбора людей, благ и практик» [28, с. 60]. Габитус подчеркивает сформированность его в соответствии со средой обитания, социальным окружением, запросами, интересами, ценностями индивидов. Но изменяемость городской жизни и нарушение рутинизации повседневных *социальных практик* подталкивает индивидов к необходимости создания новых моделей социальных действий, которые бы сняли противоречия в городской жизнедеятельности.

Несмотря на то, что габитус является абстрактной конструкцией, он выражается в физических объектах, территориях, деятельности и символах. Город – это совокупность габитусов. Город, как общее пространство жизни горожан, воспринимается совершенно по-раз-

ному в зависимости от их особенностей (пол, возраст, национальная принадлежность, материальная обеспеченность, интересы, включенность в различные практики и т. д.). Поэтому город является воплощением различных смыслов, приписываемых «общему» пространству различными сообществами [29, с. 100]. В связи с этим проблемы городской жизни могут носить локальный и общий характер, соответственно могут быть характерными как для отдельной социальной группы горожан, так и для всего городского сообщества. Красноречивым примером формирования нового габитуса горожан и города, а также обоюдной реализации права на город разными сторонами городского проживания является формирование новых моделей взаимодействия на базе городских интернет-порталов «Наш город», которые есть пока лишь в некоторых крупных российских городах [30, 31]. С помощью данных сайтов происходит сбор «сигналов» от горожан о проблемных зонах жизни города и реагирование на них городских властей и служб. Поэтому характер проблем наряду со сходством условий жизни, идентичностью социальных позиций городских жителей определяет гомологичность их габитуса. Локальные городские проблемы создают потенциал усиления социальной дифференциации индивидов и ее закрепления в зонировании и сегрегации городского пространства. Как отмечал в начале XX в. Р. Парк, сообщества на основе близости интересов, расовой и социально-экономической принадлежности своих членов образуют сегрегированные ареалы территорий. Социальная идентичность и общность габитуса формируют стремление к образованию закрытых сообществ и закрытых локализованных территорий в городском пространстве [32, с. 24–25].

Однако непроницаемость ментальных и физических границ гомологичных габитусов не столь жестка. Их преодоление заложено в усилении самих городских проблем, которые прежде эти барьеры сформировали. Иными словами, первоначально угрожающий характер проблем в городском пространстве детерминирует инстинктивное стремление людей к психологическому дистанцированию и географическому отгораживанию от них, но впоследствии, с ростом негативных проявлений проблемных ситуаций, возникает необходимость совместного противодействия им со стороны городского населения.

В процессе признания большинством населения наличия проблемы и реагирования на ее решение происходит формирование институций, призванных обеспечивать консенсус интересов и действий, объективных и субъективных сторон социальной реальности городского пространства. Общепризнанность городской социальной проблемы создает основу для коллективных действий, ведет к сокращению изолированности горожан друг от друга и институциализации их социальных практик партисипативного характера. Таким образом, через воспроизведение и модернизацию сформированных социальных практик происходят преемственность и преобразование ранее полученного опыта.

Как отмечает А. Лефевр, в процессе повседневного взаимодействия, индивидуального или коллективного, субъекты социальных действий инкорпорируются в социальное пространство. Принятие социального пространства в городском контексте, например, происходит посредством прохождения триады «восприятие – осмысление – переживание». Итогом взаимодействия субъекта со средой оказывается «производство пространства» [33, с. 46–48]. В производстве пространства субъекты реализуют свое «право на город» – понятие, введенное также А. Лефевром.

Согласно этому автору социальное пространство состоит из пространственной практики, репрезентации пространства и пространства репрезентаций. Если в первых двух компонентах просматривается потребительское и воспроизводящее отношение индивидов к социальному пространству, то в третьем компоненте заключено моделирующее участие людей в той среде, в которой они обитают. А. Лефевр характеризовал его как переживаемое. Переживание придает эмоциональный смысл предметам и событиям, происходящим в определенном времени и месте, создает новые качественные характеристики пространства и динамику изменений. Пространство репрезентаций является конфликтогенным, так как реализация прав индивидами сопровождается столкновением личного и общественного [33, с. 51–55]. В реализации социальных практик моделирования городского пространства, в расширении возможностей использования жителями благ, предоставляемых городскими территориями, находит отражение «право на город». Поэтому А. Лефевр настаивал на необходимости активного участия городского населения в управлении городским пространством, его предназначением и использованием в интересах различных представителей городских жителей.

Таким образом, «право на город» преобразовало просто проживание индивида в городе «в пределах дозволенного» в «переживания» и преобразования им города. Право на город – это не просто «право горожан выходить на улицы или пользоваться многообразными возможностями городской жизни, но и их право “обживать” город, поддерживая комфортные для себя привычки и традиции, отстаивать свои представления о должном политическом, экономическом и инфраструктурном развитии города, заявлять о своих интересах и быть услышанными» [34].

Право как социальное явление априори является производным от социального взаимодействия и содержит дихотомический компонент – ответственность. Партиципативность в вопросах участия в городской жизнедеятельности позволяет реализовать солидарное, общее «право на город». Проявление солидарности в современных трактовках расширилось до формирования социологии сплоченности и включенности (инклузии). Сплоченность предстает как необходимый атрибут партиципативных действий, так как характеризуется эмоциональными и вовлеченными связями, отражающими согласие, принадлежность, консолидацию, идентичность, сотрудничество, кооперацию, взаимность, вовлеченность, инклузию, чувство общности [35, с. 10]. В современных социальных исследованиях выделяются и исследуются различные виды социальной сплоченности. Она рассматривается как: а) приверженность общему благу; б) взаимная выгода; в) ответ на угрозу; г) ресурс власти; д) ресурс взаимопонимания; е) инклузия [36]. В связи с этим партиципативность предстает как деятельность, обобщающая активность субъектов городского пространства в интересах создания «мой дом», «моя улица», «мой город». Так как А. Лефевр считал истинными горожанами лишь активных граждан и отказывал пассивным жителям в возможности называться субъектами городского пространства, то подобный подход позволяет трактовать сплоченность и реализацию «права на город» как базовые компоненты партиципативного участия городского населения в жизнедеятельности города.

Результатом предложенного анализа являются контуры теоретико-методологической модели городской партиципативности (рисунок).



Заключение. Партиципативное участие, т. е. активное, деятельное участие индивида в общественной жизни, самопрезентация себя в социуме есть социальное действие человека. Оно обусловлено определенным смыслом и целью, продиктованными спецификой жизненного мира и габитуса, и направлено на преобразование пространства жизни. Цель партиципативного социального действия, сопряженная с ценностно-нормативным компонентом городского сообщества и соответствующая социально-классовой (слоевой) принадлежности индивида в целом, формирует определенную модель поведения (участия) городского населения как представителей определенного внутригородского сообщества. Данные сообщества обладают дифференцированными характеристиками, которые в рамках партиципативного участия могут либо нивелироваться (когда социальные различия сглаживаются), либо, напротив, усиливаться. В первом случае наблюдается возникновение *community*, что обеспечивает коллегиальность и добрососедство в преобразовании городского пространства и городской жизни. Во втором – закрепление атрибуций статусной принадлежности, что воспроизводит структурирование общества и сегрегацию социального пространства.

Воспроизводимое и систематически повторяемое партиципативное социальное действие в контексте общей, разделяемой многими субъектами, цели создает феномен социальной солидарности как взаимозависимости индивидов от результатов действий (бездействия) друг друга. Осуществление социального действия субъектами с целью участия в жизни города, выявления проблемных зон в городской среде и выработки связанных с ними решений создают ситуацию производства социального пространства и реализации индивидами права на город. Следовательно, партиципация городского населения есть механизм реализации права на город. И в работах классиков социологии, и в трудах современных ученых отражены размышления о преобразовании общества с целью гармонизации интересов и отношений между людьми, снижения и сокращения конфликтных ситуаций, поэтому партиципативность присутствует незримым контекстом во многих теоретических построениях.

Обнаружение партиципативного контекста в классических и современных подходах к анализу социальной реальности в сочетании с наблюдаемым тернистым становлением

либеральных ценностей позволяет утверждать, что социальная активность горожан является неотъемлемым условием формирования цивилизованного общества, в котором уравновешиваются интересы представителей разных социальных общностей, а города становятся площадками выражения свободы: «Городской воздух делает свободным» (средневековая немецкая поговорка).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платонов К. А. Восприятие экологических рисков: экспертные оценки и общественное мнение // Вестн. СПбГУ. Сер. 12. Социология. 2016. № 1. С 102–110. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.110>.
2. Майкова Э. Ю., Симонова Е. В. Самоуправленческий потенциал населения российских регионов (на примере Тверской области) // Социол. исслед. 2015. № 7. С. 80–88.
3. Климова С. Г., Климов И. А. Взаимодействие горожан с властью: компетентное участие и проблема посредников // Социол. исслед. 2015. № 4. С. 51–57.
4. Михайленок О. М., Малышева Г. А. Политические эффекты социальных сетей в России // Социол. исслед. 2019. № 2. С. 78–87. DOI: 10.31857/S013216250004012-6.
5. Трофимова И. Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социол. исслед. 2015. № 4. С. 72–77.
6. Гаврилюк В. В., Маленков В. В., Гаврилюк Т. В. Современные модели российской гражданственности // Социол. исслед. 2016. № 11. С. 97–106.
7. Шабанова М. А. Традиционные и новые солидарности в пространстве потребительских благ и ресурсов // Социол. исслед. 2017. № 8. С. 31–44.
8. Никифоров А. А. Траектории городской протестной повестки в современной России. Город. Среда. Политика. 2018: сб. мат. науч.-практ. конф. / под ред. Л. А. Гайнутдиновой, М. В. Невзорова. СПб.: РГПУ, 2019. С. 20–24.
9. Эфендиев А. Г., Балабанова Е. С., Любых Ж. С. Участие российских работников в процессе принятия решений в отечественных и иностранных компаниях // Социол. исслед. 2014. № 12. С. 41–50.
10. Артюхина В. А. Осмысление социального протesta в современной социологии: анализ основных подходов // Социол. исслед. 2017. № 11. С. 30–34. DOI: 10.7868/S0132162517110046.
11. Ушkin С. Г. Пользовательские комментарии к протестным акциям в русскоязычном сегменте YouTube // Социол. исслед. 2014. № 6. С. 127–133.
12. Шаталова А. Н., Тыканова Е. В. Неформальные практики участников публичных слушаний (случай Санкт-Петербурга) // Журн. социологии и социальной антропологии. 2018. Т. XXI, № 4. С. 63–84. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.4.3>.
13. Атанесян А. В. Влияние социальных сетей на протестное поведение (на примере Армении) // Социол. исслед. 2019. № 3. С. 73–84. DOI: 10.31857/S013216250004280-1.
14. Развитие информационно-коммуникационных технологий и перспективы гражданского общества / В. К. Левашов, В. К. Сарьян, А. П. Назаренко и др. // Социол. исслед. 2016. № 9. С. 13–20.
15. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Траектории самоорганизации локальных сообществ в ситуациях оспаривания городского пространства // Социология власти. 2014. № 2. С. 104–122.
16. Тыканова Е. В., Хохлова А. М. Конфигурации взаимодействия петербургских организаций общественных движений, нацеленных на улучшение качества городской среды // Социальное пространство. 2019. № 5 (22). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28395> (дата обращения: 05.05.2020). DOI: 10.15838/са.2019.5.22.7.
17. Видясова Л. А., Тенсина Я. Д., Видясов Е. Ю. Восприятие концепции «умного города» активными горожанами в Петербурге // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Социология. 2018. Т. 11. Вып. 4. С. 404–419. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.402>.

18. Колодий В. В., Колодий Н. А., Чайка Ю. А. Активизм и партисипаторность: социальные технологии сотрудничества с городским населением в процессе «производства» городского пространства // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 175–185. DOI: 10.17223/1998863X/38/18.
19. Трофимова А. К. Создание качественного общественного пространства на основе формирования функционального контента (на примере экстрем-парка г. Перми) // Современные технологии в строительстве. Теория и практика. 2016. Т. 2. С. 69–76.
20. Мартынова С. Э. «Сервисная» модель муниципального управления в социологической интерпретации. СПб.: Социально-гуманитарное знание, 2015.
21. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М. И. Левина, А. Ф. Филиппова, П. П. Гайденко; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990.
22. Очетова Ю. Химкинский лес – модель для решения конфликтов? // BBC NEWS Русская служба. 25 мая 2011. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2011/05/110524_khimki_protest (дата обращения: 25.05.2020).
23. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Наука, 1991.
24. Гарфинкель Г. Исследования по этнometодологии / пер. с англ. СПб.: Питер, 2007.
25. Абельс Х. Интеракция. Идентичность. Презентация. Введение в интерпретативную социологию / пер. с нем. под общ. ред. Н. А. Головина, В. В. Козловского. СПб.: Алетейя, 2000.
26. Шестая власть: городские активисты // Бюллетень городов России. 2017. № 3. URL: <https://media.strelka-kb.com/bulletin3-activists> (дата обращения: 05.05.2020).
27. Бурдье П. Структура, габитус, практика / пер. Н. А. Шматко // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I, № 2. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (дата обращения: 25.05.2020).
28. Шматко Н. А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журн. социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I, № 2. URL: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/5chmat.html> (дата обращения: 25.05.2020).
29. Бесчастная А. А. Урбанистическое детство: социологический анализ. СПб.: Астерион, 2016.
30. Портал «Наш город Москва». URL: <https://gorod.mos.ru> (дата обращения: 05.05.2020).
31. Портал «Наш город Санкт-Петербург». URL: <https://gorod.gov.spb.ru> (дата обращения: 05.05.2020).
32. Парк Р. Город. Предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // Избранные очерки: сборник переводов. М.: ИИОН РАН, 2011. С. 19–56.
33. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Страф. М.: Strelka Press, 2015.
34. Как реализовывать «право на город»? Фонд Е. Гайдара. 19.03.2012. URL: <http://club.gaidarfund.ru/articles/1162/> (дата обращения: 25.01.2020).
35. Симонова О. А. Социально-культурные практики сплоченности в современных обществах: характерные черты и исследовательские стратегии: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2015. № 4. С. 5–27.
36. Ярская-Смирнова Е. Р., Ярская В. Н. Социальная сплоченность: Направления теоретической дискуссии и перспективы социальной политики // Журн. социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, № 4. С. 41–61.

Информация об авторах.

Бесчастная Альбина Ахметовна – доктор социологических наук (2017), доцент (2008), профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Средний пр. В. О., д. 57/43, Санкт-Петербург, 199178, Россия. Автор более 90 научных пуб-

ликаций. Сфера научных интересов: социология детства, социология города, социология образования. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9432-043X>. E-mail: aabes@inbox.ru

Покровская Надежда Николаевна – кандидат экономических наук (2000), доктор социологических наук (2008), профессор (2017), профессор кафедры связей с общественностью и рекламы института философии человека Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, наб. р. Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия; профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. Автор более 400 научных публикаций. Сфера научных интересов: регуляция, поведенческие модели, принятие решений, знания, цифровая экономика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0795-8102>. E-mail: nnp@herzen.spb.ru, nnp@spbstu.ru

REFERENCES

1. Platonov, K.A. (2016), "The perception of environmental risks: expert assessments and public opinion", *Vestnik of St Petersburg Univ. Series 12. Sociology*, iss. 1, pp. 102–110. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2016.110>.
2. Maykova, E.Yu. and Simonova, E.V. (2015), "Potential of popular self-government in Russia's regions (the case of Tver)", *Sociological Studies*, no. 7, pp. 80–88.
3. Klimova, S.G. and Klimov, I.A. (2015), "Interactions of urban dwellers with powers: competent participation and problem of intermediaries", *Sociological Studies*, no. 4, pp. 51–57.
4. Mikhaylenok, O.M. and Malysheva, G.A. (2019), "Political Effects of Social Networks in Russia", *Sociological Studies*, no. 2, pp. 78–87. DOI: 10.31857/S013216250004012-6.
5. Trofimova, I.N. (2015), "Civic activism in Russian society: features of localization", *Sociological Studies*, no. 4, pp. 72–77.
6. Gavriliuk, V.V., Malenkov, V.V. and Gavriliuk T.V. (2016), "Contemporary models of Russian citizenship", *Sociological Studies*, no. 11, pp. 97–106.
7. Shabanova, M.A. (2017), "Traditional and new solidarity practices in the universe of consumer goods and resources", *Sociological Studies*, no. 8, pp. 31–44.
8. Nikiforov, A.A. (2019), "Trajectories of the urban protest agenda in modern Russia", *City Wednesday. Politics. 2018. Collection of materials of the scientific and practical conference*, in by Gainutdinova, L.A. and Nevzorov, M.V. (eds.), Herzen Univ., SPb., RUS, pp. 20–24.
9. Efendiev, A.G., Balabanova, E.S. and Liubykh, Zh.S. (2014), "Russian employees' participation in decision taking in domestic and foreign-owned companies", *Sociological Studies*, no. 12, pp. 41–50.
10. Artjukhina, V.A. (2017), "Sociological interpretation of social protest: reviewing basic contemporary approaches", *Sociological Studies*, no. 11, pp. 30–34. DOI: 10.7868/S0132162517110046.
11. Ushkin, S.G. (2014), "Consumers' comments on protest actions in the Russian-language Youtube segment", *Sociological Studies*, no. 6, pp. 127–133.
12. Shatalova, A.N. and Tykanova, E.V. (2018), "Informal practices of the public hearing participants (the case of Saint Petersburg)", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XXI, no. 4, pp. 63–84. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.4.3>.
13. Atanesyan, A.V. (2019), "The Journal of Sociology and Social Anthropology", *Sociological Studies*, no. 3, pp. 73–84. DOI: 10.31857/S013216250004280-1.
14. Levashov, V.K., Sar'yan, W.K., Nazarenko, A.P., Novozhenina, O.P., Toshchenko, I.Zh., Sushpanova, I.S. and Salomatina, E.V. (2016), "Civil society in the networks of information and communication technologies", *Sociological Studies*, no. 9, pp. 13–20.
15. Tykanova, E.V. and Khokhlova, A.M. (2014), "Trajectories of Local Communities Self-Organisation in City Space Contests", *Sociology of power*, no. 2, pp. 104–122.

16. Tykanova, E.V. and Khokhlova, A.M. (2019), "Interaction configuration of St. Petersburg social movements organizations aimed at improving the urban environment quality", *Social Area*, no. 5 (22), available at: <http://socialarea-journal.ru/article/28395> (accessed 05.05.2020). DOI: 10.15838/sa.2019.5.22.7.
17. Vidiasova, L.A., Vidiasov, E.Y. and Tensina, Y.D. (2018), "Perception of the "Smart City" concept by active citizens in St. Petersburg", *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, vol. 11, no. 4, pp. 404–419.
18. Kolodii, V.V., Kolodii, N.A. and Chaika, Yu.A. (2017), "Activism and participation: social technologies of cooperation with urban population in the process of "production" of urban space", *Tomsk State Univ. Journal of Philosophy Sociology and Political Science*, no. 38, pp. 175–185. DOI: 10.17223/1998863X/38/18.
19. Trofimova, A.K. (2016), "Design quality public space based on the formation of the functional content (for example, Extreme Park in Perm)", *Sovremennye tekhnologii v stroitel'stve. Teoriya i praktika* [Modern Technologies in Construction. Theory and Practice], no. 2, pp. 69–76.
20. Martynova, S.E. (2015), «*Servisnaya* model' munitsipal'nogo upravleniya v sotsiologicheskoi interpretatsii
- ["Service" model of municipal management in sociological interpretation], Sotsial'nogumanitarnoe znanie, SPb., RUS.
21. Weber, M. (1990), *Izbrannye sochineniya* [Selected Works], Transl. by Levin, M.I., Filippov, A.F. and Gaidenko, P.P., in Davydov, Yu.N. (ed.), Progress, Moscow, USSR.
22. Ochetova, Yu. (2011), "Khimki Forest – a Model for Conflict Resolution?", *BBC NEWS. Russian service*, available at: https://www.bbc.com/russian/russia/2011/05/110524_khimki_protest/ (accessed 05.05.2020).
23. Durkheim, E. (1991), *De la division du travail social*, Transl. Gofman, A.B., Nauka, Moscow, RUS.
24. Garfinkel, H. (2007), *Studies in ethnomethodology*, Piter, SPb., RUS.
25. Abels, H. (2000), *Interaktion, Identität, Präsentation*, Transl. and in by Golovin, N.A. and Kozlovskii, V.V. (eds.), Aleteiya, SPb., RUS.
26. "Sixth Estate: City Activists" (2017), *Byulleten' gorodov Rossii* [Bulletin of Russian cities], no. 3, available at: <https://media.strelka-kb.com/bulletin3-activists> (accessed 05.05.2020).
27. Bourdieu, P. (1998), "Structure, habitus, practice", Transl. by Shmatko, N.A., *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 1, iss. 2, available at: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (accessed 25.05.2020).
28. Shmatko, N.A. (1998), "Habitus" in the structure of sociological theory", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 1, iss. 2, available at: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/5chmat.html> (accessed 25.05.2020).
29. Beschasnaya, A.A. (2016), *Urbanisticheskoe detstvo: sotsiologicheskii analiz* [Urban childhood: a sociological analysis], Asterion, SPb., RUS.
30. Portal "Our city is Moscow", available at: <https://gorod.mos.ru> (accessed 05.05.2020).
31. Portal "Our city is St. Petersburg", available at: <https://gorod.gov.spb.ru> (accessed 05.05.2020).
32. Park, R. (2011), "Suggestions for the investigation of human behavior in the city environment", *Izbrannye ocherki: sbornik perevodov* [Selected Essays: Collection of Translations], INION RAN, Moscow, RUS, pp. 19–56.
33. Lefebvre, H. (2015), *La production de l'espace*, Transl. by Staf, I., Strelka Press, Moscow, RUS.
34. *Kak realizovyat' «pravo na gorod»?* [How to exercise the "right to the city"] (2012), *Yegor Gaidar Foundation*, available at: <http://club.gaidarfund.ru/articles/1162/> (accessed 25.01.2020).
35. Simonova, O.A. (2015), "Socio-Cultural Practices of Cohesion in Contemporary Societies: Characteristics and Research Strategies: An Introduction to the Topical Section", *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*, no. 4, pp. 5–27.
36. Iarskaia-Smirnova, E. and Yarskaya, V. (2014), "SOCIAL COHESION: DIRECTIONS OF THEORETICAL DISCUSSION AND PERSPECTIVES FOR SOCIAL POLICY", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 17, no. 4, pp. 41–61.

Information about the authors.

Albina A. Beschasnaya – Dr. Sci. (Sociology) (2017), Docent (2008), Professor at the Department of State and Municipal Administration, North-West Institute of Management of RANEPA, 57/43 Srednii pr. V. O., St Petersburg 199178, Russia. The author of over 90 scientific publications. Area of expertise: sociology of childhood, sociology of a city, sociology of education. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9432-043X>. E-mail: aabes@inbox.ru

Nadezhda N. Pokrovskaya – Can. Sci. (Economy) (2000), Dr. Sci. (Sociology) (2008), Professor (2017), Professor at the Department of Public Relations and Advertising, The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika emb., St Petersburg 191186, Russia; Professor of the Higher school of media-communications and PR, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia. The author of over 400 scientific publications. Areas of expertise: regulation, behavioral models, value-normative regulation, making decisions, knowledge, digital economy. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0795-8102>. E-mail: nnp@herzen.spb.ru, nnp@spbstu.ru

Профессиональная идентичность журналиста в условиях гибридной медиасистемы

А. Ю. Колянов[✉]

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

[✉]aikolianov@etu.ru

Введение. Статья посвящена анализу особенностей профессиональной идентичности журналиста в контексте современной медиасистемы. Интеграция новых технологий в журналистику запустила процессы конвергенции способов доставки информации, а на сущностном уровне – гибридизации медиа. Концептуализация профессиональной идентичности журналиста обосновывается интерпретацией особенностей информационной среды как предпосылки и результата формирования личности журналиста в современных условиях. В связи с этим предлагается понятие «гибридная идентичность», означающее сочетание традиционных и новых журналистских практик, возникших в результате слияния журналистики с современными цифровыми технологиями.

Методология и источники. В статье на основе дискурс-анализа теоретических и практических исследований Э. Чедвика, М. Кастельса, Д. Уивера, Н. Фентон, Э. Лаук, П. О’Доннел, Э. Холтона, Х. Орнебринга, анализа документов (докладов и отчетов ЮНЕСКО, Международного института прессы), опросов общественного мнения (ВЦИОМ), включенного наблюдения, контент-анализа англоязычных и русскоязычных текстов общественно-политических изданий моделируется профессиональная действительность современной журналистики и концептуализируется профессиональная идентичность журналиста.

Результаты и обсуждение. Исследования в России, Европе и США показывают, что с размытием границ между сетевой, личной и корпоративной ролями профессиональная самоидентификация затрудняется и формируется гибридная идентичность, состоящая подчас из взаимоисключающих ценностных компонентов. Можно предположить, что трансформация структуры профессиональной идентичности неизбежно повлияет на составляющие профессионализма в будущем.

Заключение. К факторам, влияющим на идентичность современного журналиста, можно отнести профессиональный контекст и специфику организации, в которой трудится журналист, а также технологический компонент, вынуждающий журналиста осваивать новые способы и платформы продвижения информации. В условиях гибридизации медиасистемы смешение традиционных ориентаций с новыми, возникшими в результате интеграции в журналистские практики цифровых технологий, приводит к формированию гибридной идентичности, характеризующейся парадоксальностью ценностных сочетаний.

Ключевые слова: журналистика, профессиональная идентичность, гибридная медиасистема, новые медиа, гибридная идентичность.

Для цитирования: Колянов А. Ю. Профессиональная идентичность журналиста в условиях гибридной медиасистемы // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 4. С. 62–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-62-72

© Колянов А. Ю., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 02.06.2020; принята после рецензирования 12.07.2020; опубликована онлайн 26.10.2020

Professional Identity of Journalist in Hybrid Media System

Alexey Yu. Kolianov[✉]

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

[✉]aikolianov@etu.ru

Introduction. This paper analyzes how the journalists' professional identity is changing in the reality of hybrid media system. Understanding of journalists' professional identity is based upon the conclusion that information environment is building the journalists' characters today. The mixing of media and digital technologies leads to the hybridization of media in its basis. Journalist's activities within the present media system lead to contradictory and sometimes odd effects.

Methodology and sources. The comparison and generalization of expert interviews, public opinion polls and official documents and media texts were applied. Content analyses of journalist's papers and discourse analysis of theoretical studies were also used to study the professional identity of journalists.

Results and discussion. In this paper we try to answer how does the global digital environment affect the conditions, goals and effects of journalist's professional activities? How the journalist's professional activity changes? What characteristics of journalist should be included in the professional identity that appears in the hybrid media system? We consider such factors affecting political journalists' self-identification as recruiting organization and its founders' proximity to the power structures, pool of experts, party allegiance and journalist's skills including the level of technological equipment and understanding the modern network principles of the life of information.

Conclusion. Due to the increasing amount of information social uncertainty is rising and it is becoming harder and harder to forecast media impact on the public consciousness. Studies among journalists in Russia, Europe and USA show that professional self-identification is blurred within personal, professional and virtual roles and results in hybrid identity that sometimes consists of mutually exclusive values. It is possible to suggest that structure changes in professional identity structure will affect the components of professionalism in the future.

Key words: journalism, professional identity, media system, new media, hybrid identity.

For citation: Kolianov A. Yu. Professional Identity of Journalist in Hybrid Media System. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 62–72. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-62-72 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 02.06.2020; adopted after review 12.07.2020; published online 26.10.2020

Введение. Статья посвящена анализу особенностей профессиональной идентификации политического журналиста в контексте современной медиасистемы. Вопрос об особенностях профессиональной идентификации журналистов важен, поскольку в связи с кризисом социальных коммуникаций в последние десятилетия часто говорят о качественных изменениях в информационной реальности. Интеграция новых технологий в журналистику запустила процессы конвергенции способов доставки информации, а на сущностном уровне – гибридизации медиа. Перемены в журналистской работе диктуются новым качеством

информационной и технологической среды. С увеличением доступности информации в социуме растет уровень неопределенности, что упрощает возможность влияния на общественное сознание. К факторам, влияющим на идентичность современного журналиста, можно отнести профессиональный контекст и специфику организации, в которой трудится журналист, а также технологический компонент, вынуждающий журналиста осваивать новые способы и платформы продвижения информации. Исследования в России, Европе и США показывают, что с размытием границ между сетевой, личной и корпоративной ролями затрудняется профессиональная самоидентификация, формируется гибридная идентичность, состоящая подчас из взаимоисключающих ценностных компонентов. Это позволяет предположить, что трансформация структуры профессиональной идентичности неизбежно повлияет на составляющие профессионализма в будущем.

В настоящей статье мы пытаемся ответить на следующие вопросы: какие изменения происходят в профессиональной деятельности журналиста? Как глобальная информационная цифровая среда влияет на условия, цели, средства и образцы профессиональной деятельности политического журналиста? Какие профессиональные и личностные характеристики политического журналиста должны быть учтены в концептуализации профессиональной идентичности журналиста, формирующейся в гибридной медиасфере?

Целями работы являются анализ особенностей самоидентификации политического журналиста в условиях гибридизации медиасистемы и концептуализация профессиональной идентичности политического журналиста.

На основе сравнения, интерпретации, обобщения данных экспертных интервью, опросов общественного мнения, включенного наблюдения, анализа документов, контент-анализа медиатекстов, дискурс-анализа теоретических исследований моделируется профессиональная деятельность современной журналистики и концептуализируется профессиональная идентичность политического журналиста.

Методология и источники. Важнейшие процессы мировой системы массовой коммуникации – конвергенция, глобализация и дигитализация – к началу второго десятилетия XXI в. привели к тому, что журналистика как вид социально значимой деятельности рассредоточилась на разных уровнях [1]. Социально-политические трансформации и универсализация экономических систем сделали возможной постановку вопроса о глобальной журналистике. Исследования журналистов в контексте глобального характера их профессии проводятся систематически [2, 3]. В эмпирических исследованиях и теоретических обобщениях осмысляются ролевая и профессиональная идентификация журналистов. Не вызывает сомнений одно измерение, общее для разных национальных и региональных журналистских практик, – коммерческое. Вместе с тем утверждается, что отсутствует комплексный научный подход, связывающий характеристики журналистов, их отношение к своей профессии, особенности организаций, производящих новостной контент, а также социальные влияния – с характером и спецификой сообщений, которые производят журналисты. К концу 2010-х гг. в исследованиях качественной стороны медиасистем, журналистов и их профессионального самоощущения внимание, направленное на коммерческую сторону процесса, все чаще обращается к технологическим факторам [4, 5]. В то же время пока редки попытки осмысления, концептуализации и моделирования формирующегося качества современной журналистики. В целом создается впечатление, что journalism эволюционирует в соответствии с

логикой постиндустриального развития, несмотря на публичную переоценку значения коммуникационных технологий, а ключевой деятельностью признаются постановка и решение задач по адаптации в постоянно меняющихся условиях, для чего необходимы новые тактики, концепции и организационные структуры. Пытаясь удовлетворить запросы профессиональной среды и аудитории, образовательные учреждения вводят новые программы, нацеленные на формирование компетенций, востребованных в мультимедийной и цифровой журналистике [6].

Перемены в журналистской работе и ее результатах диктуются новым качеством информационной и технологической среды. В 2010-е гг. в Интернете получили распространение специфические коммуникативные практики (буллинг, троллинг) и квазиформы социальной информации (фейки, медиавирусы и т. д.), наводящие на мысль о том, что происходящее в журналистской деятельности может быть рассмотрено в постмодернистской логике распада информационной реальности на многочисленные субъективные первоисточники (пост-правда). Однако к концу десятилетия наметилась тенденция возврата к ценностям объективности и достоверности информации. Если ранее степень доверия к традиционным медиа начала снижаться с увеличением количества мнений и комментариев в их содержании, то пришедшие в качестве альтернативы способы производства и распространения общественно значимой информации через социальные сети и мессенджеры довольно быстро были сняты аудиторией со счетов из-за нагнетания социальных страхов и тревожности во время критических событий. Особенно остро это проявилось в период пандемии коронавируса в первой половине 2020 г., когда именно в социальных сетях распространялась информация о дефиците продуктов и медикаментов.

На этом фоне ренессанс доверия испытывают официальные источники информации, максимально приближенные к экспертной оценке и центрам принятия решений (правительства, научные институты, профессиональные организации и т. д.). Только в Российской Федерации согласно данным ВЦИОМ с 2014 г. по май 2020 г. доля телевидения в медиапотреблении снизилась на 14 % (с 60 до 46 %), доля радио снизилась на 3 % (с 5 до 2 %) и доля газет – на 6 % (с 7 до 1 %). При этом доля аналитических интернет-сайтов выросла на 3 % (с 23 до 26 %), учитывая снижение до 16–18 % в исследуемый период. Доля блогов и социальных сетей увеличилась на 9 % (с 6 до 15 %). Согласно данным того же исследования степень доверия россиян к отечественным традиционным СМИ в конце весны 2020 г. составляла 54 %, а зарубежным источникам доверял каждый десятый опрошенный. Примерно четверть призналась в доверии социальным сетям и 15 % – мессенджерам [7].

В мае 2020 г. ЮНЕСКО опубликовала доклад, приуроченный к Всемирному дню свободы печати. В тексте доклада ссылкой на исследования различных международных организаций были указаны данные машинного анализа контента социальных медиа, посвященного теме пандемии. Из 112 млн постов социальных сетей на 64 языках примерно 40 % содержали информацию из ненадежных источников. Около 42 % сообщений в Twitter были сгенерированы ботами и 40 % содержали непроверенную информацию. Около трети опрошенных пользователей социальных сетей сообщили о том, что стали свидетелями фальсификаций и ложных сообщений. Подобная ситуация была охарактеризована ЮНЕСКО как «эпидемия дезинформации» (*disinfodemic*). Также в докладе сообщалось, что при увеличении роли достоверной информации участились претензии по отношению к журнали-

стам и нападки на них [8]. По состоянию на 1 июня 2020 г. Международный институт прессы зафиксировал 232 случая нарушения прав журналистов, связанных с пандемией COVID-19. В перечень нарушений вошли аресты, штрафы, воспрепятствование доступу к информации, цензура, чрезмерное наказание за фейки и ложные сведения, вербальное и физическое насилие [9].

Доступность огромных массивов информации, в свою очередь, привела к возникновению в работе традиционных медиа новых практик, связанных с проверкой и фиксацией информации (фактчекинг, журналистика данных и скриншотов и др.), вынуждающих сотрудников медиа сменять прежние роли «новостных привратников» (gatekeepers) на «информационных наблюдателей» (gatewatchers) [10]. Западные теории прессы и массовой коммуникации, появившиеся после Второй мировой войны [11, 12], устаревают по мере того, как в различных медиа появляются новые способы производства информации, а вслед за ними и совершенно другая журналистика. Очевидна потребность в теоретико-методологических обоснованиях, позволяющих в целом изучать медиасистему на данном этапе развития.

Одной из наиболее функциональных западных теоретических разработок на сегодняшний день является концепция гибридной медиасистемы. Она была описана британским исследователем политических коммуникаций Эндрю Чедвиком. Согласно данной концепции развитие медиасистемы происходит не через простое изменение формы подачи контента (пресса, радио, телевидение, Интернет), а при помощи объединения и одновременного функционирования разных форм медиа. Производство информационных потоков и влияние на их содержание осуществляются именно в силу этой особенности развития медиасистемы. Ярче всего это проявляется в отношении политических элит, которым приходится приспособливаться к новым медиареалиям. В результате возникает специфический эффект транспарентности, который на самом деле представляет собой постоянно обновляющееся и потому сбалансированное соотношение между открытой и закрытой информацией, конструирующее открытые и закрытые медиаподсистемы. Таким образом, эффектом конвергенции является гибридность [13]. Последствиями подобной трансформации выступают дисфункции, в первую очередь проявляющиеся в негативных эффектах социальных медиа. Для описания данной проблемы часто используются естественно-научные термины, в частности, биологические и экологические: «вирус» или «информационное загрязнение». Примечательно, что гендиректор Всемирной организации здравоохранения Тедрос Адханом Гебрейесус призвал не распространять слухи о коронавирусе в соцсетях. В дальнейшем исследователи констатировали, что информационные вирусы и паника, спровоцированная слухами, распространяются быстрее, чем биологический вирус [14].

К другим отрицательным сторонам функционирования медиасистемы в гибридных конфигурациях можно также отнести цифровое неравенство (разделение аудитории в зависимости от условий доступа к информации, в частности, при помощи абонентской платы или регистрации), снижение качества контента в угоду количеству и др.

Можно предположить, что существенные изменения журналистики могут привести к неоднозначным последствиям. С одной стороны, для медиа закономерен рост социальной ответственности, вызванный реакцией общественности. С другой – в условиях либеральной экономики необратима и коммерциализация любого, даже социально неодобряемого содержания [15].

Ученые сходятся во мнении, что в настоящее время медиасистема находится в состоянии кризиса. Испанский социолог Мануэль Кастельс рассматривает кризис современной медиасистемы в двух измерениях [16]. В первом измерении рассматривается несостоительность существующих бизнес-моделей в сфере средств массовой информации, что вызывает опасение исследователей только постольку, поскольку чрезмерное преследование экономических интересов владельцами медиакорпораций может вредить журналистике, понимаемой в научном дискурсе как общественно значимый вид деятельности, осуществляющей во благо социума. В другом измерении ставится вопрос о том, нужна ли вообще традиционная журналистика сегодня. Новые формы производства информации, распространяемой в социальных медиа (журналистика участия, гражданская, публичная, народная журналистика и др.) могут вполне эффективно удовлетворять информационные запросы аудитории. Более того, новые формы более удобны для таргетирования и манипулирования поведением медиапотребителя. Некоторые исследователи напрямую задаются вопросом о нужности журналистов, в условиях, когда люди могут самостоятельно найти необходимую информацию, прямо ставят вопрос: а нужны ли журналисты? Как у исследователей, так и у самих журналистов возникает потребность в профессиональной идентификации тех, кто производит информационный контент для средств массовой информации.

Результаты и обсуждение. С трудностями при рассмотрении профессионального самоопределения журналиста в реалиях гибридной медиасистемы можно столкнуться уже при попытке осмыслить научные ракурсы для изучаемого предмета. На наш взгляд, профессиональная идентификация существует в двух плоскостях: ценностной (аксиологической) и антропологической. Когда мы анализируем только технические средства производства информации, мы избегаем трудностей определения критерии профессионализма. Но мы не можем их игнорировать, обращаясь к социальному содержанию журналистики и информационной среды. Именно поэтому, следуя конструктивистской интерпретации, мы будем рассматривать понятие «идентичность» (вместо менее стабильного «идентификация»), что позволит учесть такие важные особенности, как изменчивость, непостоянство, подверженность влиянию окружающих. Таким образом, другими словами, это понятие рассматривается не как «данность», а как «задача» [17]. Профессиональная идентичность может существовать на трех уровнях. Первый уровень учитывает социальные особенности среды, в которой формируется специалист; второй уровень связан с особенностями карьеры и индивидуальными качествами профессионала; третий уровень показывает, насколько жизненный путь индивида сформировал его ценности и приоритеты, а также стремление отождествляться с теми или иными профессиональными группами [18]. В ангlosаксонской научной традиции, где естественным контекстом для средств массовой информации является либерально-демократическая политическая система, в список базовых ценностей журналистского профессионализма традиционно включаются автономность, служение обществу, объективность, оперативность [19, 20]. В работах российских медиаисследователей журналист-профессионал прежде всего должен иметь творческую индивидуальность, быть компетентным и объективным. Поскольку журналистский профессионализм есть признаваемый сообществом результат профессиональной коммуникации, то понимается он дискурсивно. Именно в профессиональном дискурсе возникает и профессиональная идентичность.

Результаты глобальных и региональных исследований ценностных и профессиональных ориентаций журналистов свидетельствуют о возрастающем значении в профессиональной деятельности технологических и корпоративных ресурсов. В частности, профессиональная идентичность журналиста привязывается к контексту работы, а смена контекста ведет либо к уходу из профессии, либо к смене идентичности [21, 22]. Кроме того, журналисты идентифицируют себя с организацией [23]. Региональные различия в профессиональных ориентациях наблюдаются, как правило, между западными и постсоциалистическими странами, поскольку в последних даже традиционная профессиональная идентичность журналистов находится на стадии формирования, что связано с экономическими реалиями [24]. Так, в отдельных работах можно встретить выводы о том, что некоторым журналистам в развивающихся странах невыгодно принимать традиционный для западного общества набор профессиональных взглядов и ценностей, поскольку это приведет к потере дополнительных источников дохода [25]. Что же касается технологической составляющей, то необходимо отметить рост значимости овладения журналистом техническими навыками. В отдельных исследованиях, разделяющих журналистов по критерию принадлежности к традиционным или новым медиа, подчеркивается, что у журналистов новых медиа навыки использования сетевых платформ являются определяющими для достижения определенного профессионального эффекта в журналистике, а для работников традиционных медиа важность этих навыков растет.

Таким образом, к факторам, влияющим на профессиональную идентичность современного журналиста, помимо традиционных профессиональных ориентиров, можно добавить влияние профессионального контекста и специфики организации, в которой трудится журналист, а также технологический компонент, вынуждающий журналиста осваивать новые способы и платформы для продвижения информации. Последний фактор является крайне важным, так как затрагивает и профессиональную, и личную жизнь журналиста, тем самым оказывая непосредственное влияние на его самоидентификацию, поскольку теперь журналист должен вступать в коммуникацию не только реально, но и виртуально, тщательно конструируя сетевой образ и коммуникативные стратегии. В результате формируется виртуальная личность, когнитивный вектор поведения которой направлен на полное погружение в медиареальность и зависимость от медиа.

В духе известного утверждения канадского философа Маршала Маклюэна «medium is the message» логично предположить, что в виртуальной информационной системе рождается содержательно новый образ журналистики. Этот факт влияет как на результат журналистской работы, так и на профессиональную идентичность. В контексте гибридной медиасистемы формируется так называемая гибридная идентичность. Данный термин применяется в общественных и гуманитарных науках сравнительно недавно. В частности, в филологии так описываются речевая активность личности на границе двух или более культур или текст, использующий инструментарий нескольких символических систем. К последнему типу относятся реклама или комикс как пример креолизованного текста. В последнее десятилетие XX в. в политологических исследованиях можно было встретить «гибридность идентичности», заменившую «кризис идентичности». Ранее этим словосочетанием описывали тех, кто в силу различных обстоятельств (обычно эмиграции) сталкивался с необходимостью приживаться в контексте чужой политической культуры. В социальной философии

гибридная идентичность понимается как результат приспособления архаичных, традиционных структур и институтов к реалиям настоящего времени. В социологии личности можно встретить употребление описываемого термина для случаев одновременного самоопределения в двух реальностях: социальной и виртуальной. Тезаурус языка медиаисследований на текущий момент включает несколько «гибридных» понятий. Это, например, медиасистема, медиа, медиатекст. Мы предлагаем добавить в словарь и «гибридную идентичность», под которой понимается слияние традиционных и новых журналистских практик, возникших в результате слияния журналистики с современными цифровыми технологиями. Гибридной идентичности журналиста присуща в первую очередь парадоксальность ценностных сочетаний. Это могут быть как привычные независимость и непредвзятость в подаче материала, так и сознательная или бессознательная ангажированность экономическими или политическими корпорациями, намеренно искаженная подача информации (вирусность или нативность), провоцирование сетевой активности аудитории для увеличения трафика (конфликты, споры, троллинг) и т. д.

Автономность, объективность, достоверность и стремление к истине в деятельности журналиста характеризуют отношение «событие-описывающий», соответствующее классической профессиональной действительности журналиста. Гибридный характер профессиональной действительности журналиста выражает изначальную расщепленность, текучесть социально-экономических условий деятельности, в которую он включается как ее активный участник – политический комментатор. Он становится герменевтом знаков, намеков, признаков и мнений, освещает не события и факты, а темы и проблемы, включаясь в решение политических задач (выборы президента, губернатора; отбор тем, приоритетных для обсуждения; внимание к кумирам). Гибридность проявляется не только в смешении и подмене участников события, его условий и обстоятельств (*fake news*), но и в смешении времен: в подкладывании под настоящее будущего («жизнь как проект») или параллельного настоящего (игровое «параллельное время»).

Заключение. В данной статье предпринята попытка рассмотреть факторы, влияющие на профессиональную самоидентификацию современного журналиста, и предложить концептуализацию его идентичности в современных условиях. По мере того как смешение традиционных медиа с новыми платформами становится необратимым, постоянная расщепленность пространственных и временных характеристик медийных событий провоцирует раскол профессиональной идентичности журналиста, подталкивает его либо к коммерциализации успеха и уходу из профессиональной действительности, либо к утверждению себя в мировоззренческой традиции, ответственность за развитие которой он принимает на себя как профессионал и личность. Конфликт в профессиональной самоидентификации журналиста как актора глобальной информационной цифровой среды вызван сознанием исхода из традиции, транспрофессиональностью его деятельности и гибридизацией идентичности. Исследования профессионального «самочувствия» журналистов, моделирование профессиональной деятельности современного журналиста, концептуализация его профессиональной идентичности выводят на междисциплинарное осмысление трансформации всей системы профессиональной стратификации современного общества и будущего институтов профессии и профессионального образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ruellan D. A Professional. Or How to Recognize One // Brazilian Journalism Research. 2017. Vol. 13, № 1. P. 7–19. DOI: 10.25200/BJR.v13n1.2017.978.
2. Weaver D., Wu W. The global journalist: News people around the world. N. J.: Hampton Press, 1998.
3. Willnat L., Weaver D. H., Choi J. The global journalist in the twenty-first century: A cross-national study of journalistic competencies // Journalism Practice. 2013. Vol. 7, iss. 2. P. 163–183. DOI: 10.1080/17512786.2012.753210.
4. Carbasse R. Doing good business and quality journalism? Entrepreneurial journalism and the debates on the future of news media // Brazilian Journalism Research. 2015. Vol. 11. P. 256–277. DOI: 10.25200/BJR.v11n1.2015.816.
5. Fenton N. Post-Democracy, Press, Politics and Power // The Political Quarterly. 2016. Vol. 87, iss. 1. P. 81–85. DOI: 10.1111/1467-923X.12207.
6. Vartanova E., Lukina M. Russian Journalism Education: Challenging Media Change and Educational Reform // Journalism & Mass Communication Educator, 2017. Vol. 72, iss. 3. P. 274–284. DOI: 10.1177/1077695817719137.
7. Медиа и пандемия: что смотрят и кому доверяют россияне. URL: <https://www.sostav.ru/publication/media-i-pandemiya-43356.html> (дата обращения: 01.06.2020).
8. Journalism, press freedom and COVID-2019. UNESCO. URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/unesco_covid_brief_en.pdf (дата обращения: 10.06.2020).
9. COVID-19: Number of Media Freedom Violations by Region. International Press Institute. URL: <https://ipi.media/covid19-media-freedom-monitoring/> (дата обращения: 01.06.2020).
10. Deuze M., Witschge T. Beyond journalism: Theorizing the transformation of journalism // Journalism. 2018. Vol. 19, iss. 2. P. 165–181. DOI: 10.1177/1464884916688550.
11. Siebert F. S., Peterson T., Schramm W. Four theories of the press: The authoritarian, libertarian, social responsibility, and Soviet communist concepts of what the press should be and do. Urbana: Univ. of Illinois Press, 1963.
12. McQuail D. Mass communication theory: an introduction. London: Sage Publications, 1987.
13. Chadwick A. The Hybrid Media System: Politics and Power. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199759477.001.0001.
14. Alexander J. C. The Crisis of Journalism Reconsidered: Cultural Power // Fudan J. of the Humanities and Social Sciences. 2015. Vol. 8, iss. 1. P. 9–31. DOI: 10.1007/s40647-014-0056-5.
15. The pandemic of social media panic travels faster than the COVID-19 outbreak / A. Depoux, S. Martin, E. Karafillakis et al. // J. of Travel Medicine. 2020. Vol. 27, iss. 3. P. 1–2. DOI: <https://doi.org/10.1093/jtm/taaa031>.
16. Van der Haak B., Parks M., Castells M. The Future of Journalism: Networked Journalism Rethinking Journalism in the Networked Digital Age // International J. of Communication. 2012. Vol. 6. P. 2923–2938.
17. Jolley R. Seeing the future of journalism and its power // Index on Censorship. 2014. Vol. 43, iss. 3. P. 3–6. DOI: 10.1177/0306422014550968.
18. Hanitzsch T. Professional Identity and Roles of Journalists // Oxford Research Encyclopedia of Communication. 2017. URL: <https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-95?print=pdf> (дата обращения: 01.06.2020). DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.95.
19. Ahva L. Public journalism and professional reflexivity // Journalism. 2013. Vol. 14, iss. 6. P. 790–806. DOI: 10.1177/1464884912455895.
20. Lauk E., Harro-Loit H. Journalistic Autonomy as a Professional Value and Element of Journalism Culture: The European Perspective // International J. of Communication. 2017. Vol. 11. P. 1956–1974. URL: <http://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/5962/2018> (дата обращения: 01.06.2020).

21. Nikunen K. Losing my profession: Age, experience and expertise in the changing newsrooms // Journalism. 2014. Vol. 15, iss. 7. P. 868–888. DOI: 10.1177/1464884913508610.
22. Sherwood M., O'Donnell P. Once a Journalist, Always a Journalist? // Journalism Studies. 2018. Vol. 19, iss. 7. P. 1021–1038. DOI: 10.1080/1461670X.2016.1249007.
23. Holton A., Molyneux L. Identity lost? The personal impact of brand journalism // Journalism. 2017. Vol. 18, iss. 2. P. 195–210. DOI: 10.1177/146488491560881.
24. Lowrey W., Erzikova E. Post-objectivity and Regional Russian Journalism // News with a View: Journalism beyond Objectivity. Jefferson: McFarland Press, 2012. P. 135–152.
25. Örnebring H. Journalists, PR Professionals and the Practice of Paid News in Central and Eastern Europe: An Overview // Central European J. of Communication. 2016. V. 9, no. 1. P. 5–19. DOI: 10.19195/1899-5101.9.1(16).1.

Информация об авторе.

Колянов Алексей Юрьевич – кандидат политических наук (2007), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 26 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая философия, история политических учений, мировая политика, медиафилософия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0851-7878>. E-mail: aikolianov@etu.ru

REFERENCES

1. Ruellan, D. (2017). "A Professional. Or How to Recognize One", *Brazilian Journalism Research*, vol. 13, no. 1, pp. 7–19. DOI: 10.25200/BJR.v13n1.2017.978.
2. Weaver, D. and Wu, W. (1998), *The global journalist: News people around the world*, Hampton Press, N.J., USA.
3. Willnat, L., Weaver, D. H. and Choi, J. (2013), "The global journalist in the twenty-first century: A cross-national study of journalistic competencies", *Journalism Practice*, vol. 7, iss. 2, pp. 163–183. DOI: 10.1080/17512786.2012.753210.
4. Carbasse, R. (2015), "Doing good business and quality journalism? Entrepreneurial journalism and the debates on the future of news media", *Brazilian Journalism Research*, vol. 11, pp. 256–277. DOI: 10.25200/BJR.v11n1.2015.816.
5. Fenton, N. (2016), "Post-Democracy, Press, Politics and Power", *The Political Quarterly*, vol. 87, iss. 1, pp. 81–85. DOI: 10.1111/1467-923X.12207.
6. Vartanova, E. and Lukina, M. (2017), "Russian Journalism Education: Challenging Media Change and Educational Reform", *Journalism & Mass Communication Educator*, vol. 72, iss. 3, pp. 274–284. DOI: 10.1177/1077695817719137.
7. *Media i pandemija: chto smotrijat i komu doverjajut rossijane* [Media and the pandemic: what Russians watch and who do they trust] (2020), available at: <https://www.sostav.ru/publication/media-i-pandemiya-43356.html> (accessed 01.06.2020).
8. "Journalism, press freedom and COVID-2019", UNESCO, available at: https://en.unesco.org/sites/default/files/unesco_covid_brief_en.pdf (accessed 10.06.2020).
9. "COVID-19: Number of Media Freedom Violations by Region", International Press Institute, available at: <https://ipi.media/covid19-media-freedom-monitoring/> (accessed 01.06.2020).
10. Deuze, M. and Witschge, T. (2018), "Beyond journalism: Theorizing the transformation of journalism", *Journalism*, vol. 19, iss. 2, pp. 165–181. DOI: 10.1177/1464884916688550.
11. Siebert, F.S., Peterson, T. and Schramm, W. (1963), *Four theories of the press: The authoritarian, libertarian, social responsibility, and Soviet communist concepts of what the press should be and do*, Univ. of Illinois Press, Urbana, USA.
12. McQuail, D. (1987), *Mass communication theory: an introduction*, Sage Publications, London, UK.

13. Chadwick, A. (2013), *The Hybrid Media System: Politics and Power*, Oxford Univ. Press, Oxford, UK. DOI:10.1093/acprof:oso/9780199759477.001.0001.
14. Alexander, J.C. (2015), "The Crisis of Journalism Reconsidered: Cultural Power", *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, vol. 8, iss. 1, pp. 9–31. DOI: 10.1007/s40647-014-0056-5.
15. Depoux, A., Martin, S., Karafillakis, E., Preet, R., Wilder-Smith, A. and Larson, H., (2020), "The pandemic of social media panic travels faster than the COVID-19 outbreak", *Journal of Travel Medicine*, vol. 27, iss. 3, pp. 1–2. DOI: <https://doi.org/10.1093/jtm/taaa031>.
16. Van der Haak, B., Parks, M. and Castells, M. (2012), "The Future of Journalism: Networked Journalism Rethinking Journalism in the Networked Digital Age", *International Journal of Communication*, vol. 6, pp. 2923–2938, available at: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/1750/832> (accessed 01.06.2020).
17. Jolley, R. (2014), "Seeing the future of journalism and its power", *Index on Censorship*, vol. 43, iss. 3, pp. 3–6. DOI: 10.1177/0306422014550968.
18. Hanitzsch, T. (2017), "Professional Identity and Roles of Journalists", *Oxford Research Encyclopedia of Communication*, available at: <https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-95?print=pdf> (accessed 01.06.2020). DOI: 10.1093/acrefore/9780190228613.013.95.
19. Ahva, L. (2013), "Public journalism and professional reflexivity", *Journalism*, vol. 14, iss. 6, pp. 790–806. DOI: 10.1177/1464884912455895.
20. Lauk, E. and Harro-Loit, H. (2017), "Journalistic Autonomy as a Professional Value and Element of Journalism Culture: The European Perspective", *International Journal of Communication*, vol. 11, pp. 1956–1974, available at: <http://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/5962/2018> (accessed 01.06.2020).
21. Nikunen, K. (2014), "Losing my profession: Age, experience and expertise in the changing newsrooms", *Journalism*, vol. 15, iss. 7, pp. 868–888. DOI: 10.1177/1464884913508610.
22. Sherwood, M. and O'Donnell, P. (2018), "Once a Journalist, Always a Journalist?", *Journalism Studies*, vol. 19, iss. 7, pp. 1021–1038. DOI: 10.1080/1461670X.2016.1249007.
23. Holton, A. and Molyneux, L. (2017). "Identity lost? The personal impact of brand journalism", *Journalism*, vol. 18, iss. 2, pp. 195–210. DOI: 10.1177/1464884915608816.
24. Lowrey, W. and Erzikova, E. (2012), "Post-objectivity and Regional Russian Journalism", *News with a View: Journalism beyond Objectivity*, McFarland Press, Jefferson, USA, pp. 135–152.
25. Örnebring, H. (2016), "Journalists, PR Professionals and the Practice of Paid News in Central and Eastern Europe: An Overview", *Central European Journal of Communication*, Vol. 9, no. 1, pp. 5–19. DOI: 10.19195/1899-5101.9.1(16).1.

Information about the author.

Alexey Yu. Kolianov – Can. Sci. (Policy) (2007), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 26 scientific publications. Area of expertise: political philosophy, history of political doctrine, world politics, media philosophy. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0851-7878>. E-mail: aikolianov@etu.ru

УДК 316.4.051.62

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-73-94>

Оригинальная статья / Original paper

Сетевая диагностика стратегий идентификации в организации: методика и опыт пилотажного исследования

П. П. Дерюгин^{1,2✉}, С. В. Панов³, С. В. Курапов²,
Ши И¹, Е. А. Камышина²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

³Военно-морская академия им. Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова,
Санкт-Петербург, Россия

✉ppd1@rambler.ru

Введение. Диагностика стратегий идентификации в социальных организациях не теряет своей актуальности уже много десятков лет. В современных условиях обсуждение и развитие методологии и методов прикладной диагностики стратегий идентификации получает новое направление развития благодаря разработкам теории и практики сетевых методов. Обусловлено это тем обстоятельством, что в сетевом обществе одновременно развиваются два разнонаправленных процесса: с одной стороны, глобализация, которая интегрирует ценности людей самых разных социальных образований, а с другой стороны – дифференциация, разделяющая общество на множество социальных групп – социальных сетей; тем самым порождается множество стратегий идентификации. В этих условиях сетевая диагностика стратегий идентификации в организациях имеет ряд преимуществ перед традиционными технологиями диагностики. Цель настоящей статьи заключается в разработке методологических принципов и технологии построения сетевой диагностики успешности идентификации, основанной на обращении к ценностям как к индикаторам, раскрывающим стратегию идентификации. В теоретическом отношении задача статьи заключается в обобщении методологических принципов исследования успешности и видов стратегий идентификации. В прикладном отношении задача статьи заключается в проведении эмпирического исследования различных стратегий идентификации и обсуждении полученных результатов.

Методология и источники. Методология исследования сетевой диагностики стратегий идентификации в социальных организациях формируется из совокупности теоретических принципов и методических процедур, объединяющих достоинства ряда социологических теорий: во-первых, теорий, которые рассматривают идентификацию в качестве объекта непосредственного исследования (Э. Эриксон, И. Гофман, П. Лазарсфельд, Е. Б. Шестопал, Н. А. Шматко, В. А. Ядов); во-вторых, теорий, где показана роль и важность стратегий идентификации, влияющей на успешность достижения идентичности (М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мертон, П. Бурдье, Т. Лукман); в-третьих, теорий, в которых показаны методологические принципы и подходы к формированию технологий сетевой диагностики стратегий идентификации (Я. Морено, М. Кастельс, Р. Коллинз, В. В. Радаев, Г. В. Градосельская).

Результаты и обсуждение. Сетевая диагностика стратегий идентификации выстраивается как совокупность принципов и технологий исследования, направленных на сбор и анализ информации о целях, средствах и результатах освоения членами социальных групп образцов поведения и подражания. Ее объектом выступает социальный механизм определения направленности и использования средств освоения эталонов, присвоения этих эталонов и формирования установок поведения, которые приобщают и включают личность в социальные группы, достижение на этой основе объединяюще-общего, позволяющего соотносить, сравнивать и объединяться с группами – достигать идентичности. Сетевая диагностика нацелена на изучение ценностей, предполагает изучение стратегий идентификации как процесса, который может быть организован по-разному. В самом общем смысле эти стратегии формируются как осознаваемые или неосознанные эталоны, цели и действия, приводящие к результату – достижению идентичности. Стратегии идентификации в социальной организации могут отличаться по направленности от стратегий идентификации, провозглашенных организациями, в рамках которых складываются, например, малые группы. Эти стратегии также могут отличаться по целям и эталонам от целей и эталонов больших социальных групп.

Заключение. В статье рассмотрены теоретические основания конструирования сетевой диагностики стратегий идентификации в организации, а также проанализирован эмпирический опыт применения такой методики. Сетевая диагностика идентификации обладает рядом преимуществ изучения эталонов единства, что позволяет целенаправленно и планово изучать успешность идентификации в социальных организациях.

Ключевые слова: сетевая диагностика, ценности, идентификация, эталоны, стратегии идентификации.

Для цитирования: Дерюгин П. П., Панов С. В., Курапов С. В., И Ши, Камышина Е. А. Сетевая диагностика стратегий идентификации в организации: методика и опыт пилотажного исследования // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 4. С. 73–94. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-73-94

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 08.06.2020; принята после рецензирования 12.07.2020; опубликована онлайн 26.10.2020

Network Diagnostics of Identification Strategies in an Organization: Methodology and Pilot Study Experience

*Pavel P. Deryugin^{1,2}✉, Stanislav V. Panov³, Sergey V. Kurapov²,
Shi Yi¹, Elena A. Kamyshina²*

¹Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

²Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

³Kuznetsov Naval Academy, St Petersburg, Russia

✉ppd1@rambler.ru

Introduction. Diagnostics of social identification strategies in social groups of various types has not lost its relevance for many decades. In modern conditions, the discussion and development of the methodology and methods of applied diagnostics of identification strategies in small and large social groups receives a new direction of development, thanks to the development of the theory and practice of network methods. This is due to the fact that two multidirectional processes are simultaneously developing in a network society: on

the one hand, globalization, which integrates the values of people of various social entities, and, on the other hand, differentiation, dividing the society into many social groups – social networks, striving to preserve their values and differences. Under these conditions, network diagnosis of identification strategies has several advantages.

Methodology and sources. The research methodology for network diagnostics of identification strategies in social groups is formed from a combination of theoretical principles and methodological procedures that combine the advantages of a number of sociological theories: firstly, theories that consider social groups as an object of direct research; secondly, theories, which show the role and importance of identification strategies that influence the success of social identification; thirdly, theories that show the methodological principles and approaches to the formation of technologies for network diagnostics of identification strategies.

Results and discussion. Network diagnostics of identification strategies is built as a set of principles and research technologies aimed at collecting and analyzing information about the goals, means and results of mastering patterns of behavior and imitation by members of social groups. Its object is the social mechanism for determining the direction and use of means of mastering standards, assigning these standards and forming behaviors that integrate and include the individual in social groups, achieving on this basis a unifying-common, allowing to correlate, compare and unite with groups – to achieve identity. Network diagnostics, formed on the basis of the study of values, involves the study of identification strategies as a process that can be organized in different ways. In the most general sense, these strategies are formed as conscious or unconscious standards, goals and actions leading to the result – identification. Identification strategies in a social group may differ in direction with identification strategies that are proclaimed by organizations within which, for example, small groups appear. These strategies may also differ in the goals and benchmarks of large social groups.

Conclusion. There are discussed the theoretical foundations of constructing network diagnostics of identification strategies in the paper, also it contains the empirical experience of using such a technique. A modern networked society is formed as countless small groups arising on a common basis. Network identification diagnostics has several advantages of studying the standards of unity, which allows a purposeful and planned study of the success of identification in social groups.

Key words: network diagnostics, values, identification, standards, identification strategies.

For citation: Deryugin P. P., Panov S. V., Kurapov S. V., Yi Shi, Kamyshina E. A. Network Diagnostics of Identification Strategies in an Organization: Methodology and Pilot Study Experience. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 73–94. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-73-94 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 08.06.2020; adopted after review 12.07.2020; published online 26.10.2020

Введение. Идентификация – непрерывный процесс, в который включены в той или иной степени все люди. Выбор стратегии идентификации не определяется самим человеком, вне социального окружения и вне исторических реалий. Индивидуальные стратегии идентификации складываются в рамках связей личности с самыми различными социальными организациями – большими и малыми, первичными и вторичными, официальными и неофициальными. При этом роль и влияние социальных организаций на формирование стратегий идентификации не остается неизменной. В зависимости от того, как складывается глобальный курс развития социальной системы, индивидуальные стратегии идентификации

могут трансформироваться и изменять свою направленность, интенсивность, свои эталоны, свое качество – типы и виды. При этом исследователи отмечают важную непреходящую роль первичных групп и организаций и их влияния на конкретную реализацию стратегии идентификационного поведения. В частности, первичным группам отводится роль «первого фактора» в формировании стратегий идентификационного поведения [1]. Это тем более становится очевидным в период кризисного развития общества, например, в период грянувшей пандемии [2].

Сейчас уже очевидно, что в складывающейся новой реальности возникает проблемность новой идентификации, идентификации в условиях пандемии. Поиск новых стратегий идентификации активизируют ломка привычного образа жизни людей, сужение социального пространства непосредственного социального взаимодействия, ограничение числа социальных групп и людей, участвующих в непосредственном контакте. «Пандемия и перспективы необходимости адаптации к новому вирусу не только популяционно (биологически), но и организационно (социокультурно) ведут к трансформации моделей, стереотипов, ориентиров поведения, отношений» – делает вывод, например, А. Г. Кислов [2, с. 43]. Возможно, самым острым моментом формирования новых стратегий идентификационного поведения в наступившей социальной ситуации становится разрушение или даже полное исчезновение эталонов-образцов, с ориентацией на которые стратегии идентификации выстраивались довольно длительный период, а значит, возникают размытость, неясность, неопределенность контуров образца – идеального типа – и последующая неуспешность идентификации. По существу, в социальном смысле складывается ситуация, грозящая наступлением аномии.

Решающую роль в формировании образцов и эталонов социальной идентичности традиционно играет система образования, которая ориентирует стратегии жизни человека. Однако в наступающей социальной реальности ее роль и влияние на довольно длительный период окажутся малозначащими, пока система образования не перестроится на новые технологии работы с учениками и студентами. Пожалуй, центральной проблемой станет проблема обнуления роли личности учителя и педагога, которого попытаются заменить экраном компьютера: «Создать дистанционное образование – значит лишить детей и юношество культуры, которую преподаватель передает лично» [3, с. 75]. Практически повсеместно основными институтами формирования эталонов и образцов для подражания становятся первичные контактные группы и Интернет. По нашему представлению, взаимовлияние первичных групп и Интернета на формирование образцов и эталонов идентификации на ближайшее время следует рассматривать как пространство социального взаимодействия, в центре которого оказывается выбор человека. Это устойчивые социальные институты, которые уже не раз доказали и доказывают свою жизненность и дееспособность. Что же касается роли первичных групп, им по праву принадлежит, вероятно, самое важное значение, поскольку вне таких групп идентификация практически невозможна.

Методология и источники. Идентификация как объект исследования в истории социологии. Проблема исследования идентичности в социологии берет свое начало в работах Э. Дюркгейма и имеет длительную разнонаправленную историю. И хотя Э. Дюркгейм «не употреблял напрямую термин “идентификация”, но основные аспекты данного процесса рассмотрены им в идеях формирования “социальной сущности” личности» [4, с. 106]. Как показывает исследование Л. Л. Пятецкого, практически во всех основных школах социологии

феномену идентификации было уделено немало внимания [5]. В той или иной части проблемы идентификации-идентичности рассматривали на макросоциологическом уровне М. Вебер, Т. Парсонс, Р. Мerton. В микросоциологии, в работах Д. Мида, И. Гофмана, А. Шюца, исследованы многочисленные явления и феномены, на основании которых первичные и малые группы представлены как фактор и социальная арена, где разворачиваются процессы идентификации. Значительный вклад в объяснение природы идентификации вносят труды П. Бурдье и Т. Лукмана. В работах приведенных авторов идентификация показана с позиций взаимодействия индивид–социальная среда, без анализа которого социологические грани исследования, изучения и диагностики идентификации невозможны [6].

К актуальным положениям, которые во многом определяют современное понимание идентификации и при этом набирают новые смысловые значения, следует отнести:

– наличие отличительных характеристик идентификации в традиционном и современном обществе, где приоритетная «самоорганизация» (Э. Дюркгейм) заменяется «социально обусловленной» идентификацией [7, с. 215]. Развивая мысль о трансформации сущностных характеристик идентификации, можно констатировать формирование «виртуально обусловленной» идентификации, которая наступает у той части людей, для которых жизнь в Интернете давно подменила реальную жизнь. Наличие довольно большого количества интернет-зависимых людей ставит на повестку дня вопрос о разработке технологий диагностики процесса идентификации с учетом особенностей таких социальных групп;

– представление о социальных ценностях и нормах как о феномене, посредством которого осуществляется освоение эталонов и образцов подражания – идентификации: нормативность, символичность, волонтаризм (Т. Парсонс) [8, с. 40–41]. В рамках сетевого подхода к диагностике идентификации обращение к ценностям и нормам оказывается особенно плодотворным. Наряду с этим ценности не всегда являются единственным референтом успешности идентификации. Очевидно, что некоторые социальные реалии могут складываться не на основе тех или иных ценностей, а в периоды решительных социальных изменений, даже и вопреки тем ценностям, которые признавались как основа предыдущими поколениями;

– рассмотрение процесса реализации целей идентификации в среде непосредственного социального контакта (Ч. Кули) – в первичной группе, где личность приобретает «особую центральную, энергетичную и сплоченную часть, не отделенную от остального сознания, а постепенно перетекающую в него, но вместе с тем обладающую определенной практической обособленностью» [9, с. 42]. Как уже отмечалось, роль первичных групп и микрогрупп в формировании стратегий идентификации признается как основательная и не меняющаяся длительный исторический период. Даже напротив, в пространстве прикладных социологических исследований идентификации все чаще звучат идеи о пересмотре теории организации и возвращении к пониманию коллективности, коллективизма, отличающегося от понимания группы как собрания индивидов «с одним общим признаком»;

– роль и значение символов, жестов, языка, которые формируют характер взаимодействия с «обобщенным другим» (Дж. Мид). Значение символов в информационном обществе приобретает новые значения и становится основным средством идентификации в интернет-пространстве [10, с. 129];

– идеи И. Гофмана о наличии актуальной и виртуальной идентичностей, которые следует понимать как реализованную и перспективную формы идентичности [11, с. 33]. В частности, некоторые исследователи фиксируют увеличение социальной дистанции между «актуальными» и «виртуальными» образами и эталонами – кумирами идентификации – и прогнозируют в перспективе еще больший их разрыв;

– представление об идентификации как о результате «единства и борьбы» объективного и субъективного в некоторых подструктурах общества (П. Бергер и Т. Лукман) [12, с. 145–146].

Таким образом, разработка сетевых методов диагностики успешности идентификации опирается на фундаментальные положения классической социологии, из анализа которых очевидно, что это не может быть какая-то единая диагностическая процедура, способная выявить особенности и специфику самых различных видов и типов стратегий идентификации. В силу сложности и противоречивости самого процесса идентификации, множества факторов, от которых зависит ее успешность, концепций диагностики может быть множество.

Эмпирическая апробация методики сетевой диагностики стратегий идентификации. Исходя из результатов исследования теоретико-методологических оснований сущности идентификации и понимания стратегий идентификации, исследовательская процедура предполагала ряд последовательных действий.

Объектом исследования были избраны кадеты казачьих кадетских корпусов. Выбор этой социальной группы респондентов обусловлен обстоятельствами научного интереса, поскольку:

– это полузакрытые организации, где кадеты пребывают в непосредственном социальном контакте довольно длительный период времени. При этом кадетские корпуса – не изолированные организации, в них есть возможность ежедневного или во всяком случае частого общения с внешней средой. Таким образом, здесь формируются четко обозначенные границы личного, организационного (кадетский корпус) и социального, что для организации и аprobации методики диагностики успешности идентификации играет значимую роль;

– в отличие от других организационных структур, кадетские корпуса четко ориентированы по целям подготовки кадет, наличию эталонов и образцов идентификации, что предположительно позитивно может оказаться на определении той или иной стратегии идентификации;

– кадетский корпус – это организация, где осуществляется целенаправленная деятельность не только по обучению, но также и по активному влиянию на представления кадет о будущей профессии, о положительных эталонах и образцах карьеры, деятельности, поведении, словом, по влиянию на мировоззренческие позиции. Эта воспитательная функция кадетского корпуса будет способствовать особой динамике (росту) формирования ценностей и ценностных ориентаций кадет в определенных направлениях.

Предметом эмпирического исследования стала сетевая диагностика стратегий идентификации на основе обращения к ценностям кадет.

Выборка. Были разданы 173 анкеты, что составило 86 % генеральной совокупности корпуса, для обработки оставлены 156 анкет.

Последовательность процедур исследования.

1. *Определение круга актуальных ценностей*, которое предполагало экспертное обсуждение (руководители казачьих организаций) и отбор наиболее важных ценностей с точки зрения подготовки кадет. Здесь выделялись четыре группы ценностей казачества, составляющие две диахотомии: личное – социальное; характерные черты казачества – особенности жизни кадетского корпуса. В группу признаков, которые отражали ценности идентификации казачества, входили пункты, раскрытые через следующие индикаторы: ценности поддержания общения и коммуникации в казачьей среде и сохранение самобытности казаков; активное общение с казаками и кадетами из других казачьих организаций и кадетских корпусов; вопросы о важности жизни по казачьим традициям и максимальному соблюдению обычаев казаков; поддержание самобытности и независимости казаков; продолжение деятельности в военной сфере и воинский профессионализм; отношение к православию, жизнь в соответствии с православными канонами; отношение к гендерному воспитанию – мужчина должен воспитываться в строгости и порядке. Такие перечни ценностей были сформулированы и по другим группам ценностей, о чем речь пойдет ниже.

2. *Антиценности*. Для каждой ценности были сформулированы индикаторы-антиценности, отражающие противоположные ориентиры.

3. *Вопросы, характеризующие тип стратегии идентификации*. Ранее нами были выявлены и сформулированы пять типов стратегий идентификации, их характеристика будет приведена далее (рефлексивная, экспансивная, протестная, уклонения и инертная). Каждую стратегию характеризовали семь ответов на вопросы в опроснике. Например, рефлексивную стратегию идентификации характеризовали ответы на следующие вопросы (показаны номера вопросов и их содержание):

Рефлексивная стратегия идентификации:

7. После кадетского корпуса я стану жить по казачьим традициям и максимально соблюдать обычаи казаков.

9. После окончания учебы в кадетском корпусе я смогу добиться успеха в жизни, только непрерывно повышая уровень своего образования.

14. Я принимаю и поддерживаю сложившиеся правила поведения и дисциплину в корпусе.

15. В кадетском корпусе мы изучаем образовательные предметы и занимаемся тем, что действительно пригодится в жизни.

16. Я стремлюсь соответствовать своим командирам и наставникам.

17. Я могу многому научиться в корпусе, т. к. он имеет хорошую материально-техническую базу и профессиональный педагогический состав.

18. Я учусь в кадетском корпусе, потому что сам этого хотел и хочу.

Подобным образом формулировались ответы на другие вопросы, что в совокупности позволяло получить количественные данные о тех или иных стратегиях адаптации.

4. *Оценивание*. Значение каждого индикатора оценивалось от 1 до 5 баллов: от полного непринятия того или иного суждения – 1, до полного признания – 5.

5. *Особенностью подсчетов* полученных результатов был отбор только тех оценок, которые характеризовали или стойкое неприятие тех или иных позиций (1 и 2), или однозначное их одобрение (4 и 5). Оценка 3 признавалась как несложившееся отношение к позиции.

Если респондент набирал четыре позиции из семи, характерных для той или иной стратегии, она признавалась как сложившаяся. Результаты анкетирования сводились в матрицу (табл. 1).

Таблица 1. Таблица обобщения результатов опроса (фрагмент)
Table 1. A table summarizing the survey results (excerpt)

Оцениваемые индикаторы	Респонденты									
	1	2	3	4	5	6	7	...	n	
1. Я хотел бы создать большую (многодетную) семью с патриархальным укладом.	3	4	4	5	2	3	4	...	2	
2. Я буду активно общаться с казаками (или кадетами) из других организаций, кадетских корпусов.	3	2	4	4	5	1	3	...	4	
3. В будущем я хотел бы жить среди людей своего народа.	5	5	4	2	3	3	2	...	5	
4. По окончании обучения в корпусе я хочу продолжить деятельность в военной сфере и стать в этом профессионалом.	3	4	3	4	3	3	4	...	3	
5. Я считаю, что участие в международных форумах и межгосударственных обменах позволяют расширить кругозор и внедрить что-то новое у себя на Родине.	5	4	6	7	4	3	5	...	2	
6. В будущем наш кадетский корпус должен оставаться казачьим (самобытным) и быть максимально независимым.	5	4	3	4	5	2	2	...	5	
7. После кадетского корпуса я стану жить по казачьим традициям и максимально соблюдать обычаи казаков.	3	4	5	2	4	3	2	...	3	
8. В будущем я вижу себя православным, живущим только в соответствии с православными канонами.	3	4	5	2	3	2	2	...	3	
9. Я смогу добиться успеха в жизни, только непрерывно повышая уровень своего образования.	3	2	4	4	3	2	5	...	2	
10. Меня привлекает занятие предпринимательской деятельностью (бизнесом), в этом я вижу свое будущее.	1	2	4	5	3	4	3	...	3	
11. Мне необходимо осваивать новые технологии (гаджеты) – за ними будущее.	3	4	2	5	3	4	3	...	3	
12. Я хотел бы иметь свое подсобное хозяйство в будущем и, может быть, с этого зарабатывать.	3	4	2	4	3	5	5	...	3	
13. Я чувствую себя уверенным в кругу единомышленников и наставников.	4	3	5	2	3	4	3	...	3	
14. Я принимаю и поддерживаю сложившиеся правила поведения и дисциплину в корпусе.	3	5	4	3	5	4	4	...	4	
15. В корпусе мы изучаем образовательные предметы и занимаемся тем, что действительно пригодится в жизни.	1	5	3	4	2	4	3	...	5	
16. Я стремлюсь соответствовать своим командирам и наставникам.	3	4	2	5	5	4	5	...	4	
17. Я могу многому научиться в корпусе, т. к. он имеет хорошую материально-техническую базу и профессиональный педагогический состав.	4	3	5	4	2	5	4	...	4	
18. Я учусь в кадетском корпусе, потому что сам этого хотел и хочу.	4	3	5	2	5	5	4	...	4	
19. Мужчина должен воспитываться в строгости и порядке.	3	3	4	5	3	5	3	...	3	
20. Я вижу перспективы для себя и своего будущего. Оно кажется мне грандиозным.	3	4	2	5	4	3	4	...	4	

Результаты и обсуждение.

1. *Традиционный (весовой) анализ* проводился как подсчет среднего арифметического, показал значение каждого индикатора в соответствии с четырьмя группами ценностей. Они представлены на рис. 1. Здесь можно видеть концентрические окружности, поделенные на четыре сектора, и размещенные на них индикаторы-ценности: чем ближе к центру, тем весомее значение ценности.

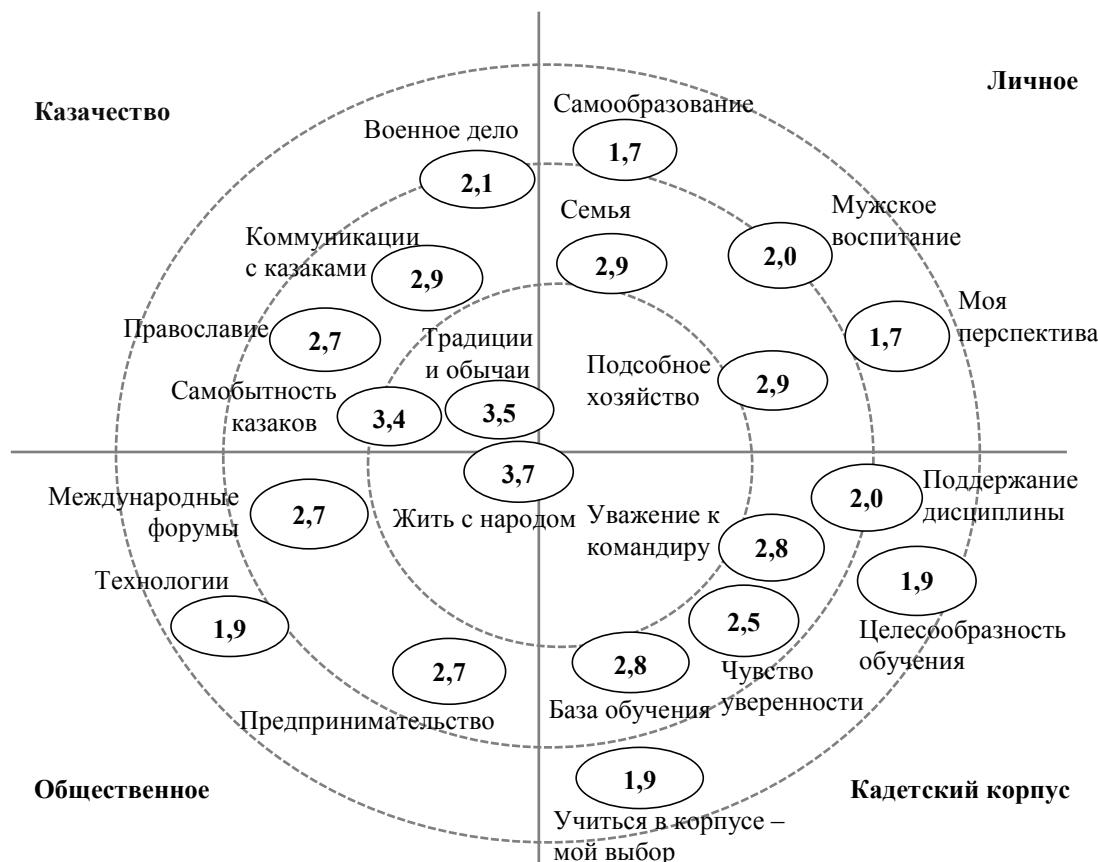


Рис. 1. Весовые значения индикаторов-ценностей
Fig. 1. Weight values of value indicators

Во втором радиусе располагаются индикаторы, которые набрали значение от 2 до 3 баллов. Это наиболее заполненный радиус. В группе личных ценностей сюда отнесены ценности семьи, ведения подсобного хозяйства, мужского воспитания. В группе ценностей, которые характеризуют жизнь в кадетском корпусе, в радиус вошли уважение к командирам, чувство уверенности, которое формирует кадетская дружба, хорошая база обучения. В секторе общественных ценностей в этом радиусе зафиксированы ценности предпринимательства и важность участия в международной жизни. В группе ценностей, характеризующих уклад жизни казаков, во втором радиусе оказались приверженность православию и поддержание активной коммуникации с казацкой общиной.

На третьем уровне радиуса в группе ценностей казачества не оказалось ни одного индикатора. В группе ценностей личной жизни – один индикатор – ясность перспективы после выпуска из казачьего корпуса, второй индикатор – ценность самообразования. В группе ценностей общественной жизни здесь оказался один индикатор – интерес к новым технологиям и гаджетам. В группу ценностей, характеризующих ценности жизни в корпусе, попали две ценности: уверенность в том, что образование пригодится, а также ценность свободного самостоятельного выбора обучения в кадетском корпусе.

Такая процедура исследования обладает важным достоинством, которое заключается в простоте ее проведения и подсчета полученных результатов. Однако при этом у исследователя нет возможности делать выводы относительно того, насколько системными – связанными – будут характеристики всего комплекса идентификационных индикаторов. Для

оценки связанности индикаторов-ценностей осуществлялся корреляционный анализ, который позволял выявить степень такой связанности.

2. Сетевой анализ. Особенность сетевого анализа, в отличие от традиционного, заключается в возможности измерять не только весовые характеристики индикаторов, но и их связанность с другими узлами-индикаторами, каждого с каждым. Таким образом, изменяясь индикатор будет не сам по себе, а как произведение массы или веса узла на количество и силу связей, которые складываются вокруг узла-индикатора. Это ценностный потенциал сети (ЦПС), который не просто фиксирует величину ценности индикатора для респондентов, но также раскрывает, насколько та или иная ценность связана с другими индикаторами идентификации в общей системе ценностей.

Положительные связи ценностей-индикаторов представлены на рис. 2. Связи нанесены на рисунок с весовыми характеристиками индикаторов. Степень связанности индикаторов-ценостей рассчитывалась как коэффициент корреляции Спирмена. Толщина линий показывает степень связанности узлов сети, сплошные линии показывают положительные связи (от +0,3 до +1,0), штриховые линии соответствуют – отрицательные связи (от -0,3 до -1,0).

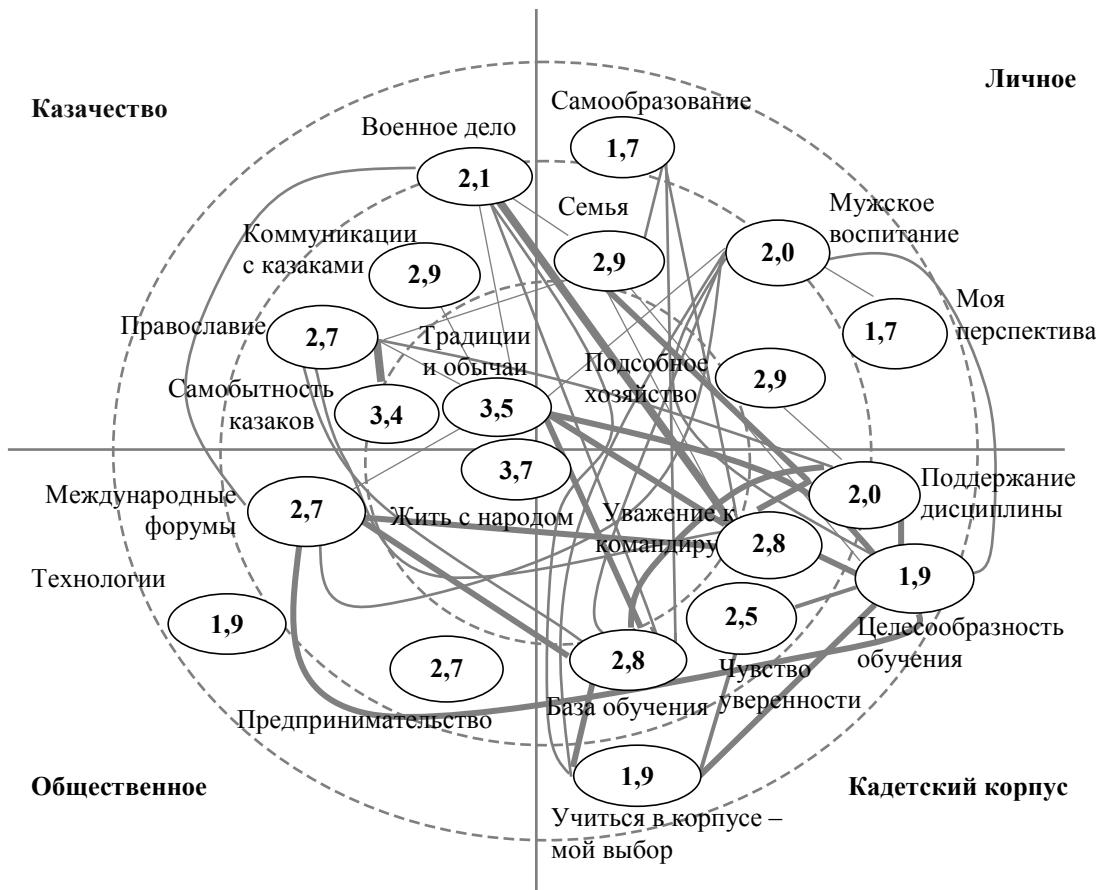


Рис. 2. Положительные связи индикаторов идентификации в подгруппах ценностей
Fig. 2. Positive associations of identification indicators in subgroups of values

На рисунке хорошо видно, что подавляющее количество положительных связей ценностей связано с сектором ценностей кадетского корпуса. Статистика по секторам такова: между ценностями «корпус» – «личная жизнь» формируется 46 % всех связей сети ценностей. На втором месте активность связей формируется по оси «кадетский корпус» – «казаче-

ство», здесь складывается еще 26 % значимых связей. Минимальное количество связей по оси «корпус» – «общество», здесь их 7 %. Таким образом, ценности, которые так или иначе связаны в сети с кадетским корпусом, составляют 79 % всех значимых связей сети. Такой результат важен в осознании роли кадетского корпуса в формировании стратегий идентификации. Количественные параметры меры связей показаны в табл. 2.

Таблица 2. Степень связанности ценностей по подгруппам
Table 2. Degree of connectedness of values by subgroups

Индикатор (параметр) оценивания	Значение параметра	Подгруппы качеств
4 Военное дело	0,48	Казачество 0,43
2 Коммуникации с казаками	0,32	
6 Сохранение самобытности корпуса	0,40	
8 Православие	0,44	
7 Традиции и обычаи казаков	0,52	
1 Семья	0,51	Личное 0,41
12 Подсобное хозяйство	0,34	
20 Моя перспектива	0,30	
9 Самообразование	0,48	
19 Мужское воспитание	0,42	
11 Новые технологии (гаджеты)	0,05	Общественное 0,01
3 Жить среди своего народа	0,09	
5 Международные форумы	0,49	
10 Предпринимательство	-0,25	
13 Уверенность среди своих	0,40	Кадетский корпус 0,53
14 Поддержание дисциплины	0,57	
16 Соответствовать командирам	0,55	
17 Хорошие условия учебы	0,55	
18 Учиться в корпусе – мой выбор	0,49	
15 Целесообразность обучения	0,59	

Анализ рис. 2 и табл. 2 показывает, что в сетях ценностей кадет наименьшими связями характеризуется сеть общественных ценностей, средний коэффициент связанности ценностей этого сектора с другими ценностями составляет 0,01, в то время как связанность ценностей по всем иным группам значительно выше, в 4 раза и более. Это показывает, что целый ряд ценностей этого порядка для кадет представляются малозначающими. В частности, ценность предпринимательства в данном случае набирает минимальное и даже отрицательное значение, т. е. скорее воспринимается как антиценность. Невысока ценность инновационных технологий (гаджетов) – 0,05. Парадоксально выглядит ситуация с ценностью представлений о жизни в среде своего народа. Ранее было показано, что эта ценность по весовым параметрам находится в центре сети ценностей кадет, но, как стало видно в результате сетевого анализа, это ценность, которая не коррелирует ни с какими другими ценностями.

Напротив, ценности, вес которых оценивался не очень высокими показателями, например, ценности обучения в кадетском корпусе, в системе сетевого анализа оказались наиболее связанными и коррелирующими с другими ценностями. Самая высокая степень связи оказалась у ценности целесообразности обучения в корпусе, т. е. этот индикатор более всего связан с другими индикаторами ценностей в сети («Образование пригодится»). На рисунке видно, что вокруг этого индикатора формируется четыре сетевые связи, причем это существенные связи, одна из которых – связь с индикатором «понимание важности

поддержания дисциплины» – самая значимая, коэффициент корреляции в настоящем случае составляет 0,78. Показанные два индикатора в совокупности с индикатором осознанности обучения в корпусе представляют три узла ценностей, которые являются системообразующими ценностями.

Отрицательные связи. По результатам сетевого анализа более всего отрицательных связей складывается между ценностями общественного и личного порядка.

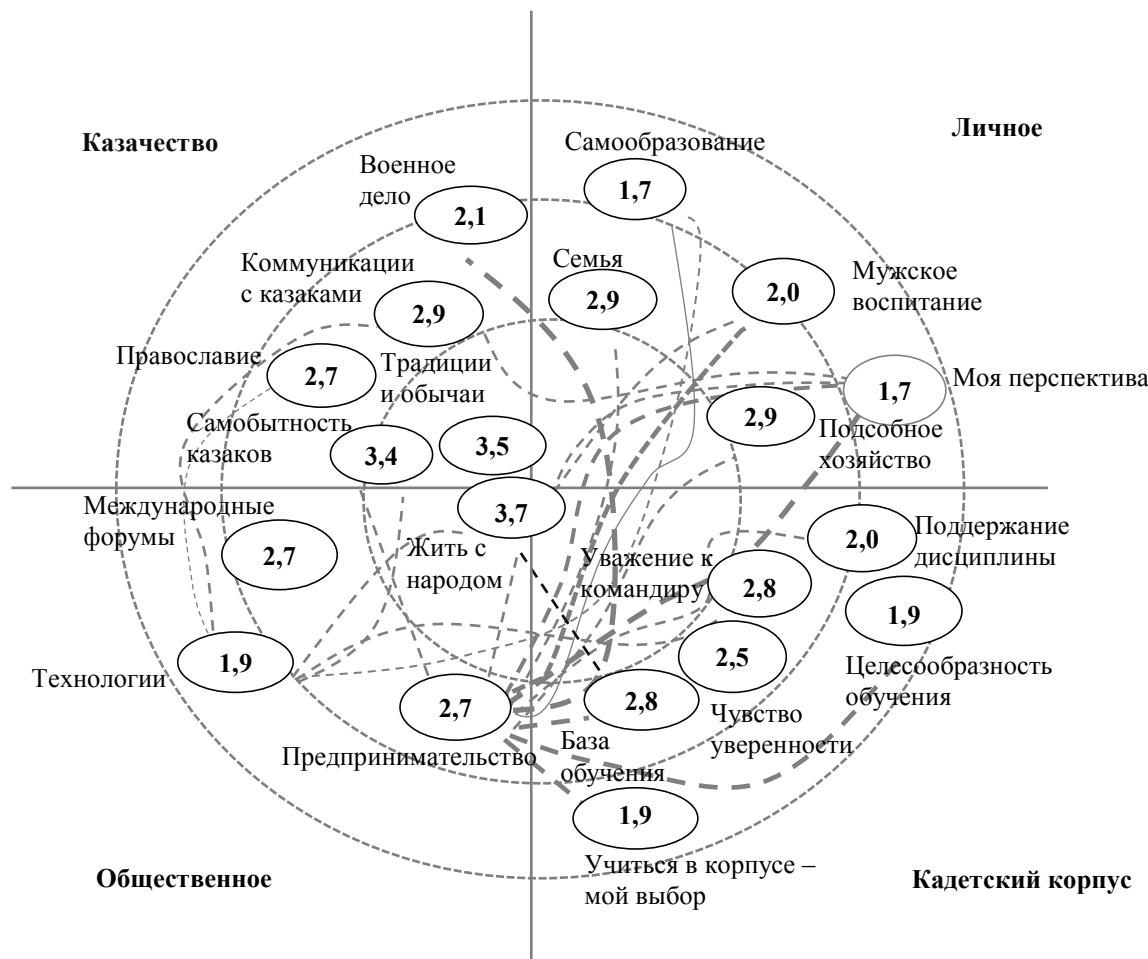


Рис. 3. Отрицательные сетевые связи между индикаторами идентификации кадет
Fig. 3. Negative network connections between cadet identification indicators

Это видно на рис. 3 и подтверждается статистикой: между показанными секторами ценностей наблюдается более 50 % всех конфликтных линий связи. Конфликты складываются и по оси «общество» – «казачество», правда, их здесь значительно меньше (в четыре раза). Конфликтов ценностей совсем немного между секторами «казачество» – «личная жизнь». Конфликт ценностей не зафиксирован по осям «корпус» – «казачество», «корпус» – «личная жизнь».

Результаты сетевого анализа позволяют говорить о некоторых устойчивых характеристиках ценностей, влияющих на формирование стратегий идентификации.

Во-первых, в центре системы ценностей кадет оказались те ценности, которые определяют смысл и назначение нахождения в кадетском корпусе. С этими индикаторами плотно связаны индикаторы роли и отношения к командирам, начальникам и воспитателям, роли

дисциплины, бытовых условий, т. е. таких ценностей, которые определяют непосредственную жизнь кадет.

Во-вторых, на последующих по важности местах в иерархии ценностей оказались индикаторы, которые характеризуют отношение кадет к казачеству в целом, это индикаторы сохранения и поддержания традиций казачества, обычаяев казаков, православия и отношения к военной службе.

В-третьих, это ценности семьи и мужского воспитания. Такие ценности довольно прочно связаны с ценностями жизни кадет в кадетском корпусе.

В-четвертых, самыми малозначащими или даже весьма конфликтными оказались ценности, раскрывающие отношение к предпринимательству как стратегии жизни. Еще одна значимая конфликтная ситуация сложилась вокруг развития новых технологий и гаджетов. Эти моменты потребовали дополнительных исследований в содержательном смысле.

3. Сравнение результатов традиционного и сетевого анализа ценностей. В методическом отношении в процессе пилотного исследования зафиксирован факт несоответствия результатов традиционного и сетевого анализа. На рис. 4 показано это несоответствие.

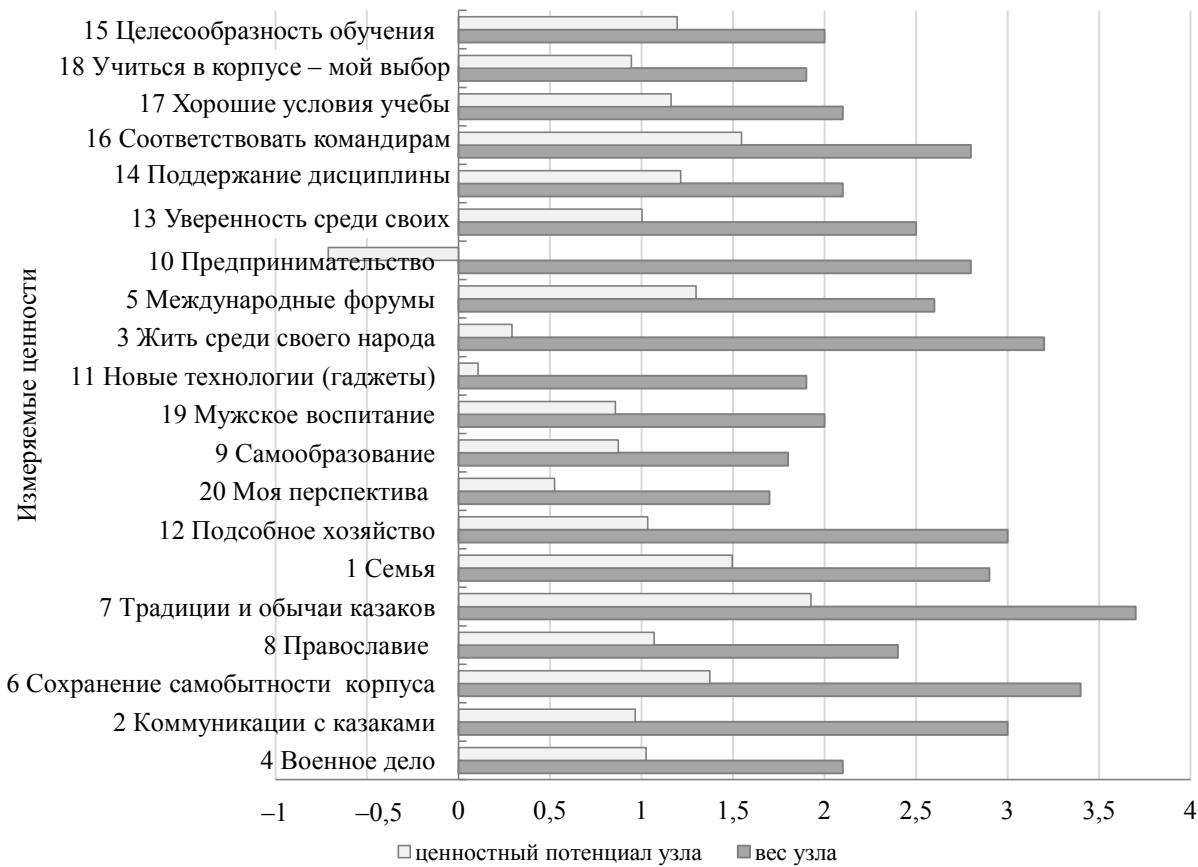


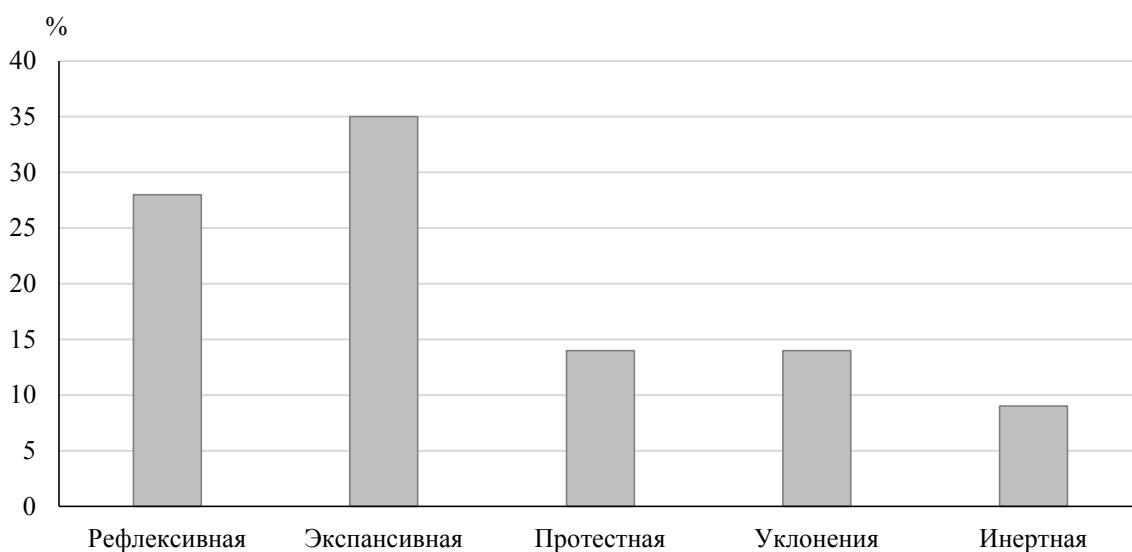
Рис. 4. Весовые характеристики и сетевой потенциал узлов ценностей

Fig. 4. Weight characteristics and network potential of value nodes

Отметим наиболее важные противоречия полученных результатов. Ценостный потенциал узлов сети – индикаторов ценностей – всегда оказывается ниже, чем весовые показатели этих узлов. Социальный смысл этого явления заключается в том, что на уровне ответов

на прямой вопрос о важности тех или иных качеств, ценностей и пр. респонденты могут выражать одни характеристики, но их связанность с другими индикаторами может быть значительно ниже, отсутствовать или даже быть отрицательной. Эти сюжеты можно наблюдать в отношении некоторых ценностей. Так, например, существенные различия между весовыми и сетевыми показателями были характерны для индикаторов жизни среди своего народа и роли новых технологий. Что же касается отношения к предпринимательству, здесь складывается парадоксальная ситуация, когда по весовым характеристикам эти показатели весьма значительные, но по сетевым – отрицательные.

4. Стратегии идентификации. Частотная характеристика стратегий идентификации среди кадет показана на рис. 5.



*Rus. 5. Частота формирования стратегий идентификации
Fig. 5. The frequency of formation of strategies of identification*

По результатам анализа, наиболее часто встречающейся среди кадет стратегией идентификации является экспансивная стратегия, в два раза (и более) чаще, чем, скажем, протестная или инертная стратегия. Немногим менее, но часто складывается стратегия, которая определяется как рефлексивная, которая отражает согласие и гармонию между эталонами и образцами поведения, определенными кадетским корпусом как важные, и теми ценностями, которые разделяют сами кадеты. Эти две стратегии в целом подтверждают, что в большинстве случаев стратегии идентификации кадет выстраиваются осознанно – как будущих казаков. Это также подтверждают результаты данных оценивания индикаторов-ценостей. На рис. 6 видно, что кадеты, разделяющие эти стратегии идентификации, более высоко оценивают практически все показатели, предложенные к анализу в опроснике, в частности, идентификация себя с будущей военной службой, использование знаний в интересах страны, целесообразность обучения в корпусе, признание условий обучения в корпусе как хороших, уважение к командирам и высокий уровень мотивации и самостоятельности при принятии решения об обучении в корпусе.

Напротив, показатели кадет, разделяющих такую стратегию, ниже при оценивании таких индикаторов идентификации, которые менее связаны со службой и служением инте-

ресам защиты своего народа (подсобное хозяйство, семья, перспектива жизни, некоторые другие).

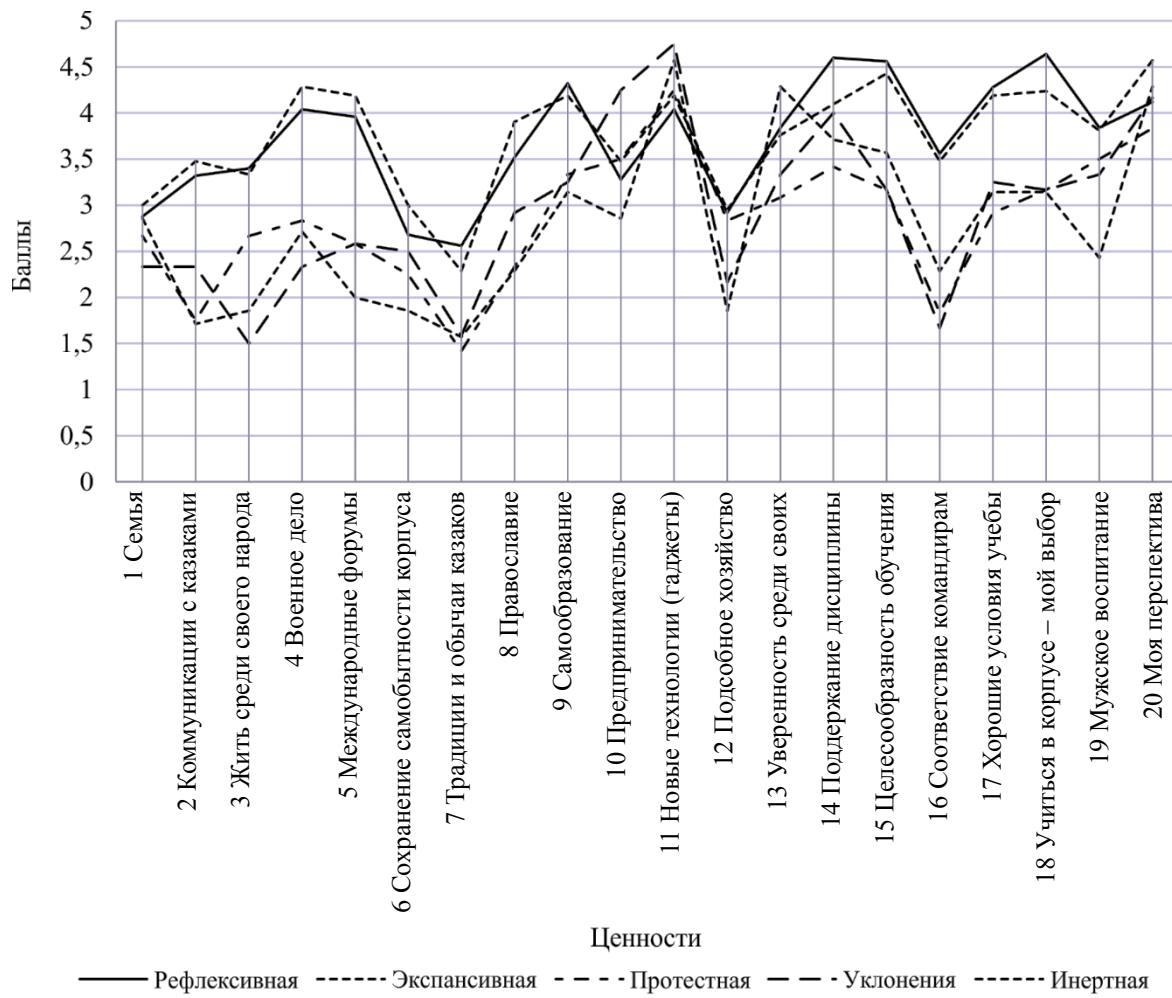


Рис. 6. Вес узлов ценностей в различных стратегиях идентификации
Fig. 6. The weight of the node values in different strategies of identification

Сетевые связи индикаторов. На рис. 7 представлены сетевые характеристики узлов-индикаторов, которые показывают системность и связанность этих узлов с другими узлами сети. Здесь видно, что у кадет, разделяющих рефлексивную и экспансивную стратегии идентификации, индикаторы-ценности менее связаны, чем это проявляется по результатам анализа у кадет, разделяющих другие стратегии идентификации. Это наиболее показательно в отношении к военной службе. Кадеты, у которых сформировались стратегии идентификации уклонения, протестная и инертная, видят военную службу как свою перспективу в два раза менее актуальной, чем кадеты, которые планируют стать военными, – экспансивная и рефлексивная стратегии. При этом единство и согласованность этих ценностей у первой группы кадет высокая – практически однозначная.

В любом случае становится понятным, что выбор стратегии военной службы всегда непрост как в среде кадет, разделяющих ценности стратегий уклонения, протестной или инертной, так и среди тех, кто разделяет ценности рефлексивной стратегии.

Наименее проблемным вопросом о выборе военной службы как перспективы жизни оказывается для тех кадет, кто разделяет ценности экспансивной стратегии. Такая цель у них внутренне мотивирована и менее зависит от ситуации в кадетском корпусе.

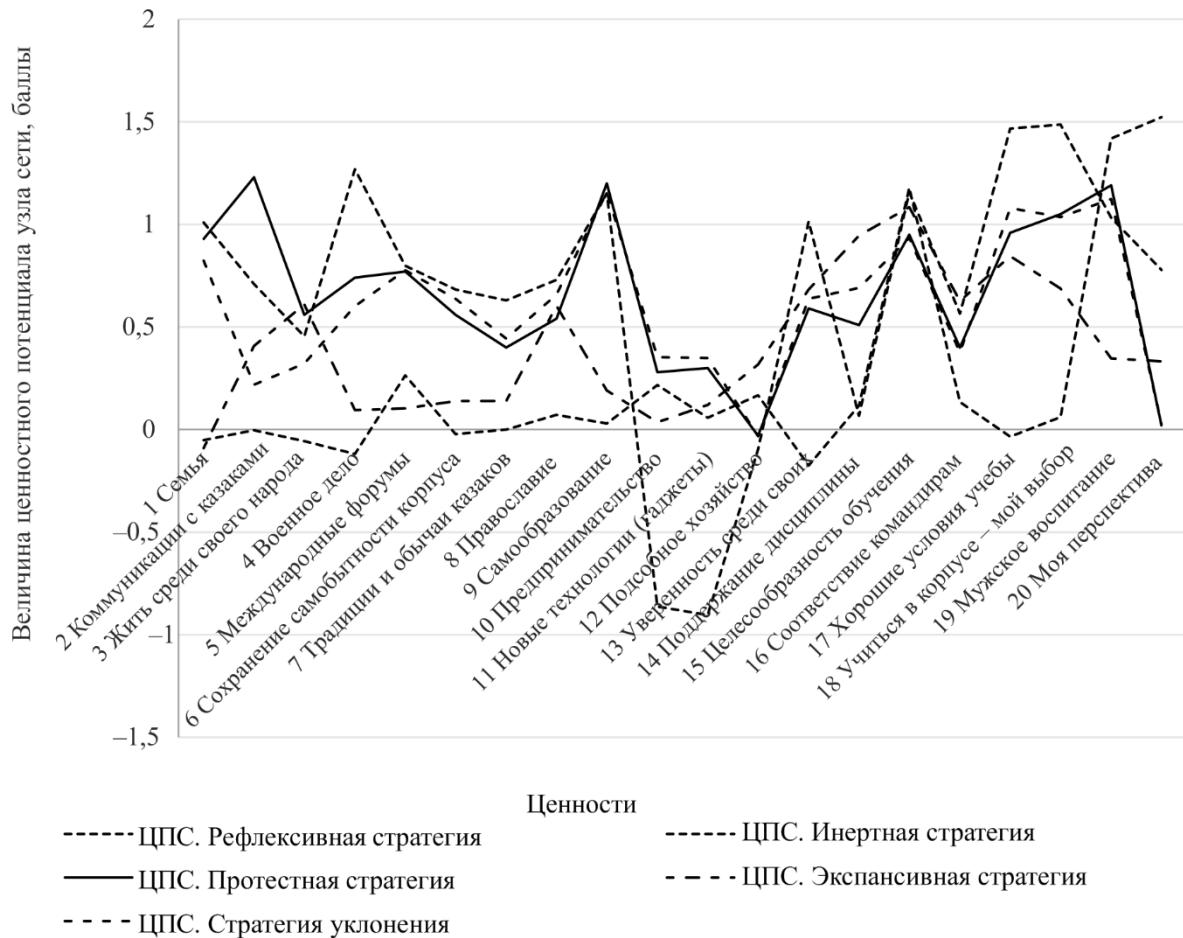


Рис. 7. Ценностный потенциал узлов сетей в различных стратегиях идентификации (сетевые связи)
Fig. 7. Value the potential of networks in different strategies of identification (network connection)

5. Противостоящие стратегии идентификационного поведения. Выявленные и предложенные к исследованию стратегии идентификации кадет можно рассматривать как стратегии, во многом противостоящие по своим конечным целям и средствам. Корреляционная связь между ценностями стратегий показана в табл. 3.

Таблица 3. Взаимосвязь стратегий идентификации
Table 3. Relationship between identification strategies

	ЦПС. Рефлексивная стратегия	ЦПС. Инертная стратегия	ЦПС. Протестная стратегия	ЦПС. Экспансив- ная стратегия	ЦПС. Стратегия уклонения
ЦПС. Рефлексивная стратегия	1	0,09	-0,02	0,15	0,02
ЦПС. Инертная стратегия	0,09	1	0,64	0,28	0,6
ЦПС. Протестная стратегия	-0,02	0,64	1	0,14	0,77
ЦПС. Экспансивная стратегия	0,15	0,28	0,14	1	0,22
ЦПС. Стратегия уклонения	0,02	0,6	0,77	0,22	1
Связь стратегии со всеми другими стратегиями	0,248	0,522	0,506	0,358	0,522

Данные табл. 3 показывают слабую связь ценностей тех кадет, которые ориентированы на рефлексивный и экспансивный типы идентификационной стратегии, связь рефлексивной и экспансивной стратегий идентификации незначительная (0,15). Для тех кадет, у которых

складывается экспансивная стратегия идентификации, характерны более выраженные цели поддержания связей с казачеством и своим народом, заинтересованное отношение к воинской службе и традициям казаков, признание роли православия, внимание к дисциплине и командирам, высокая мотивация к учебе в корпусе.

Значительно более связанными оказываются ценности кадет, которые разделяют цели стратегий уклонения и протестной стратегии (0,77), практически их цели совпадают. Также высока связь между ценностями кадет, которые разделяют цели инертной стратегии и стратегии уклонения (0,60). Скорее всего, это говорит о том, что процесс формирования стратегий идентификации, не ориентированной на военную службу, оказывается более простым и понятным.

Невысокая связь рефлексивной стратегии идентификации с другими стратегиями нам представляется закономерным явлением, поскольку кадеты приходят в кадетский корпус со своими собственными целями и ценностями, отличаются мотивацией и интересами, вкусами и желаниями. Изначальное совпадение целей и ценностей юноши с целями и ценностями кадетского корпуса фактически является скорее исключением. Очевидно, что здесь потребуется долгая и кропотливая, вдумчивая работа по формированию адекватной системы ценностей, актуальной для кадетского казачьего корпуса.

Показательны взаимосвязь и противопоставление индикаторов идентификации между экспансивной и протестной стратегиями. В данном случае противостояние индикаторов идентификации отражает активное поддержание и активное противостояние целям и средствам идентификации кадет. В частности, это касается понимания роли семьи, ценностей воинской службы, самобытности казаков, роли самообразования, роли дисциплины и причин выбора учебы в корпусе. По свидетельствам воспитателей кадетского корпуса, между юношами, представляющими эти стратегии идентификации, довольно часто возникают конфликты.

Заключение. Целостность методологии и методики сетевой диагностики стратегий идентификации обеспечивается обращением к ценностям, которые определяют эти стратегии. Ценности складываются на осознанном и подсознательном уровнях, что предполагает анализ получаемой диагностической информации как на уровне оценивания важности-ценности индикаторов – их весов, так и на уровне связанности этих ценностей. Такой подход позволяет диагностировать стратегии идентификации, в которых реализуются ценности и ценностные ориентации, складывающиеся в определенные структуры и выражающиеся в определенных линиях поведения. Очевидно, что такой вариант диагностики следует понимать как специальную диагностику. Кроме этого, при изменении содержания ценностей такая технология позволит анализировать и другие, например, политические, ценности.

Наличие нескольких типов социального взаимодействия личности и социальной группы, единство и противопоставление ценностей в результате такого взаимодействия позволяют говорить о некоторых стратегиях – обобщенных типовых линиях поведения. В зависимости от объективных и субъективных факторов стратегии могут меняться, трансформироваться и переходить друг в друга. При этом доктринально можно предположить, что типы стратегий идентификации могут быть сведены к следующим:

- **Рефлексивная стратегия.** Сетевая диагностика такой стратегии предполагает обращение к анализу единства ценностей личности и социальной группы, в которой действует

эта личность. В данном случае предполагается единство образцов и эталонов, предлагаемых группой, и поддержки этих ценностей со стороны личности. Это наиболее адекватная стратегия идентификации для достижения тождества целей группы и личности. Освоение такой стратегии большинством участников социальной группы выступает основным критерием успешности идентификации.

• **Экспансивная стратегия.** Сетевая диагностика стратегии идентификации этого типа предполагает анализ взаимодействия личности и группы с преобладающей ролью личности в достижении эталонов подражания. В настоящем случае принципы диагностики стратегий идентификации предполагают признание активно-пассионарной роли самой личности в самостоятельном выборе целей идентификации. В частности, в рассматриваемом примере с кадетским корпусом это та часть кадет, которая настроена патриотично и в наибольшей степени ориентирована на воинскую службу в перспективе, т. е. поступление в высшие военные училища или на контрактную службу для таких кадет является логичным и последовательным актом. У них высокая мотивация обучения в казачьем кадетском корпусе.

• **Инерционная стратегия.** Диагностика такого типа стратегии нацеливается на изучение ценностей тех личностей, кто находится «в тени» и мало чем проявляет себя. В частности, среди всего списка идентификационных показателей у представителей этой стратегии наиболее показательным в кадетском корпусе был только один пункт, относящийся к формированию отношений с окружением – уверенность в кругу своих товарищей. Их наибольший интерес связывается с изучением и использованием новых технологий, и это сочетается с высоким уровнем понимания своей перспективы. Воинская служба не является для них явным приоритетом, узок интерес к коммуникации в среде казачества, здесь едва ли не самый низкий интерес к жизни казаков. Их мало интересует занятие предпринимательством или ведение подсобного хозяйства, а также проблемы мужского воспитания, они «в тени».

• **Стратегия уклонения.** Самыми важными (высокими) диагностическими индикаторами идентификации этих кадет выступают показатели отношения к предпринимательству и освоению новых технологий. Эти высокие показатели сочетаются с высоким уровнем показателей по параметру понимания своей перспективы. Минимальными показателями для этой стратегии стали индикаторы: желание поддерживать отношения с казачеством, поддержка традиций и обычаяев казачества, ведение подсобного хозяйства и равнение на своих командиров. Понимание своей перспективы у этой части кадет плохо сочетается с воинской службой.

• **Протестная стратегия.** Это стратегия, которая складывается на основе низкой личностной мотивации нахождения кадет в кадетском казачьем корпусе – внутреннем личностном протесте. Видимо, поэтому для таких кадет характерны невысокие оценки состояния учебной базы корпуса, претензии к командирам как образцам поведения; они готовы ставить под сомнение целесообразность обучения в корпусе, смысл и важность дисциплины. Менее всего таких кадет интересуют забота о поддержании традиций казачества и установление с казаками отношений и общения. Самыми важными приоритетами в перечне индикаторов идентификации у них оказались предпринимательство и освоение новых технологий, собственно, то, что мало интересует других кадет. Следует особо подчеркнуть, что степень конфликтности по параметрам поддержания традиций и обычаяев казаков у этой группы кадет оказалась самой высокой, что в свою очередь говорит о принципиальном отсутствии восприятия эталонов подражания, которые предложены кадетским корпусом.

В целом, сделанные теоретические выводы и полученные эмпирические данные подтвердили выдвинутые гипотезы о наличии стратегий идентификации как результата соотнесения ценностей и ориентаций кадет в освоении эталонов подражания, а также целей и ценностных ориентаций, заявленных социальной организацией. Подтверждена целесообразность применения сетевых подходов к диагностике стратегий идентификации на основе обращения к индикаторам – ценностям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилова Е. Проблема социальной идентификации населения постсоветской России // Мониторинг. 1997. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sotsialnoy-identifikatsii-naseleniya-postsovetskoy-rossii> (дата обращения: 04.06.2020).
2. Кислов А. Г. Цифровой урок пандемии // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 2. С. 42–43. DOI: 10.24411/2307-4264-2020-10205.
3. Камарова Т. А. Признаки прекаризации в условиях пандемии // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 2. С. 74–75. DOI: 10.24411/2307-4264-2020-10222.
4. Махиянова А. В., Фахрутдинова А. Ф. Специфика применения классических теорий идентификации и социализации к анализу современных тенденций // Вестн. ЧелГУ. 2010. № 31 (212). С. 106–109.
5. Пятецкий Л. Л. Идентичность в мировой социологии // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7, Философия. 2009. № 2 (10). С. 172–175.
6. Попок Р. П. Взаимодействие «индивиду – социальная среда» посредством развертывания идентификационных процессов // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 24 (55). С. 432–437.
7. Балич Н. Л. Социальная идентичность: теоретико-методологические основания социологического анализа // Социол. альманах. 2013. № 4. С. 214–220.
8. Яценко К. А. Концепции идентичности в контексте мультикультурных исследований: социально-философский анализ // Вестн. БГУ. 2013. № 14. С. 37–42.
9. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / пер. с англ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
10. Чудова И. А. Личность как структура: соотнесение теоретических идей Г. Зиммеля и Дж. Мида // Вестн. НГУ. Сер.: Социально-экономические науки. 2006. Т. 6, № 2. С. 128–134.
11. Николаева Е. И. Стилистические и методологические особенности исследований Э. Гофмана // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология. 1996. № 3. С. 12–49.
12. Латышева Ж. В. Анализ оснований повседневного знания в теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана // Ученые записки ОГУ. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6 (44). С. 144–150.

Информация об авторах.

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук (2002), профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 203 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>. E-mail: ppd1@rambler.ru

Станислав Васильевич Панов – кандидат исторических наук (1985), старший преподаватель кафедры военно-политической работы Военно-морской академии им. Адмирала

Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова, Ушаковская наб., д. 17/1, Санкт-Петербург, 197045, Россия. Автор 47 публикаций. Сфера научных интересов: военно-патриотическое воспитание, социально-психологическое противодействие, методика преподавания. E-mail: panov_sv@mail.ru

Сергей Владимирович Курапов – аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная идентификация, военно-патриотическое воспитание, работа с молодежью. E-mail: ksv--1@mail.ru

ИШи – аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 9 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал. E-mail: shiyi11@mail.ru

Камышина Елена Александровна – аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал. E-mail: kamyshina.elena@gmail.com

Авторский вклад.

Дерюгин Павел Петрович – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, написание текста статьи.

Панов Станислав Васильевич – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, написание текста статьи.

Курапов Сергей Владимирович – разработка концепции и структуры исследования, проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных, написание текста статьи.

Ши И – разработка структуры исследования, проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных.

Камышина Елена Александровна – разработка структуры исследования, проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных.

REFERENCES

1. Danilova, E. (1997), "The problem of social identification of the population of post-Soviet Russia", *Monitoring*, no. 3, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sotsialnoy-identifikatsii-naseleniya-postsovetskoy-rossii> (accessed 04.06.2020).
2. Kislov, A.G. (2020), "Digital lesson pandemic", *Professional'noe obrazovanie i rynok truda* [Professional education and labor market], no. 2, pp. 41–43. DOI: 10.24411/2307-4264-2020-10205.
3. Kamarova, T.A. (2020), "Signs of precarization in the context of pandemic", *Professional'noe obrazovanie i rynok truda* [Professional education and labor market], no. 2, pp. 74–75. DOI: 10.24411/2307-4264-2020-10222.
4. Makhiyanova, A.V. and Fakhrutdinova, A.F. (2010), "Specifics of application of the classical theories of identification and socialization to the analysis of modern trends", *Bulletin of Chelyabinsk State Univ.*, no. 31 (212), pp. 106–109.
5. Pyatetckiy, L.L. (2009), "Identity in World Sociology", *Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, no. 2 (10), pp. 172–175.

6. Popok, R.P. (2008), "Interaction "individual – social environment" through the deployment of identification processes", *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 24 (55), pp. 432–437.
7. Balich, N.L. (2013), "Social identity: theoretical and methodological grounds of sociological analysis", *Sotsiologicheskii al'manakh* [Sociological Almanac], no. 4, pp. 214–220.
8. Yatcenko, K.A. (2013), "IDENTITY CONCEPTIONS IN THE CONTEXT OF MULTICULTURAL RESEARCH WORKS: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS", *The Buryat State University Bulletin*, no. 14, pp. 37–42.
9. Kuli, Ch.H. (2000), *Human nature and social order*, Transl., Idea-Press, Dom intellektual'noi knigi, Moscow, RUS.
10. Chudova, I.A. (2006)," Personality as a structure: correlation of theoretical ideas of G. Simmel and G. Mead", *Vestnik NSU. Series: Social and Economic Sciences*, vol. 6, iss. 2, pp. 128–134.
11. Nikolaeva, E.I. (1996), "Stylistic and methodological features of the studies of E. Hoffman", *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11, Sotsiologiya* [Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 11, Sociology], no. 3, pp. 12–49.
12. Latusheva, Zh.V. (2011), "Analysis of everyday knowledge bases in the theory of social construction of reality by P. Berger and T. Luckmann", *Scientific notes of Orel state university*, no. 6, pp. 145–146.

Information about the authors.

Pavel P. Deryugin – Dr. Sci. (Sociology) (2002), Professor at the Department of Applied and Specialized Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author more than 203 scientific publications. Area of expertise: social diagnostics, values and value orientations, network approach in sociology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>. Email: ppd1@rambler.ru

Stanislav V. Panov – Can. Sci. (History) (1985), Senior Lecturer at the Department of Military and Political Work, Kuznetsov Naval Academy, 17/1 Ushakovskaya emb., St Petersburg, 197045, Russia. The author of 47 scientific publications. Area of expertise: military-Patriotic education, socio-psychological counteraction, methods of teaching. E-mail: panov_sv@mail.ru

Sergey V. Kurapov – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: social identification, military-Patriotic education, work with young people. E-mail: ksv--1@mail.ru

Y Shi – Postgraduate, Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 9 scientific publications. Areas of expertise: youth, mass consciousness, inter-ethnic harmony, human capital. E-mail: shiyi11@mail.ru

Elena A. Kamysheina – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: youth, mass consciousness, inter-ethnic harmony, human capital. E-mail: kamysheina.elena@gmail.com

Author's contribution.

Pavel P. Deryugin – development of the concept and structure of research, analysis and interpretation of data, text writing of the paper.

Stanislav V. Panov – development of the concept and structure of research, analysis and interpretation of data, text writing of the paper.

Sergey V. Kurapov – development of the concept and structure of research, analysis and interpretation of data, text writing of the paper.

Yi Shi – development of the structure of research, analysis and interpretation of data.

Elena A. Kamyshina – development of the structure of research, analysis and interpretation of data.

УДК 316.74

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-4-95-105>

Оригинальная статья / Original paper

Научная иллюстрация: от информационного сопровождения к культуре участия

Д. К. Лисовский[✉]

Национальный исследовательский университет ИТМО, Санкт-Петербург, Россия

[✉]d011096@yandex.ru

Введение. Визуализация научного знания, насчитывающая уже не одно столетие, для каждого нового поколения ученых продолжает оставаться темой остроактуальной. Это связано с постоянно изменяющимися техническими и технологическими средствами презентации научных данных, а также с изменением самого коммуникативного пространства науки. Современная научная жизнь и деятельность ученых находятся постоянно в зоне острого конфликта между сохранением свойственных науке принципов элитарности, герметичности, исключительности и столь же необходимых для ее существования принципов открытости, общедоступности, массовизации. Анализ места и роли визуализации научного знания, на наш взгляд, позволяет обнаружить ресурсы и модели управления указанным конфликтом в сфере научной коммуникации. Цель исследования – раскрыть возможности научной иллюстрации в снятии противоречий между рациональным и образно-художественными формами, что приобретает особое значение для решения задачи популяризации науки в современном обществе.

Методология и источники. Методологическими принципами исследования стали культурологический подход при описании этапов развития научной иллюстрации, а также методы сравнительного, типологического, контекстуального анализа. Для написания работы мы использовали источники, позволявшие анализировать историю становления и современное состояние научной иллюстрации, а также видовое разнообразие визуализации научного знания (работы Аши Ребекки Зуриты, Мартина Кемпа и Дерека Дж. Росса). Информационными источниками стали исследования Science Art в контексте решения задач популяризации научного знания и массовизации науки, проведенные А. Резниковой и Л. Архиповой.

Результаты и обсуждение. В предлагаемой статье научная иллюстрация рассматривается как визуальная практика, нацеленная на преодоление границ между наукой, искусством и образованием. Рассматриваются четыре принципиально различных периода эволюции научной иллюстрации: иллюстрация как инструмент работы с информацией, труднодоступной для человеческого глаза (изначально в интересах медицины); с появлением и развитием фотографии – дрейф научной иллюстрации в направлении изобразительного искусства при возрастающем значении художника (рисующего), а не предмета изображения; с усложнением видового разнообразия визуальной презентации научной информации – стимулирование образной составляющей в поиске и представлении научного знания как специфическая задача научной иллюстрации; научная иллюстрация как необходимая составляющая процесса конвергенции научно-познавательных и художественно-изобразительных приемов в научной коммуникации.

© Лисовский Д. К., 2020



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. В XXI в. научные иллюстрации представляют собой технологические продукты, создаваемые совместно учеными, художниками, их прямыми заказчиками и обществом в целом. Представляя собой один из видов визуализации научного знания, научная иллюстрация выполняет свойственные только ей образовательные и коммуникативные функции. Либерализация инструментов работы с изображениями, развитие образовательных комиксов, визуализация информации и визуализация данных, а также появление движения SciArt – все эти факторы делают актуальной проблему профессиональной самоидентификации научных иллюстраторов.

Ключевые слова: научная иллюстрация, иллюстрация, культура участия, научная коммуникация.

Для цитирования: Лисовский Д. К. Научная иллюстрация: от информационного сопровождения к культуре участия // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 4. С. 95–105. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-95-105

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 05.07.2020; принята после рецензирования 13.08.2020; опубликована онлайн 26.10.2020

Scientific Illustration: from Informational Support to a Culture of Participation

Dmitry K. Lisovsky[✉]

ITMO University, St Petersburg, Russia

[✉]d011096@yandex.ru

Introduction. The visualization of scientific knowledge dating back more than one century, nevertheless, for each new generation of scientists it turns out to be a topic of acute interest. This is due to constantly changing technical and technological means of presenting scientific data, as well as a change in the communicative space of science itself. Modern scientific life and the activities of scientists are constantly in the zone of acute conflict between preserving the principles of elitism, integrity, exclusivity, and the principles of openness, general accessibility, and massization that are equally necessary for its existence. An analysis of the place and role of visualizing scientific knowledge allows us to discover resources and models for managing this conflict in the field of scientific communication.

Methodology and sources. The culturological approach in describing the stages of scientific illustration development, as well as methods of comparative, typological, contextual analysis became the methodological principles of the research. For writing the work we used sources that allowed us to analyze the history of formation and the current state of scientific illustration, as well as a variety of types of visualization of scientific knowledge. Information sources were the research of Science Art in the context of solving the problems of popularization of scientific knowledge.

Results and discussion. The object of this study is scientific illustration as a visual practice aimed at overcoming the boundaries between science, art and education. The development of scientific illustration includes 4 fundamentally different periods: the use of illustration as a tool for working with information that is difficult for the human eye (primarily in the interests of medicine); with the advent and development of photography, the drift of scientific illustration in the direction of fine art with the increasing importance of the artist (painter), and not the subject of the image; with the complexity of the species diversity of the visual representation of scientific information, the stimulation of the figurative component in the search and presentation of scientific knowledge as a specific task of scientific illustration; scientific illustration as a necessary component of the process of

convergence of scientific-cognitive and artistic-visual techniques in scientific communication.

Conclusion. In the 21st century, scientific illustrations are technological products created jointly by scientists, artists, their direct customers and society as a whole. Representing one of the types of visualization of scientific knowledge, scientific illustration performs its own educational and communicative functions. Liberalization of image tools, development of educational comics, information visualization and data visualization, as well as the appearance of SciArt movement – all these factors make the problem of professional self-identification of scientific illustrators urgent.

Key words: scientific illustration, illustration, participation culture, scientific communication.

For citation: Lisovsky D. K. Scientific Illustration: from Informational Support to a Culture of Participation. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 95–105. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-95-105 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 05.07.2020; adopted after review 13.08.2020; published online 26.10.2020

Введение. Визуализация научного знания, насчитывающая уже не одно столетие, тем не менее для каждого нового поколения ученых оказывается темой остроактуальной. Это связано с постоянно изменяющимися техническими и технологическими средствами презентации научных данных, а также с изменением самого коммуникативного пространства науки. Современная научная жизнь и деятельность ученых находятся постоянно в зоне острого конфликта между сохранением свойственных науке принципов элитарности, герметичности, исключительности и столь же необходимых для ее существования принципов открытости, общедоступности, массовизации. Анализ места и роли визуализации научного знания, на наш взгляд, позволяет обнаружить ресурсы и модели управления указанным конфликтом в сфере научной коммуникации.

Методология и источники. Методологическими принципами исследования стали культурологический подход при описании этапов развития научной иллюстрации, а также методы сравнительного, типологического, контекстуального анализа. Для написания работы мы использовали источники, позволившие проанализировать историю становления и современное состояние научной иллюстрации, а также видовое разнообразие визуализации научного знания. Информационными источниками стали исследования Science Art в контексте решения задач популяризации научного знания и массовизации науки.

Результаты и обсуждение. Развитие научного знания требовало использования различных форм передачи и объяснения информации, в том числе визуальной. Рациональное знание, которое исторически развивалось быстрее других и по этой причине предполагало массовое обучение новых специалистов, было связано с медициной. Студенты нуждались в учебниках, но до изобретения наборных литер Иоганном Гутенбергом в середине XV в. напечатанные учебные книги были раритетом, их создание требовало много времени и средств. Вот почему между XII и XV вв. в Европе в личном порядке распространяли различные рукописи, содержащие знания по медицине. Эти издания содержали как тексты, так и иллюстрации, которые затем обсуждались со студентами на учебных лекциях. Изображения, включенные в книги, обычно не были эстетически привлекательными. Их основной целью было проиллюстрировать внутреннюю структуру тела [1]. Иллюстрации были мало-

полезны без текста, тем не менее они предлагали дополнительный взгляд на обсуждаемые объекты, которые нельзя было увидеть почти нигде, кроме как на страницах рукописей.

Особенно нуждалась в визуализации накопленных знаний анатомия как наука о внешнем и внутреннем строении организма и органов. До XV в. у студентов-медиков, хотя предметом их профессиональной подготовки было человеческое тело, было мало возможностей увидеть его строение, в том числе и потому, что на территории Европы католическая церковь запрещала проводить вскрытия людей. Однако с отменой этих запретов в XV в. объем научных знаний по анатомии начинает расти. Медики проводят публичные вскрытия в образовательных целях. На таких практических занятиях присутствовали не только студенты, но и художники. Одни делали зарисовки для редких медицинских изданий, другие рисовали групповые портреты врачей и студентов. На публичные вскрытия приходили и те художники, кто набирался опыта для более реалистического изображения человеческого тела на своих полотнах. Одним из таких был Леонардо да Винчи. Увиденное и полученные знания пригодились ему при создании картин, во многом определивших эпоху Возрождения.

Переход от позднего Средневековья к Новому времени можно признать временем расцвета и синтеза искусства, медицины и науки в целом. Одним из продуктов взаимного влияния этих областей стала книга «О строении человеческого тела, в семи томах» (*De humani corporis fabrica libri septem*), более известная как «*Fabrica*», которая ознаменовала собой новую веху в истории научной иллюстрации. Рукопись была издана в 1543 г. и до сих пор считается первым и наиболее известным в истории учебником по анатомии человеческого тела [2]. Ее автор – бельгийский ученый Андреас Везалий, который путешествовал по Европе с лекциями об анатомии. Во время выступлений он препарировал трупы и просил своего ученика делать рисунки человеческого тела, которые затем вместе с письменным описанием были включены в созданную им книгу. В этих иллюстрациях нашло свое отражение взаимное влияние искусства и науки.

Главной целью иллюстраций в «*Fabrica*», как и в любом другом учебнике по анатомии, была помочь в изучении внешнего и внутреннего строения человеческого тела. Вместе с тем работы ученика Везалия содержат художественные элементы, характерные для визуальной культуры эпохи Возрождения: идеализированная мужская фигура, позы, знакомые по скульптурам Микеланджело, а также изображение итальянских пейзажей на заднем фоне [3]. Подобные изображения не имеют практического значения для учебника по анатомии, однако в них раскрываются визуальные традиции того времени. В иллюстрациях «*Fabrica*» становится очевидным дрейф научной визуализации в исполнении анатомических рисовальщиков в направлении изобразительного искусства. Можно утверждать, что к середине XVI в. научная визуализация представляет собой не простое копирование природных объектов в научных и образовательных целях, но становится произведением визуального искусства, в котором доминирует не взгляд естествоиспытателя, но взгляд художника-иллюстратора, соответствующий стилистическим художественным предпочтениям своего времени.

Новое время – время рождения современной науки. Возникают новые отрасли естественнонаучного знания. Потребность в изображении свойств природного мира, скрытых от глаза внешнего наблюдателя, растет в геометрической прогрессии. Показательной фигурой этой эпохи можно считать Эрнста Геккеля, биолога, натуралиста и художника из Германии. В университетские годы он не мог выбрать между двумя своими увлечениями – наукой

и изобразительным искусством, но в дальнейшем нашел баланс при работе в нескольких направлениях. Геккель получает известность благодаря своему исследованию и зарисовкам ранее неизвестных науке организмов на дне океана – радиолярий. Это одноклеточные планктонные микроорганизмы, которые невозможно рассмотреть без микроскопа. Ученый выпускает небольшим тиражом книгу-альбом о радиоляриях под названием «Die Radiolarian», которая становится популярной благодаря узнаваемому стилю. Как художник, Геккель стремится не просто к точности изображений, что было бы ожидаемо от ученого, но и к поиску симметрии, органической красоты в природе. В дальнейшем Геккель выпускает отдельную книгу-альбом под названием «Kunstformen der Natur» («Красота форм в природе»), содержащую изображения рыб, медуз и тех же радиолярий. Книгу с первоначальным тиражом в 100 копий перепечатывают до сих пор, а исследователи называют иллюстрации Геккеля одними из самых влиятельных в истории искусства XX в. [1].

Решающим фактором развития и профессионального становления научной визуализации стал технологический прогресс. 7 января 1839 г. считается днем изобретения фотографии. Интерес к ней в научном сообществе становится естественным продолжением интереса к уже освоенным оптическим технологиям – телескопу и микроскопу. Эти приспособления позволили ученым серьезно продвинуться в своих исследованиях. Фотография не стала исключением. Уильям Генри Фокс Талбот, Анри-Виктор Рено и другие ученые обращаются к новинке для того, чтобы апробировать ее важнейшие функции, а именно точно и реалистично передавать объект фотографирования.

Обратим внимание на то, что предметом изображения фотографа всегда выступает непосредственно окружающая его среда. Сам фотоаппарат как техническое приспособление позволяет фотографу с большей или меньшей точностью отразить реально существующий объект без дополнительных навыков и знаний, тогда как работы Геккеля и рисовальщиков Везалия, о которых мы говорили выше, – результат работы живого человека. Работа ученого и художника предполагает несколько этапов, которые включают в себя наблюдения, зарисовки, работу с заказчиком или другими учеными. Потому предметом подобной работы выступает научное знание как таковое.

Андреас Везалий и Эрнст Геккель не издавали книги с точным изображением человеческой анатомии и радиолярий. Их работы содержали научные представления о внешнем виде реально существующих объектов, но выполнены они были с учетом стереотипной нормы красоты для соответствующих периодов. При нарушении этих норм рисунок не смог бы ни завоевать доверие научного сообщества, ни приобрести широкую популярность среди современников. Но эти изображения уже и не произведения искусства, поскольку их предметом выступают научные знания, нуждающиеся в визуализации.

Итак, научные иллюстрации можно определить как визуальное сопровождение научного текста, создание зрительного образа, передающего информацию о свойствах объектов, познаваемых в науке. Следуя этому определению, научной иллюстрацией занимались и Геккель, и рисовальщики Везалия, и те, кто начинает осваивать искусство с теми же целями. К началу XX в. научная иллюстрация представляет собой культурно опосредованные конструкты, сформированные культурной средой и мировоззрением художника, его клиентов и общества [4].

Очевидно, что наряду с репрезентацией научного знания научная иллюстрация выполняет образовательные и коммуникативные функции. Выступая средством изображения тех или иных объектов, научная иллюстрация переводит определенное знание из менее понятного в более понятное. В этом дополнении двух различных сигнальных систем – слов и рисунков – и раскрывается коммуникативная функция, т. е. возможность сделать объяснение более понятным. Изображая строение радиолярий, Геккель визуализировал объект изучения (объяснительная функция иллюстрации) и одновременно своими рисунками привлекал непосвященную аудиторию к рассматриванию этих научных текстов, что сделало его работы чрезвычайно популярными в свое время (коммуникативная функция иллюстрации).

Рассмотрим действие объяснительной и коммуникативной функций на примере актуальных форматов научных иллюстраций, которые становятся все более популярными в современных медиа. Примером могут служить образовательные комиксы (*educational comics*). Этому жанру сложно дать точное определение. Одна из проблем комиксологии, на которую обращают внимание исследователи [5], это широта понятия «комикса», которое описывает самые разные формы визуальной коммуникации для самых разных целей. Графический роман, комикс, стрип – все эти термины обозначают нарисованные истории в последовательности картинок, однако их техники, идеи, авторские цели и другие аспекты могут значительно отличаться. Википедия определяет образовательные комиксы как разновидность адаптированной литературы [6], в отличие от графических романов и стрипов, преследующих образовательные цели, иначе говоря, их авторы хотят объяснить науку с помощью серии иллюстраций, связанных общим сюжетом.

Образовательные комиксы имеют ряд преимуществ в сравнении с обычным текстом: их мультимодальность позволяет увлечь значительно большее число читателей, чем обычный текст [7], использование постоянных персонажей и типичных ситуаций обеспечивает эмоциональную привязанность читателя, что может способствовать формированию памяти [8], облегчать взаимодействие, например, между пациентами и врачами [9], между пациентами и их сообществами [10], в целом изменить медицинскую культуру общества [11].

Российские исследователи, изучавшие применение комиксов в образовании, проводили исследования по таким вопросам, как метод цифрового сторителлинга в проектной деятельности учащихся [12], обучение французскому языку с помощью комиксов [13], помочь учащимся с задержкой психического развития с использованием комиксов [14].

Г. и А. Онковичи предложили рассматривать комиксы как медиатексты [15], полагая, что участники процесса образования выиграют от включения комиксов в школьную программу, например, таких графических романов, как *The Comic Book Project*, *Comic Book Classroom* и др.

Созданием образовательных комиксов занимаются и некоторые ученые. Так, Маттео Фаринелла, обладатель докторской степени по нейробиологии, занимающий должность медиапродюсера университета Цукермана, в 2013 г. выпустил свой первый образовательный комикс «*Neurocomic*» и продолжает работу над новыми романами, сотрудничая с научными иллюстраторами со всего мира.

Таким образом, можно утверждать, что образовательные комиксы, комбинируя преимущества визуализации с мощными метафорами и повествовательными персонажами, усиливают коммуникационный потенциал научной иллюстрации. Специалисты, работающие в

этом направлении, делают научные предметы доступными и привлекательными для более широкой аудитории, не обладающей специальным образованием.

Современная научная визуализация обращается и к такому объяснительному потенциальному научной иллюстрации, как *визуализация информации* (information visualization) и *визуализация данных* (data visualization). И тот, и другой вид визуализации включает различные графики и диаграммы, однако они различаются по первоисточнику данных. Визуализация информации используется при работе с файлами и строками кода в программных системах, а визуализация данных – при работе с количественными и категориальными данными. В рамках каждого поджанра существуют свои отдельные форматы. Так, Джен Кристиансен, старший графический редактор журнала «*Scientific American*», предлагает различать форматы в визуализации данных в диапазоне от преимущественно фигуративных до преимущественно абстрактных и делит их на презентативные иллюстрации, иллюстрированные диаграммы и визуализацию данных [16]. Подобные иллюстрации, графики и диаграммы стали неотъемлемой частью не только журнала «*Scientific American*», но и многих других печатных и онлайн-изданий, посвященных науке.

Размышляя над тем, можно ли рассматривать визуализацию информации и визуализацию данных в качестве видов научной иллюстрации, мы полагаем, что да, поскольку предметом изображения здесь выступает научное знание как таковое, представленное в графиках и диаграммах. Если еще два века назад графики и иллюстрации можно было считать различными жанрами, то в настоящее время эти различия все более стираются – благодаря мощному компьютерному инструментарию специалисты совмещают графические приемы и традиции для создания наиболее понятных и подходящих контексту работ. Потому мы предлагаем рассматривать визуализацию информации и визуализацию данных (или инфографику, нацеленную на представление научных данных) как варианты научной иллюстрации, как дополнительные объяснительные ресурсы в арсенале исследователей.

Еще один набирающий популярность тренд в развитии научной иллюстрации связан с Science Art, или SciArt. Это движение, которое объединяет художников и ученых по всему миру в создании общих проектов, направленных на актуализацию научных знаний, и отказе от барьеров между дисциплинами.

Движение стало проявлением культуры участия в современном обществе. Этот термин обозначает участие пользователей, аудитории, потребителей и последователей в создании обсуждаемого контента. В качестве примеров можно привести совместное редактирование статьи в Wikipedia, загрузку видео на YouTube, написание коротких сообщений в Twitter [17]. Культура участия – это прямое следствие технологического прогресса и массового распространения социальных сетей и цифровых площадок. Создавать контент и делиться им стало проще, чем когда-либо, и естественно, что пользователи начали демонстрировать собственные творения и сотрудничать друг с другом. Среди тех, кто имеет возможность делиться и работать совместно над контентом, преимущество получили художники и ученые, заинтересованные в новых дисциплинах.

SciArt состоит из множества одноименных сообществ, которые публикуют свои проекты в социальных сетях [18], на страницах журналов [19], на специализированных выставках и просто встречах. Проекты, которые реализуются в рамках SciArt, включают в себя иллюстрации, скульптуры, фотографии, комиксы, поэмы, записанные с помощью сетей

ДНК [20], мемы. Ученые относят мемы к артефакту цифровой культуры участия [21]. По их мнению, подобно тому, как культурный артефакт предлагает некую информацию о своих создателях, так и цифровой артефакт позволяет оценить социальное поведение тех индивидов или групп, которые его произвели.

Широта форматов реализуемых проектов и глобальность движения SciArt показывает, насколько сильно изменились возможности совместной работы в науке и искусстве. Эти две области открыты для любого ученого или художника, пытающегося реализовать свои творческие идеи. Для участия в этом движении не требуется наличие специальных навыков или умений, каждый желающий может присоединиться к нему. Правила сотрудничества в такой коллaborации во многом сходны с правилами деятельности любых сообществ, близких к культуре участия [22]. В числе этих принципов:

- отсутствие препятствий для художественного самовыражения и гражданской активности;
- активная поддержка при создании и обмене своими творениями с другими;
- различные виды неформального наставничества, когда то, что известно наиболее опытным, передается новичкам;
- уверенность в том, что деятельность сообщества социально значима;
- социальная ответственность за свою деятельность (по крайней мере, забота о получении обратной связи относительно того, что участники движения создают).

Деятельность движения SciArt отражает важную перемену контекста применения научной иллюстрации. Изменилась степень связанности искусства и науки – любой современный художник может реализовать свои проекты с учеными. Для этого не требуется специальная институциональная площадка, будь то университет, научно-популярный журнал или издательство детских книг о науке. Достаточно социальных сетей и групп движения SciArt. В результате возникает большая свобода в выборе приемов раскрытия определенных тем, использования материалов, наличия авторского комментария. SciArt предполагает неограниченную свободу коллаборации между учеными и художниками, и специалисты, занятые в других сферах научной иллюстрации, уже не могут не учитывать опыт SciArt, его достижения, а также, возможно, участвовать в совместных проектах. Для всех сторон, участвующих в создании научной иллюстрации, SciArt становится если не моделью для взаимодействия, то альтернативой, которую нужно учитывать и изучать.

Заключение. Таким образом, возникнув как инструмент, дополняющий и демонстрирующий получаемое знание, с развитием научных дисциплин, появлением технологий книгопечатания и фотографии научная иллюстрация становится средством научной коммуникации – способом не только визуализировать научные знания, но и сделать это так, чтобы вызвать интерес к науке у людей, прямо с наукой не связанных. В XXI в. научные иллюстрации представляют собой технологические продукты, совместно создаваемые учеными, художниками, их прямыми заказчиками и обществом в целом. Представляя собой один из видов визуализации научного знания, научная иллюстрация выполняет свойственные только ей образовательные и коммуникативные функции. Либерализация инструментов работы с изображениями, развитие образовательных комиксов, визуализация информации и визуализация данных, а также появление движения SciArt – все эти факторы делают актуальной проблему профессиональной самоидентификации научных иллюстраторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

20. Art of now // BBC. 2019. URL: <https://www.bbc.co.uk/sounds/play/m0002rkb> (дата обращения: 24.05.2020).
 21. Wiggins B. E., Bret G. Memes as genre: A structural analysis of the memescape // New Media & Society. 2014. Vol. 17, iss. 11. P. 1886–1906. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444814535194>.
 22. Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century. Cambridge / Jenkins H., Purushotma R., Weigel M. et al. Cambridge: MIT Press, 2019. URL: https://www.macfound.org/media/article_pdfs/JENKINS_WHITE_PAPER.PDF (дата обращения: 24.05.2020).

Информация об авторе.

Лисовский Дмитрий Константинович – магистр (2020), иллюстратор. Автор 2 научных публикаций. Сфера научных интересов: научная коммуникация, научная иллюстрация, журналистика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8336-8286>. E-mail: d011096@yandex.ru

REFERENCES

1. Zurita, A.R. (2016), *The Evolution and Influence of Art in Scientific Illustration*, available at: https://digitalcommons.bard.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1111&context=senproj_s2016 (accessed 16.05.2020).
 2. Harcourt, G. (1987), "Andreas Vesalius and the Anatomy of Antique Sculpture", *Representations*, no. 17, pp. 28–61. DOI: <https://doi.org/10.2307/3043792>.
 3. Kemp, M. (2010), "Style and non-style in anatomical illustration: From Renaissance Humanism to Henry Gray", *Journal of Anatomy*, vol. 216, iss. 2, pp. 192–208. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1469-7580.2009.01181.x>.
 4. Derek, G.R. (2017), "The Role of Ethics, Culture, and Artistry in Scientific Illustration", *Technical Communication Quarterly*, vol. 26, iss. 2, pp. 145–172. DOI: <https://doi.org/10.1080/10572252.2017.1287376>.
 5. Ware, C. (2019), *Information Visualization: Perception for Design*. 2019, available at: https://books.google.ru/books?hl=en&lr=&id=3-HFDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=+Information+Visualization:+Perception+for+Design,&ots=o_aqjwkgh7&sig=aOG2RynK-aQjBsWEE9JHMwRrH2U&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (accessed 18.05.2020).
 6. *Obrazovatel'nye komiksy* [Educational comics], Wikipedia, available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Образовательные_комиксы (accessed 24.05.2020).
 7. Eilam, B. and Poyas, Y. (2010), "External Visual Representations in Science Learning: The case of relations among system components", *International Journal of Science Education*, vol. 32, iss. 17, pp. 2335–2336. DOI: <https://doi.org/10.1080/09500690903503096>.
 8. Symons, C.S. and Johnson B.T. (1997), "The self-reference effect in memory: A meta-analysis", *Psychological Bulletin*, vol. 121, iss. 3, pp. 371–394. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.121.3.371>.
 9. Anderson, P.F., Wescom, E. and Carlos, R.C. (2016), "Difficult Doctors, Difficult Patients: Building Empathy", *Journal of the American College of Radiology*, vol. 13, iss. 12, pp. 1590–1598. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jacr.2016.09.015>.
 10. McNicol, S. (2014), "Humanising illness: presenting health information in educational comics", *Medical Humanities*, vol. 40, iss. 1, pp. 49–55. DOI: <http://dx.doi.org/10.1136/medhum-2013-010469>.
 11. Wang, J.L., Acevedo, N. and Sadler, G.R. (2018), "Using Comics to Promote Colorectal Cancer Screening in the Asian American and Pacific Islander Communities", *Journal of Cancer Education*, vol. 33, iss. 6, pp. 1263–1269. DOI: [10.1007/s13187-017-1241-4](https://doi.org/10.1007/s13187-017-1241-4).
 12. Grushevskaya, V.Yu. (2017), "Application of the method of digital storytelling in project activities of students", *Pedagogical Education in Russia*, no. 6, pp. 38–44.
 13. Reznikova, A.I. (2015), "Application of comics for French language teaching and formation of intercultural competence", *Discussion*, no. 5 (57), pp. 159–164.
 14. Arkhipova, L.M. (2012), "Comics as an Innovative Method to Activate the Cognitive Sphere of Pupils with Mental Development Delay in the Course of History Training", *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, vol. II, no. 4, pp. 106–110.

15. Onkovich, G. and Onkovich, A. (2016), "Komics as a means of media education", *Media Education*, no. 2, pp. 52–60.
16. Christiansen, J. (2018), *Visualizing Science: Illustration and Beyond*, available at: <https://blogs.scientificamerican.com/sa-visual/visualizing-science-illustration-and-beyond/> (accessed 16.05.2020).
17. Fuchs, Chr. (2014), *Social Media: A Critical Introduction*, Sage, London, UK. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781446270066>.
18. @Sci_Art, *Twitter*, available at: https://twitter.com/sci_art (accessed 24.05.2020).
19. Goldsmith, A. (2018), "The SciArt Movement: Why Facebook, MIT And Autodesk Use Art To Drive Innovation", *Forbes*, available at: <https://www.forbes.com/sites/andrewgoldsmith/2018/07/23/the-sciart-movement-why-facebook-mit-and-autodesk-use-art-to-drive-innovation/#4a7c30b03911> (accessed 24.05.2020).
20. "Art of now" (2019), *BBC*, available at: <https://www.bbc.co.uk/sounds/play/m0002rkb> (accessed 24.05.2020).
21. Wiggins, B.E and Bret, G. (2014), "Memes as genre: A structurational analysis of the memescape", *New Media & Society*, vol. 17, iss. 11, pp. 1886–1906. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444814535194>.
22. Jenkins, H., Purushotma, R., Weigel, M., Clinton, K. and Robison, A. (2019), *Confronting the challenges of participatory culture: Media education for the 21st century*, MIT Press, Cambridge, USA, available at: https://www.macfound.org/media/article_pdfs/JENKINS_WHITE_PAPER.PDF (acessed 24.05.2020).

Information about the author.

Dmitry K. Lisovsky – Master (2020), Illustrator. The author of 2 scientific publications. Area of expertise: scientific communication, scientific illustration, journalism. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8336-8286>. E-mail: d011096@yandex.ru

Стратегии создания образа изобретателя в научно-популярном дискурсе

О. В. Рамантова[✉], Н. В. Степанова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

[✉]ms.ramantova@mail.ru

Введение. Настоящее исследование посвящено выявлению специфики языковой презентации образа изобретателя в англоязычном научно-популярном дискурсе и содержит описание механизмов использования стратегии создания имиджа и стратегии солидаризации. Актуальность статьи обусловлена всевозрастающим интересом общественности к научным знаниям в эпоху технического прогресса и общим развитием научно-популярного направления, а очевидная значимость человеческого фактора в презентации изобретения именно с позиции его создателя указывает не только на возможность неоднозначной интерпретации научной новести, но и определяет общую антропоцентричность медийных материалов данной направленности. Анализируя языковые способы представления научно-технических достижений в тексте и общие стратегии создания образа ученого, авторы статьи таким образом выявляют типичные медийные характеристики современного изобретателя. Особое внимание авторы акцентируют на таких интегративных характеристиках научно-популярного дискурса, как авторитетность и состязательность.

Методология и источники. Исследование проводилось на материале англоязычных научно-популярных интернет-изданий технического профиля – Popular Mechanics, Mit News Education, Science Daily, Interesting Engineering, SciTechDaily. Для отбора текстов применялся метод сплошной выборки, который позволил представить наиболее типичные и вместе с тем интересные случаи презентации изобретения и самопрезентации изобретателя. Работа выполнена в рамках дискурсивного подхода. Основная методология исследования языковой специфики актуализации стратегии создания имиджа и стратегии солидаризации включала в себя метод семантического анализа, метод семантико-стилистического анализа, элементы коммуникативно-прагматического метода.

Результаты и обсуждение. Стратегия формирования имиджа и стратегия солидаризации актуализируются в научно-популярном дискурсе на лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях и предполагают обращение к стилистическим приемам. Каждая из вышеупомянутых стратегий соответствует одному из двух типов научно-популярных текстов об открытиях и изобретениях. В первом случае речь идет о самопрезентации изобретателя, которая имеет свою языковую специфику. Во втором случае представление изобретения, дополненное комментариями о его создателе, осуществляется научной общественностью и носит преимущественно профессионально оценивающий характер, что также выражено на уровне языка и до-

© Рамантова О. В., Степанова Н. В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



ступно изучению. Важным результатом проведенного исследования стал вывод о многогиности медийного образа современного изобретателя, что позволяет говорить о тенденции формирования реалистичного образа ученого.

Заключение. Изучение специфики языкового представления изобретателя дает возможность понимания глубокой антропоцентрической природы самого изобретения, поскольку последнее неотделимо от изобретателя, являясь результатом его научной деятельности и профессиональных амбиций, а также условием личностного роста. Методология проведенного анализа может быть применима не только к дальнейшим исследованиям статуса ученого, но и к подобным исследованиям на материале другого профиля для анализа языковой презентации создающего субъекта во взаимосвязи с его произведением.

Ключевые слова: антропоцентризм научно-популярного текста, научно-популярный дискурс, образ изобретателя, стратегия создания имиджа, стратегия солидаризации, эгоцентризм.

Для цитирования: Раманова О. В., Степанова Н. В. Стратегии создания образа изобретателя в научно-популярном дискурсе // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 4. С. 106–120. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-106-120

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 29.04.2020; принята после рецензирования 25.05.2020; опубликована онлайн 26.10.2020

Strategies of Creating the Inventor's Image in Popular Science Discourse

Olga V. Ramantova[✉], Natalia V. Stepanova

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

[✉]ms.ramantova@mail.ru

Introduction. The present paper aims at revealing and describing the linguistic means of creating the inventor's image in the English language science popular discourse. The study also describes the use of image creation strategy and solidarity strategy. The relevance of the research is defined, firstly, by unconditional and ever-increasing public interest in scientific knowledge in the era of technological progress. Secondly, regarding the obvious importance of the human factor in the presentation of an invention from the creator's point of view makes it possible for the mass reader to interpret the science news in various ways and see the modern inventor's most typical features. Thus, analyzing the specific representation of the invention in popular science media texts the authors offer their own original conception of a modern innovator, which defines the novelty of the study. Special attention is focused on credibility and competitive nature of science popular discourse which are its integrative features.

Methodology and sources. The research is based on the English language science-popular media texts – Popular Mechanics, Mit News Education, Science Daily, Interesting Engineering, SciTechDaily. For the selection of technically-focused media texts the continuously sampling method was used. The general methodology of studying image creation strategy and solidarity strategy also includes the method of semantic analysis, the method of semantic-stylistic analysis, elements of communicative-pragmatic analysis and the method of contextual analysis.

Results and discussion. Image creation strategy and solidarity strategy are implemented in science popular discourse mainly on lexical and syntactic levels and imply the use of stylistic devices. Each of the strategies mentioned above matches a certain type of science

popularized texts about inventions and discoveries. The first type is about the self-presentation of the innovator, and has its own linguistic features. The second type includes the description of an invention from the position of scientific community. The significant result of the study is the conclusion about the diverse nature of the inventor's media image.

Conclusion. The study of the linguistic specific of the inventor's image allows a deeper understanding of the anthropocentric nature of an invention itself. The last one is inseparable from its creator being the result of scientific activity and professional ambitions, as well as the personal growth condition. The chosen methodology can be applied for further research and to similar studies of the creator and his creation based on texts of different profile

Key words: anthropocentrism, image creation strategy, inventor's image, science popular discourse, solidarity strategy, strategy of self-presentation.

For citation: Ramantova O. V., Stepanova N. V. Strategies of Creating the Inventor's Image in Popular Science Discourse. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 106–120. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-106-120 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 29.04.2020; adopted after review 25.05.2020; published online 26.10.2020

Введение. Научно-популярная сфера коммуникации в настоящее время претерпевает положительные изменения, и это обусловлено рядом причин. Речь идет, прежде всего, о «развитии научной картины мира, необходимости распространения наиболее важных научных открытий в научной и оклонаучной среде, глобализации современного общества и формировании мировоззрения человека, способного найти свое место в жизни в эру высоких технологий» [1, с. 51]. Не вызывает сомнения и тот факт, что ведущее место в этом глобальном процессе принадлежит научно-популярным медиаисточникам как основному посреднику в получении качественных знаний.

Среди всех возможностей медиапространства по-прежнему наиболее доступными и вместе с тем достаточно исчерпывающими являются научно-популярные тексты, направленные на ознакомление массового читателя разного уровня подготовленности с новейшими достижениями в научном мире и таким образом выполняющие информационную функцию. Тем не менее, вслед за А. А. Симон, целесообразно говорить и об особой идеологической функции в том смысле, что «в современной ситуации идеологическая компонента научно-популярного текста определяется установкой на создание комплексного позитивного образа науки как сферы деятельности. И здесь ключевая роль может отводиться “очеловечиванию” науки» [2, с. 246]. Действительно, в настоящее время сохраняется тенденция к укреплению именно личностного начала в научном мире, в целом, и в процессе популяризации науки и формирования отношения к ней, в частности, что, в свою очередь, доступно анализу на материале языка научно-популярных медиатекстов и составляет основную цель данной работы. Особый интерес на сегодняшний день представляет исследование образа ученого в обществе, который менялся в разные периоды развития научного знания в зависимости от преобладания тех или иных общественных приоритетов.

Таким образом, изучение специфики присутствия субъекта науки в информационном пространстве современного человека представляет определенный интерес и обуславливает исследование особенностей проявления антропоцентризма в научно-популярной коммуни-

кации. Одним из примеров безусловной актуализации антропоцентризма по праву можно считать научно-популярные медиатексты об изобретениях. Антропоцентричность изобретения заключается в причине его создания (которая имеет далеко не всегда коммерческую подоплеку), в его назначении и проявляется, в первую очередь, в его презентации изобретателем, поскольку именно на продукт своей творческой и научной мысли ученый проецирует собственное восприятие научной проблемы. Другими словами, *языковая презентация изобретения неизбежно сопряжена с оценкой и самооценкой его создателя, и, следовательно, раскрывает и образ самого исследователя, и антропоцентристическую природу научных достижений.*

Применительно к научно-популярному дискурсу можно говорить об общей объясняющей коммуникативной стратегии и информирующей стратегии, поскольку «объяснение в принципе типично для научной речи», а информирование соответствует основной целевой установке подобных изданий [3, 4]. Однако содержание научно-популярных текстов, как это было отмечено ранее, не сводится только лишь к презентации специальных знаний. В данном типе дискурса находят отражение профессиональная идентичность исследователя и его личные качества. Самопрезентация исследователя осуществляется посредством реализации стратегии формирования имиджа и использования характерных речевых маркеров. Специфику взаимодействия с другими членами научного сообщества позволяет проследить преимущественно стратегия солидаризации [5].

Методология и источники. Материалом исследования послужили научно-популярные статьи технического профиля на английском языке, опубликованные в следующих авторитетных научно-популярных интернет-изданиях: Popular Mechanics (<https://www.popularmechanics.com>); MIT News (<http://news.mit.edu>); Science Daily (<https://www.sciencedaily.com>); Interesting Engineering (<http://www.interestingengineering.com>); SciTechDaily (<http://www.scitechdaily.com>). Состав авторов статей многонационален. Тематика охватывает рубрики: technology (технологии), research (исследования), science (наука), gadgets (гаджеты), gear (механизмы), design (дизайн), infrastructure (инфраструктура), robotics (робототехника). Основным критерием отбора научно-популярных текстов, который осуществлялся методом сплошной выборки, является их принадлежность к изданиям научной направленности и их содержание, включающее техническое описание изобретений и мнение об изобретателе или его собственную интерпретацию научного события.

Отобранные научно-популярные тексты интерпретировались при помощи метода лингвистического описания. Тем не менее для многоаспектного анализа было целесообразно обратиться к разным исследовательским методикам. Для установления лексических значений и лексической сочетаемости в ситуации научной презентации и самопрезентации был применен метод лексико-семантического анализа; для выявления языковых способов актуализации оценки и экспрессии, составляющих неотъемлемую часть информационного пространства научно-популярного дискурса, и описания стилистических средств выражения применяемых стратегий использовался метод семантико-стилистического анализа. С целью выявления эксплицитных языковых показателей субъективной модальности использовались элементы формально-семантического метода, а также коммуникативно-прагматического метода – для анализа имплицитной информации и некоторых приемов речевого воздействия на реципиента научной новости.

Результаты и обсуждение. Особую значимость в рамках научно-популярной статьи приобретает образ исследователя (изобретателя, ученого) и его диалог с членами научного сообщества. К основным результатам проведенного анализа следует отнести вывод о применении стратегии формирования имиджа (самопрезентации) и стратегии солидаризации в создании образа современного изобретателя, которые, в свою очередь, актуализируются в языке определенными тактиками и языковыми средствами. Основная идея стратегии формирования имиджа состоит в попытке изобретателя преподнести значимую информацию о себе и собственных достижениях, сконструировав в глазах массового читателя образ успешного ученого, совершившего ряд значимых разработок. С целью продемонстрировать научную авторитетность, а значит, и высокий уровень изобретения, исследователь неизбежно прибегает к тактике положительной оценки собственных заслуг. С одной стороны, он оценивает результаты своей научной деятельности, а с другой – представляет и положительным образом характеризует свое изобретение. При этом немаловажно соблюсти трудовую этику и выразить признательность к коллегам, упоминая об их достижениях или делая акцент на собственных промахах – здесь вступает в силу стратегия солидаризации. Стратегия формирования имиджа и стратегия солидаризации актуализируются в научно-популярном дискурсе на разных языковых уровнях, а также подразумевают обращение к некоторым стилистическим приемам.

Лексико-грамматические средства. Языковые средства, используемые в рамках стратегии формирования имиджа (самопрезентации) и стратегии солидаризации в той или иной степени выражают ценностные ориентиры современного ученого. В ситуации самопрезентации изобретатель не исключает себя из ситуации восприятия и постоянно апеллирует к собственным ощущениям и эмоциям. В случае актуализации *стратегии самопрезентации* преобладают такие значения, как «профессиональный уровень», «увлеченность», «ответственность», «трудолюбие», «терпение», «открытость», «смелость» и «критическое мышление», которые в свою очередь могут быть представлены разными языковыми способами – преимущественно субстантивными средствами, глагольными лексемами и именами прилагательными.

Стратегия самопрезентации предполагает применение ряда тактик. Так, например, тактика описания новизны изобретения представлена во многих публикациях, при этом исследователь может делать акцент именно на перспективности научного достижения (*significant, cutting-edge*): «...we were interested in trying to bring a new chemistry to bear on the problem...» [6]. Эта же тактика может быть имплементирована иначе – с помощью неопределенного местоимения-существительного *nothing*: «Until now, there was *nothing like this available* for drug discovery and development...» [7].

В некоторых случаях исследователь может подчеркивать превосходство своего изобретения перед другими разработками: «This is the *first* vaccine study that shows... our vaccine *offers an advantage over* other vaccines in development...» [8]. Предваряя вывод о наиболее распространенной коммуникативной интенции в научно-популярных текстах, следует особенно отметить в этом контексте конструирование авторитетности. В следующей реплике ученого представлен еще один способ указания на уникальность изобретения, при этом говорящий подчеркивает особенно высокий, ранее не достижимый уровень научного достижения в области мониторинга процессов: «...the PATsule represents a new

concept in process monitoring as it enables the measurement of critical process parameters in both time and space, which was not previously possible...» [7].

Тактика помощи и вера в науку реализуется посредством модальных глаголов в сочетании с глаголами, ориентированными на будущее время (*envision*, *foresee*, *predict*), и атрибутивных существительных: «*We envision this IBFD operation within a phased-array system as a novel paradigm that may lead to significant performance improvements for next-generation wireless systems...*» [9]. Определенную степень смелости, которой должен обладать настоящий ученый, демонстрируют реплики типа «*I believe that we are at the beginning of establishing a truly transformative technology ...*» [7]. Оценочные имена прилагательные, передающие яркие эмоции в сочетании с модальными глаголами транслируют скромность ученого и глубокую заинтересованность в исследовании. Наиболее частотным средством в этом смысле является причастие *excited*: «*We don't know which is better for applications yet... so we're excited to think we may have found something that's different ... That's exciting because the amine commonly used in CO₂ capture can then perform two critical functions*» [6].

Тактика скромности и преуменьшения собственных заслуг широко представлена в текстах об изобретениях и существует в реализации стратегии создания имиджа автора изобретения. При этом образ изобретателя может быть противопоставлен образу Другого (коллеги, известного ученого), портрет которого обрисован через тактику восхваления, как, например, в следующем случае: «*I never imagined I would be seeing my name in a list with the distinguished colleagues and friends that got this award earlier...*» [10]. Дискурсивная практика создания имиджа добросовестного исследователя применяется в следующей модели и выражает поощрение молодых исследователей в их стремлении к открытиям в области физики и исследований квантовых материалов: «*I feel truly humbled, both by the recognition and the early stage at which it has come... I also hope this prize will help encourage young people to pursue careers in physics and quantum materials research...*» [10]. Интересно отметить, что во многих интернет-изданиях доминирует представление об ученом как о скромном человеке, с иронией относящимся к собственным достижениям. Следовательно, уже на уровне научного издания можно говорить о принципиальной позиции научного сообщества по отношению к современному ученому и его профессиональным приоритетам и личным качествам. Иногда всего в одной реплике исследователь неоднократно и даже нарочито подчеркивает собственную более, чем просто скромную, позицию в оценке своих же профессиональных заслуг. В следующем контексте ученый, предложивший собственную концепцию компактного термоядерного реактора, выбрал тактику красноречивого и деликатного уточнения: «*The fact that my work on the design of a Compact Fusion Reactor was accepted for publication in such a prestigious journal as IEEE TPS, should speak volumes as to its importance and credibility - and should eliminate (or at least alleviate) all misconceptions you (or any other person) may have in regard to the veracity (or possibility) of my advanced physics concepts...*» [11].

Особое значение в ситуации самопрезентации приобретает тактика благодарности, актуализируемая в языке следующими типичными репликами ученого-эксперта, награжденного престижной ежегодной премией Лемельсона для изобретателей за достижения в области образовательных технологий: «*I am incredibly honored and grateful to receive the Lemelson-MIT Prize... Earning this prize is a great testament to the work that the entire Duo-*

lingo team does in creating technology that's made education free and accessible to millions of people worldwide...» [12].

Важное значение безусловно имеет конструирование авторитетности. Данная интенция всегда выражается через описание изобретения, поскольку успех научного достижения во многом зависит от образа эксперта, формируемого самим ученым, от его способности к критическому мышлению и смелости предложить альтернативное научное решение и обосновать практическую пользу собственного исследования. При демонстрации технических характеристик своего устройства авторы могут обращаться к недостаткам других, уже существующих разработок, как, например, в презентации гибридного бионического сердца: «... The new device could *realistically* represent what happens in a real heart, *to reduce the amount of animal testing or iterate the design more quickly...*» [13]. При этом проявляется еще одна характеристика научно-популярного дискурса – состязательность – которая эксплицируется в оборотах типа *we like to start with the hard challenges*: «The left ventricle is the harder one to recreate given its higher operating pressures, and we like to start with the hard challenges...» [13].

В презентации медицинских изобретений ученые подчеркивают глобальное значение своего научного продукта, как, например, в описании биоробота, выполняющего функции сердечной мышцы и являющегося настоящей победой в сфере медицинских и биологических технологий: «Imagine that a patient before cardiac device implantation could have their heart scanned, and then clinicians could tune the device to perform optimally in the patient well before the surgery ... with further tissue engineering, we could potentially see the biorobotic hybrid heart be used as an artificial heart – *a very needed potential solution given the global heart failure epidemic where millions of people are at the mercy of a competitive heart transplant list...*» [14].

Аналогичный способ экспликации в языке авторитетности и состязательности представлен в презентации исследователем разработанной им вакцины на фоне ситуации разрушительного действия вируса Zika: «*Zika virus is extremely detrimental if you're pregnant and there has been no therapy or vaccine available to date. If we can progress this work and immunise women who are of reproductive age and most at risk, we can stop the devastating effects of Zika infection in pregnancy and make a huge difference to the health of the global community...*» [8].

В реплике изобретателя может быть использован целый кластер лексико-грамматических средств, реализующих тактику демонстрации авторитетности и состязательности в концепции оригинальных, высокоэффективных и иногда действительно спасительных солнечных питательных элементов: «*We are producing higher-efficiency, lower-cost solar cells that show great promise to help solve the world energy crisis... The meaningful work will help protect our planet for our children and future generations. We have a problem consuming most of the fossil energies right now, and our collaborative team is focused on refining our innovative way to clean up the mess...*» [15].

Проанализированный материал показал, что указание на фундаментальность научного достижения регулярно включается в речь ученого и, следовательно, отражает один из обязательных параметров современной научной деятельности, а именно высокую перспективность исследований: «*It feels really great to achieve a fundamental scientific discovery that*

has real practical applications ...» [16]. В следующем контексте автор подчеркивает практическую ценность результатов работы лаборатории, отсылая читателя к жизнеобеспечивающей функции их разработок: «My lab focuses on solving *real-life problems* through our technology...» [17].

Еще одной тактикой, применяемой в рамках стратегии самопрезентации, является тактика описания цели (или плана) дальнейших исследований. В этом случае в речи ученого используются значения *the next steps*, *the goal*, *the purpose*, которыми говорящий не только подкрепляет авторитетность научной заявки и понимание сопутствующих исследованию проблем, но и выражает преданность своему делу и готовность брать на себя обязательства перед общественностью: «*The next steps* are to advance the vaccine to being ready for Phase I human clinical trials... *The goal* is to de-risk and create an attractive technology with a strong IP position, for licensing or co-development with a commercial partner...» [8]. Тактика объединения с другими членами научного сообщества и признания их заслуг реализуется, главным образом, посредством личного местоимения первого лица *we* и соответствующего ему притяжательного местоимения *our*. Так, например, изобретатель неоднократно подчеркивает общую заслугу исследователей в разработке сенсорных устройств: «*We have been able to take advantage of steep price drops in components used for telecommunications and medical imaging... We were able to build a sensor with relatively inexpensive components, yet it is sensitive, reliable and can operate in a variety of environments...*» [17].

Безусловный интерес в рамках анализа научно-популярных медиатекстов об изобретениях представляют заголовки, с которых начинается научная самопрезентация и в которых ученый апеллирует в большей мере к эмоциональной составляющей научной жизни, т. е. к собственным ощущениям, переживаниям и трудностям, с которыми ему пришлось столкнуться или благодаря которым стали возможны достижения и научные открытия. Аттрактивные заголовки с выраженной коммуникативной направленностью, действительно, стали характерной чертой современности [18]. Так, например, автор не боится признаться читателю в неожиданном озарении и вдохновлении на изобретение портативного бассейна, не простом пути к долгожданному патенту, изобретении спасительной розетки и даже выражает особую гордость за признание значимости своего изобретения на уровне медицинской и космической промышленности: «*My Job at Coachella Inspired Me to Invent a Portable Swimming Pool*» [19]; «*Why It Took Me 30 Years To Patent My Idea*» [20]; «*I Invented a Socket That Could Save My Life*» [21]; «*Why my invention went to work in Medicine, Aerospace, and the CIA*» [22]. Интересно отметить, что аттрактивные заголовки характерны, в первую очередь, именно для ситуации самопрезентации изобретателя в медиапространстве.

Стратегия солидаризации относится к стратегиям кооперативного речевого поведения и тоже актуализируется в научно-популярных медиатекстах рядом тактик. Иначе говоря, она «нацелена на установление взаимодействия коммуникантов и ведет к их психологическому сближению» [23]. В случае презентации изобретения или новой технологии в медиапространстве средой взаимодействия членов научного сообщества становится научно-популярный текст, в котором и происходит их опосредованная коммуникация. Необходимо отметить, что тексты этого типа в отличие от ситуации самопрезентации, менее эмоциональны и характеризуются менее демократичным стилем изложения.

Наиболее распространенной тактикой, имплементирующей стратегию солидаризации, является тактика положительного комментария, которая может актуализироваться в языке

разными способами. Так, например, в следующем контексте в комментарии подчеркивается именно уникальность нового антенного устройства, а значит и высокий уровень профессионализма его изобретателей: «The IBFD systems developed so far are limited in the range they can achieve and the number of devices they can accommodate because they rely on antennas that radiate omnidirectionally. Recently, Lincoln Laboratory researchers have demonstrated IBFD technology that *for the first time* can operate on phased-array antennas...» [9].

Тактика обращения к профессиональным заслугам ученых зачастую выражается в номинациях наград, как, например, в следующем случае через семантику лексической единицы *top*: «MIT professor of biological engineering James Collins and professors of physics Pablo Jarillo-Herrero and Richard Milner *have been awarded top prizes* from the American Physical Society...» [10]. Тактика упоминания других ученых, удостоенных этой же высокой награды, безусловно указывает на высокое академическое признание исследователя или группы исследователей и их результатов и одновременно является данью уважения к их предшественникам, а конкретизация числа ранее награжденных указывает на исключительность и избранность нового лауреата премии: «The Buckley Prize recognizes outstanding theoretical or experimental contributions to condensed matter physics, and includes a \$20,000 award. *Ten other MIT physicists have received this award*, including Xiaogang-Wen (2017), Jagadeesh Moodera, Paul Tedrow and Robert Mersevey (2009), and Mildred Dresselhaus (2008) ...» [10].

Еще одним типичным языковым способом, раскрывающим профессионализм и уникальность человеческих творческих ресурсов, являются субстантивные номинации *pioneer*, *winner*. В следующем случае речь идет о награждении известного исследователя Лу фон Ах за разработку в области систем кибербезопасности: «Luis von Ahn, Carnegie Mellon University consulting professor and CEO of Duolingo, has just been announced as the winner of the 2018 \$500,000 Lemelson-MIT Prize for invention. *Von Ahn has been a pioneer in cybersecurity as a co-inventor of CAPTCHA and reCAPTCHA...*» [12]. При актуализации тактики апеллирования к личным качествам ученого речь идет, как правило, о преданности и целеустремленности в исследовании, без которых невозможно достичь профессионального успеха. Таким образом, в комментарии выделены личные качества, которые коррелируют именно с трудовой деятельностью и являются условием продвижения к результату: «*Von Ahn's dedication to improving the world through technology, as well as his commitment to mentorship and education, earned him the Lemelson-MIT Prize*» [12]. Тактика проявления абсолютной симпатии нередко применяется в прямой речи членов научного сообщества, как, например, в следующем эмоциональном признании руководителя благотворительного фонда Лемельсона по поводу награждения изобретателя: «*We are excited to recognize Luis for his significant contribution to solving modern challenges such as cyber-security and global migration*, said Carol Dahl, executive director of The Lemelson Foundation» [12].

Синтаксико-стилистические средства. Что касается синтаксиса научно-популярных текстов об изобретениях, в них превалируют повторы, риторические вопросы, восклицания, парцелляция и эллипсис. Перечисленные приемы в свою очередь выполняют стилистические функции и поэтому в определенном контексте могут расцениваться как фигуры речи. В имплементации стратегии самопрезентации, в частности в автобиографических публикациях, задействованы вопросительные реплики, в особенности риторические вопросы, выражющие неуверенность и вместе с тем добросовестность и честность в иссле-

довательской деятельности: «Finally, I told the attorney, you know what?» [24]; «I was like, okay, how do I top myself next year?» [19]; «Maybe if I invent a rearview mirror?» [20]; «So I tried to change the deal, okay?» [21]; «It was like, Now what do I do?» [11]. Эти же смыслы передаются и в эмоциональных репликах изобретателя следующего типа: «My kids are like, Dad, you're an inventor! And I'm like, Yeah, yeah I am!» [25]. В некоторых случаях с помощью парцелляции изобретатель выражает уверенность в будущем изобретения: «I'm sure it's on its way. Like everything else, it takes time...» [20].

Другим выявленным синтаксическим приемом является парцелляция, которая фигурирует в основном в статьях автобиографического профиля: «This will be the last time. I'm completely out of money» [24]; «Very unexpected. I made a tool ...» [25]. Таким образом, автор изобретения акцентирует внимание на процессе создания, а не на результате, демонстрируя читателю другую, не менее важную и интересную сторону изобретения.

В следующем контексте в коротких репликах автор сравнивает себя со своим гениальным братом, что можно интерпретировать одновременно как тактику скромности и тактику создания авторитетности: «My older brother has *a genius IQ*. He's like 168 or so. *I'm just normal*. He's the one who talked me into trying college. When I started, I didn't stop until I had my doctorate. I'll stick to something if it seems worthwhile. I got my doctorate in education, specializing in aviation, and I worked for a while on electric vehicles. I taught at California State University, Fresno...» [21].

При исследовании стратегии формирования имиджа в ситуации самопрезентации был выявлен синтаксический параллелизм, который позволяет ученому в доступной форме и поэтому реалистично описать события своей жизни, а также продемонстрировать упорство и целеустремленность: «I was a teacher for ten years at the James Rumsey Technical Institute in Martinsburg, West Virginia. I taught materials, distribution, and warehousing. I hired a student from the graphic-design program. I hired a student from the robotics program to build the remote control. And then I hired a graduate from the welding program...» [24]. В речи ученого о своей деятельности неоднократно используется эллипсис, за счет которого усиливается эмоциональная составляющая контекста: «Sued me. Cease-and-desist. It took me five years to beat them in court. But then two years later they changed the rules with the utilities commission to say I couldn't mark up the power I was buying from them. By the time I got the patent, it was too late...» [21].

Среди тропов, используемых в имплементации стратегии формирования имиджа ученого, превалирует сравнение. В следующем случае производится сопоставление нанотехнологий и робототехники с более простыми и понятными для восприятия транзисторами и компьютерами: «[But] if you want a micro robot, you need nanoscale parts. Just as the birth of the transistor gave rise to all the computational systems we have now,» he said, «the birth of simple, nanoscale mechanical and electronic elements is going to give birth to a robotics technology at the microscopic scale of less than 100 microns» [10]. Еще один троп, участвующий в формировании образа исследователя, – это ирония: «I think I'm being smart» [21].

Среди синтактико-стилистических средств, используемых в презентации изобретения третьим лицом, прием парцелляции является достаточно распространенным и применяется, в основном, в описании достоинств научной разработки, как это видно в следующем комментарии, посвященном изобретению уникального гибкого робота, способного осу-

ществлять сложные движения в разных направлениях: «Researchers haven't been able to perfect a robot that can pick up a box dropped behind a shelf... *That is, until now.* Engineers at the Massshuttets Institute of Technology created a robot that is flexible enough to twist and turn and at the same time strong enough to haul heavy loads of boxes or supplies and provide enough force to assemble parts in spaces that are more confined...» [26].

Согласно результатам исследования стратегия формирования имиджа изобретателя реализуется посредством множества тактик. Основными являются следующие тактики:

- описания новизны изобретения;
- описания уникальности изобретения;
- описания практической пользы изобретения;
- выражения благодарности;
- демонстрации скромности;
- помощи;
- постановки цели;
- восхваления (коллег);
- объединения (с коллегами);
- дискредитации (существующих изобретений).

Для научно-популярного дискурса характерно объединение нескольких тактик для усиления прагматического потенциала используемых языковых средств. Что касается стратегии солидаризации, она реализуется преимущественно тактиками положительного комментирования и описания уникальности изобретения. В качестве особого наблюдения целесообразно отметить *многогликий* образ современного изобретателя. Речь идет о таких образах, как *образ коллективного изобретателя* или *образ самостоятельного исследователя, образ изобретателя-новатора как источника нестандартного мышления, образ изобретателя – учителя и вдохновителя, образ успешного изобретателя* и в противовес ему *образ ученого, изобретение которого не принесло ему должной славы и академического признания, образ гордого исследователя* и, напротив, *образ скромного изобретателя*. Такое многообразие ипостасей современного ученого безусловно указывает на тенденцию к реалистичному изображению науки.

Заключение. Анализируя выбор языковых средств в описании изобретения и комментариях изобретателя или комментариях о нем, становится возможным не только говорить об общем положительном или негативном впечатлении о личности современного исследователя, но и расширить собственное представление о научной проблеме и лучше понимать причинно-следственные отношения и процессы внутри научного мира, что на сегодняшний день неосуществимо без участия первоисточника научных разработок, которым является человек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Егорова Л. А. Цели и тенденции развития современного научно-популярного дискурса // Вестн. РУДН. Сер.: Лингвистика. 2008. № 3. С. 51–55.
2. Симон А. А. Наука «с человеческим лицом» (об антропоцентризме в научно-популярном медиатексте) // Вестн. РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2012. С. 246–255.
3. Календр А. А. Объяснение в популярно-медицинском дискурсе // Изв. Волгоградского гос. пед. ун-та. Филологические науки. 2016. № 3 (107). С. 140–147.

4. Воронцова Т. А. Стратегии и тактики презентации специальных знаний в научно-популярном дискурсе // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2013. № 37 (328), вып. 86. Филология. Искусствоведение. С. 26–29.
5. Багиан А. Ю., Нерсесян Г. Р. Дискурсивные маркеры профессиональной идентичности (на материале английского научно-академического дискурса) // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2019. Т. 12, № 7. С. 167–170. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.35>.
6. Stauffer N. W. Removing carbon dioxide from power plant exhaust // MIT News. 2019. URL: <http://news.mit.edu/2019/removing-co2-from-power-plant-exhaust-0729> (дата обращения: 03.02.2020).
7. Invention could revolutionize production of future medicine. 2015. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2015/10/151019123748.htm> (дата обращения: 03.02.2020).
8. Breakthrough in Zika virus vaccine. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2019/12/191213115442.htm> (дата обращения: 03.02.2020).
9. Ryan D. Antenna system developed at Lincoln laboratory aims to improve wireless communications // MIT News. 2019. URL: <http://news.mit.edu/2019/novel-antenna-system-aims-improve-wireless-communications-1021> (дата обращения: 03.02.2020).
10. Miller S. American Physical Society honors three MIT professors for physics research // MIT News. 2019. URL: <http://news.mit.edu/2019/aps-honors-three-mit-professors-physics-research-1024> (дата обращения: 03.02.2020).
11. Mizokami K. At last, the Guy Behind the Navy's Wild UFO Patents Speaks. 2020. URL: <https://www.popularmechanics.com/military/research/a30645682/navy-ufo-patents-compact-fusion-reactor-inventor> (дата обращения: 03.02.2020).
12. Martinovich S. Luis von Ahn awarded \$500,000 Lemelson-MIT Prize // MIT News. 2018. URL: <http://news.mit.edu/2018/luis-von-ahn-awarded-lemelson-mit-prize-invention-0912> (дата обращения: 03.02.2020).
13. MIT Bionic 'Heart' Made of Heart Tissue and a Robotic Pumping System Beats Like the Real Thing. 2020. URL: <https://scitedaily.com/mit-bionic-heart-made-of-heart-tissue-and-a-robotic-pumping-system-beats-like-the-real-thing> (дата обращения: 28.04.2020).
14. Chu Je. Engineers design bionic «heart» for testing prosthetic valves, other cardiac devices. MIT News. 2020. URL: <http://news.mit.edu/2020/bionic-heart-prosthetic-valve-cardiac-0129> (дата обращения: 03.02.2020).
15. Plastic gets a do-over: Breakthrough discovery recycles plastic from the inside out. 2019. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2019/05/190507110452.htm> (дата обращения: 03.02.2020).
16. Quantum tech: New invention revolutionizes heat transport. 2016. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2016/02/160201123047.htm> (дата обращения: 03.02.2020).
17. Oxygen sensor invention could benefit fisheries to breweries. 2011. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2011/04/110404142811.htm> (дата обращения: 03.02.2020).
18. Фilonенко Т. А. Аттрактивные заголовки в научной речи // Изв. Самарского науч. центра РАН. 2008. Т. 10, № 6–2. С. 290–296.
19. Ch. Lisk. My Job at Coachella Inspired Me to Invent a Portable Swimming Pool // Popular Mechanics. 2018. URL: <https://www.popularmechanics.com/technology/a22824577/self-contained-swimming-pool-patent> (дата обращения: 03.02.2020).
20. Artruc R. Why It Took Me 30 Years To Patent My Idea // Popular Mechanics. 2019. URL: <https://www.popularmechanics.com/technology/gadgets/a27309640/my-patent-story-rowing-gear> (дата обращения: 03.02.2020).
21. Dupzyk K. My Patent Story: A Smarter Electrical Metering System Than the Utilities Had // Popular Mechanics. 2019. URL: <https://www.popularmechanics.com/technology/infrastructure/a26016339/patent-electric-metering-system> (дата обращения: 03.02.2020).

22. Adrian S. Why my invention went to work in Medicine, Aerospace, and the CIA // Popular Mechanics. 2019. URL: <https://www.popularmechanics.com/technology/design/a28239759/my-patent-story-machinist-tool> (дата обращения: 03.02.2020).
23. Гусейханова З. С., Султанов К. Г. Типы компенсирующих стратегий в британском парламентском дискурсе // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16626> (дата обращения: 28.04.2020).
24. A Disabled Veteran Inspired Me To Invent the Forklift Anyone Can Drive // Popular Mechanics. 2018. URL: <https://www.popularmechanics.com/technology/a23508606/wheelchair-accessible-forklift> (дата обращения: 03.02.2020).
25. Dupzyk K. I Invented a Socket That Could save My Life // Popular Mechanics. 2019. URL: <https://www.popularmechanics.com/technology/gear/a26454624/patent-ground-clamp-socket> (дата обращения: 03.02.2020).
26. Fuscaldo D. Engineers Develop Flexible Robot That Can Twist and Turn // Interesting Engineering. 2019. URL: <https://interestingengineering.com/engineers-develop-flexible-robot-that-can-twist-and-turn> (дата обращения: 09.02.2020).

Информация об авторах.

Рамантова Ольга Вячеславовна – кандидат филологических наук (2017), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, коммуникативная лингвистика, лексикология, теоретическая фонетика. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7235-4057>. Email: ms.ramantova@mail.ru

Степанова Наталья Валентиновна – кандидат филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 30 научных работ. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, дискурсивный анализ, медиа дискурс, теория перевода. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0920-753X>. Email: nathalie.tresjolie@icloud.com

REFERENCES

1. Egorova, L.A. (2008), "Modern trends of popular science discourse development", *Russian Journal of Linguistics*, no. 3, pp. 51–55.
2. Simon, A. (2012), "Human-faced science (about the anthropocentrism in the popular science mediatext)", *RSUH/RGGU bulletin "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, pp. 246–255.
3. Kalendr, A.A. (2016), "Explanation in the popular medical discourse", *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, no. 3 (107), pp. 140–147.
4. Vorontsova, T.A. (2013), "Strategy and tactics of special knowledge presentation in popular science discourse", *Bulletin of Chelyabinsk state university*. no. 37 (328), iss. 86, *Philology. Art history*, pp. 26–29.
5. Bagiyan, A.Yu. and Nersesyan, G.R. (2019), "Discourse Markers of Professional Identity (by the material of the English Scientific and Academic Discourse)", *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, vol. 12, iss. 7, pp. 167–170. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.35>.
6. Stauffer, N.W. (2019), "Removing carbon dioxide from power plant exhaust", *MIT News*, available at: <http://news.mit.edu/2019/removing-co2-from-power-plant-exhaust-0729> (accessed 03.02.2020).
7. *Invention could revolutionize production of future medicine* (2015), available at: <https://www.sciencedaily.com/releases/2015/10/151019123748.htm> (accessed 03.02.2020).

8. *Breakthrough in Zika virus vaccine* (2019), available at: <https://www.sciencedaily.com/releases/2019/12/191213115442.htm> (accessed 03.02.2020).
9. Ryan, D. (2019), "Antenna system developed at Lincoln laboratory aims to improve wireless communications", *MIT News*, available at: <http://news.mit.edu/2019/novel-antenna-system-aims-improve-wireless-communications-1021> (accessed 03.02.2020).
10. Miller, S. (2019), "American Physical Society honors three MIT professors for physics research", *MIT News*, available at: <http://news.mit.edu/2019/aps-honors-three-mit-professors-physics-research-1024> (accessed 03.02.2020).
11. Mizokami, K. (2020), *At last, the Guy Behind the Navy's Wild UFO Patents Speaks*, available at: <https://www.popularmechanics.com/military/research/a30645682/navy-ufo-patents-compact-fusion-reactor-inventor> (accessed 03.02.2020).
12. Martinovich, S. (2018), *Luis von Ahn awarded \$500,000 Lemelson-MIT Prize*, available at: <http://news.mit.edu/2018/luis-von-ahn-awarded-lemelson-mit-prize-invention-0912> (accessed 03.02.2020).
13. *MIT Bionic 'Heart' Made of Heart Tissue and a Robotic Pumping System Beats Like the Real Thing* (2020), available at: <https://scitedaily.com/mit-bionic-heart-made-of-heart-tissue-and-a-robotic-pumping-system-beats-like-the-real-thing> (accessed 28.04.2020).
14. Chu, Je. (2020), "Engineers design bionic "heart" for testing prosthetic valves, other cardiac devices", *MIT News*, available at: <http://news.mit.edu/2020/bionic-heart-prosthetic-valve-cardiac-0129> (accessed 03.02.2020).
15. *Plastic gets a do-over: Breakthrough discovery recycles plastic from the inside out* (2019), available at: <https://www.sciencedaily.com/releases/2019/05/190507110452.htm> (accessed 03.02.2020).
16. *Quantum tech: New invention revolutionizes heat transport* (2016), available at: <https://www.sciencedaily.com/releases/2016/02/160201123047.htm> (accessed 03.02.2020).
17. *Oxygen sensor invention could benefit fisheries to breweries* (2011), available at: <https://www.sciencedaily.com/releases/2011/04/110404142811.htm> (accessed 03.02.2020).
18. Filonenko, T.A. (2008), "Attractive Scientific Discourse Headings", *Izvestia RAS SamSC*, vol. 10, no. 6–2, pp. 290–296.
19. Lisk, Ch. (2018), "My Job at Coachella Inspired Me to Invent a Portable Swimming Pool", *Popular Mechanics*, available at: <https://www.popularmechanics.com/technology/a22824577/self-contained-swimming-pool-patent> (accessed 03.02.2020).
20. Artruc, R. (2019), "Why It Took Me 30 Years To Patent My Idea", *Popular Mechanics*, available at: <https://www.popularmechanics.com/technology/gadgets/a27309640/my-patent-story-rowing-gear> (accessed 03.02.2020).
21. Dupzyk, K. (2019), 'My Patent Story: A Smarter Electrical Metering System Than the Utilities Had', *Popular Mechanics*, available at: <https://www.popularmechanics.com/technology/infrastructure/a26016339/patent-electric-metering-system> (accessed 03.02.2020).
22. Adrian, S. (2019), "Why my invention went to work in Medicine, Aerospace, and the CIA", *Popular Mechanics*, available at: <https://www.popularmechanics.com/technology/design/a28239759/my-patent-story-machinist-tool> (accessed 03.02.2020).
23. Guseykhanova, Z.S. and Sultanov, K.G. (2014), "Compensatory Strategies in British Parliamentary Conflict Discourse", *Modern problems of science and education*, no. 6, available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16626> (accessed 28.04.2020).
24. A Disabled Veteran Inspired Me To Invent the Forklift Anyone Can Drive (2018), *Popular Mechanics*, available at: <https://www.popularmechanics.com/technology/a23508606/wheelchair-accessible-forklift> (accessed 03.02.2020).
25. Dupzyk, K. (2019), "I Invented a Socket That Could save My Life", *Popular Mechanics*, available at: <https://www.popularmechanics.com/technology/gear/a26454624/patent-ground-clamp-socket> (accessed 03.02.2020).

26. Fuscaldo, D. (2019), "Engineers Develop Flexible Robot That Can Twist and Turn", *Interesting Engineering*, available at: <https://interestingengineering.com/engineers-develop-flexible-robot-that-can-twist-and-turn> (accessed 09.02.2020).

Information about the authors.

Olga V. Ramantova – Can. Sci. (Philology) (2017), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, communicative linguistics, lexicology, theoretical phonetics. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7235-4057>. Email: ms.ramantova@mail.ru

Nataliia V. Stepanova – Can. Sci. (Philology) (2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, discourse analysis, media discourse, stylistics, translation theory. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0920-753X>. Email: nathalie.tresjolie@icloud.com

Nominative Specificity of English Marketing Terminology

Irina B. Rubert¹, Tatiana S. Rosyanova², Svetlana V. Kiselieva¹✉

¹Saint Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

²Russian Christian Humanitarian Academy, St Petersburg, Russia

✉svkiseljeva@bk.ru

Introduction. The paper deals with the concepts of a term and terminology as they considered both in classical general theory of terminology and cognitive linguistics. The field of English economic terminology provides extensive material for the terminologists to develop and clarify theoretical guidelines helping to understand the nature of scientific and professional nominations that constitute the aim of presented research. The processes of term formation viewed through the cognitive approach are considered in connection with conceptualization and categorization and help to reveal the creative nominative models of marketers as it is seen vital within an anthropocentric focus of linguistic studies.

Methodology and sources. A general theory of terminology is based upon the approach in which the nature of concepts, conceptual relations, the relationships between terms and concepts and assigning terms to concepts are of prime importance. But in fact, terminology is closely linked to an activity carried out within the field of knowledge and thus it is inseparable from its social context and its obvious applications. Methods of cognitive analysis applied for the study of terminologies are supposed to overcome contradictions of the previous century of terminology studies. English marketing terms under consideration were extracted from the professional dictionaries and handbooks. The thematic group chosen as the illustrative example is consumer terminological group.

Results and discussion. Nominative originality of marketing terminology has been revealed within the idea of continually changing specific autonomous and self-sufficient consumer models reflected in micro-systems of terms nominating and verbalizing holistic concepts of the authors. Nomination of the typical individuals (customers) by the terms discussed in the presented paper reflects deep and various psychological characteristics of individuals. As it seems, all these parameters form the foundation of the professional domain of modern markets in accordance with the existing conceptual knowledge, verbalized by terms.

Conclusion. The study is relevant since the research of conceptualization and categorization in the professional fields of knowledge seems to be an understudied area. The more interdisciplinary is the area of professional knowledge, the more integrated are specific features of terminological nomination, and the more sophisticated is the term-formation used by the experts.

Key words: term, terminology, English economic terminology, cognitive linguistics, terminological nomination.

For citation: Rubert I. B., Rosyanova T. S., Kiselieva S. V. Nominative Specificity of English Marketing Terminology. DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 121–130. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-121-130

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.06.2020; adopted after review 15.07.2020; published online 26.10.2020

© Rubert I. B., Rosyanova T. S., Kiselieva S. V., 2020



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Особенности терминологической номинации в английской терминологии маркетинга

И. Б. Руберт¹, Т. С. Росянова², С. В. Киселёва¹✉

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

²Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург, Россия

✉svkiseljeva@bk.ru

Введение. В статье рассматриваются теоретические вопросы термина и терминологии с точки зрения общей теории терминологии и когнитивного подхода. Область английской экономической терминологии предоставляет терминоведам обширный материал для исследований, чтобы углубить и уточнить теоретические постулаты, помогающие понять природу научных и профессиональных номинаций. Процесс образования терминов рассматривается с позиции когнитивного подхода в тесной связи с процессами концептуализации и категоризации, тем самым помогая выявить модели терминотворчества, используемые маркетологами, что является актуальным в связи с антропоцентрическим направлением в лингвистике.

Методология и источники. Классическое терминоведение основано на принципах, в которых природе концептов, концептуальных отношений в предметных областях, взаимоотношениям и взаимосвязям между терминами и концептами придается первостепенное значение. Кроме того, терминологии тесно связаны с профессиональной деятельностью, осуществляющейся в конкретной области специальных знаний и, следовательно, неотделимы от социального контекста и практического применения. Методы когнитивного анализа, которые используются при изучении терминов, способны преодолеть логические противоречия, накопленные в предшествующее столетие изучения терминологии. Изучаемые английские термины маркетинга извлечены методом сплошной выборки из толковых терминологических словарей и оригинальной литературы.

Результаты и обсуждение. Оригинальность номинации в терминологии маркетинга заключается в применении идеи постоянно изменяющихся автономных и самодостаточных моделей потребителей, которые выражаются в микротерминосистемах терминов, вербализующих целостные авторские концепции. Номинация типичных индивидуумов терминами, которая обсуждается в настоящей статье, основана на глубоком знании различных психологических характеристик людей. Предполагается, что все психологические параметры, вербализованные терминами, образуют основу профессиональной области современного маркетинга в соответствии с существующими концептуальными знаниями.

Заключение. Актуальность работы обусловлена тем, что изучение процессов концептуализации и категоризации в профессиональных сферах знания представляет собой недостаточно изученную область. Исследование показывает, что при ярко выраженной междисциплинарности профессиональной области возрастает специфика терминологической номинации и усложняются терминообразовательные парадигмы, используемые профессионалами.

Ключевые слова: термин, терминология, английская экономическая терминология, когнитивная лингвистика, терминологическая номинация.

Для цитирования: Руберт И. Б., Росянова Т. С., Киселёва С. В. Особенности терминологической номинации в английской терминологии маркетинга // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 4. С. 121–130. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-121-130

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной статьей, не сообщалось.

Поступила 15.06.2020; принята после рецензирования 15.07.2020; опубликована онлайн 26.10.2020

Introduction. Motivation for the study of terminology is inspired by both theoretical and practical considerations. Terminology research started systematically from 30s is seen as the necessary tool for overcoming difficulties connected with spontaneous growth of knowledge in different spheres of professional activity. Industrial society brought about the need to establish standards in technology and terminology, to codify terms and develop the concept of standardized language for direct and efficient communication. Post-industrial civilization values created sophisticated informational culture with focus on different sorts of databases. Researchers of terminology reacted to this stage of evolutional development with the involvement of new conceptual fields of updated linguistic theories.

Methods of cognitive analysis applied for the study of terminologies are supposed to overcome contradictions of the previous century of terminology studies. Classical theory of terminology can not be denied, thus the aspects of transfer of specialized knowledge are introduced into the regulat agenda of researchers. Thus, the books of M. T. Cabre (1999) and R. Temmerman (2000) established a new trend in European studies and criticism toward principles of traditional terminology.

The traditional schools, for example, believed in the need for standardisation in order to improve special language communication. If the belief in an objective world is replaced by the belief that the understanding of the world and of the words used to communicate about the world is based on human experience, and if this understanding is considered to be prototypically structured and embedded in a frame, the basic principles of the traditional Terminology schools will need re-evaluation [1, p. 2].

Terminology as a science and lexicology differ in the way they deal with their approach to the object of study, in the object of study itself, in their methodology, in the way terms are presented and in the conditions that must be taken into account when proposing new terms [2, p. 8].

A general theory of terminology is based upon the approach in which the nature of concepts, conceptual relations, the relationships between terms and concepts and assigning terms to concepts are of prime importance. This focus on moving from concepts to terms distinguishes the methods used in terminology from those used in lexicography [2, p. 7]. Refreshing the classical definition, “the term (from lat. terminus – boundary, limit) is a word or phrase denoting the concept of special domain or professional activity. The term is included in the lexical system of the language, but only through specific terminological system (terminology)” [3, p. 508]. In order to distinguish between the term and the word, classical terminology scholars selected and developed the concept of the term linguistic features. But in fact, terminology is closely linked to an activity carried out within the field of knowledge and thus it is inseparable from its social context and its obvious applications [2].

The processes of term formation viewed though the cognitive approach are considered in connection with the processes of conceptualization and categorization. Currently, cognitive research of terms is carried out by well-known Russian scientists as L. M. Alekseeva, V. M. Volodina, E. I. Golovanova, S. V. Grinev-Grinevich, V. F. Novodranova, E. A. Sorokina and others. Recent studies are directed toward the terminology of humanitarian and social sciences as providing more creative insights into nominative aspects of term-formation.

Economy as a specialized professional reality reflected in economic terminology is very attractive for the reason of fast changes, ever-developing infrastructures and globalized approach to humankind. The field of English economic terminology provides extensive material for the terminologists to develop and clarify theoretical guidelines helping to understand the nature of scientific and professional nominations.

Goal task and material. Terminological nomination in the domain of marketing is analysed and discussed from the cognitive point of view.

Sampling of terms was conducted by a reputable English-English and English-Russian explanatory terminological dictionaries, glossaries and electronic sources. The material for the illustrationg examples is taken from professional publications and marketing authentic monographs.

Methodology and sources. “Cognitive linguistics allows to reveal the specificity of the formation of human knowledge about the surrounding reality through the analysis of language units semantics and to identify hierarchical relationships among concepts through the language structuration” [4, p. 3].

The term can be understood as informational cognitive structure with the function of accumulating and transferring specialized knowledge from different peroids of time. E. I. Golovanova focuses on the cognitive functions of terms, especially on the orientative one, term dymamics in the professional activities, interaction between cognition and communication in the semiotic domain of study, formats of knowledge accumulation [5, p. 14–15]. The difference between a word and a term is of objective nature due to the fact that terms reflect the effects of different levels of mental activity

The creative aspect of conceptualising and categorising the world in science and professions has presented considerable challenges for scholars. “The emergence of a new scientific cognitive approach represents an additional opportunity to reinvent the processes of conceptualization and categorization of the world, the formation of different structures of knowledge and ways of their representation in language, interaction of linguistic and non-linguistic content of consciousness in the process of mental activity” [6, p. 182].

According to H. Felber, every cognition is the result of a psychic process, which leads to knowledge. This process is no state but an activity of a person. Cognition is in the same way as knowledge, something psychic, attached to individual. There is no objective, detached cognition possible [7]. A concept can be considered as an element of thought, a mental construct that represents a class of objects. Concepts consist of a series of characteristics that are shared by a class of individual objects. These characteristics, which are also concepts, allow us to structure thought and to communicate. Language does not reflect the real world exactly, but rather interprets it. This explains why a single segment of the real world (a special subject field) can generate different structures simultaneously (different scientific theories) or successively (scientific changes) [2, p. 42]. Competing scientific theories provide vivid material for terminology researchers and as it can be seen later result in variety of conceptualised and categorised levels of terms.

From the point of view of terminology the lexicon of a language consists of the many separate subsystems representing the knowledge structure of each subject field or discipline. Each knowledge structure consists of variously interlinked concepts [2]. Professionals in the

same field share specialized vocabulary which they acquire naturally as their knowledge of a certain field advances. Terms, then, are not semantically isolated units, nor is the knowledge of the specialized world produced by means of isolated terms. As speakers become more familiar with a special segment of the real world, they turn their knowledge into conceptual structures in which each concept occupies a specific place and acquires a functional value. Terminology thus is the basis for the structure of thematically specialized knowledge [2, p. 43]. As it can be seen from the above citations, by means of cognitive approach in the erminology study the structure of specialized world can be revealed.

Results and discussion. English marketing terminology is the result of creative efforts within the last hundred years and as a fast moving dynamic system is characterized by nominative innovations in formal and semantic aspects. According to the definition of American Marketing Association (AMA) “*Marketing* is the activity, set of institutions, and processes for creating, communicating, delivering, and exchanging offerings that have value for customers, clients, partners, and society at large” [8, p. 5].

The processes of conceptualization and categorization seen as the basic cognitive processes are closely interrelated. Linguistic knowledge is supported by all knowledge and experience of the person leading to deeper understanding of conceptualization and categorization in different spheres of science and technology. As N. N. Boldyrev noted, anthropocentric factor plays a major role due to a man as an observer, “conceptualizer” and “categorizer”.

The perception of the professional field by experts, the choice of their vision formed by the professional activity focuses their attention on specific facts providing the foundation for the particular nominative trends. Our focus of study is the processes of conceptualization and categorization in English marketing terminology related to the thematic group “consumer”. That means also attempts to clarify the role of these terms in modern market place architecture.

Thematic group “consumer” is interesting in connection with the practical constructivization of the market economy in general. Marketers are constantly trying to analyze purchasing decision-making of individuals and make business projects for various models of consumer behavior influenced by demographics, life-styles and cultural values. According to academic studies, business managers realize that they must gain an understanding of consumers if their marketing strategies are to be successful.

Human psychology, motives and actions are studied in details, human reactions are scrupulously calculated and human weaknesses are transformed into market opportunities. That is why the basis of terminological nomination of consumers lies within the interpretation of incredibly numerous factors. We’ll provide a brief glance of three popular models invented by the creative minds of marketers.

Model 1 (*buying roles*).

Recognition of the importance of consumer behaviour has led marketing managers to more closely analyze the factors influencing consumer choice. Now managers are concerned with benefits to consumers, changing their attitudes and perceptions [9, p. 2]. Decision-making process leading to a purchase is forming the ideas differentiating the roles of buyers (*buying roles*). Experts of the 70-ies and 80-ies created classifications, including five (initiator, influencer, decider, buyer, user), six (plus approver) and seven (plus gatekeeper) consumer roles [10, p. 176].

For example:

Gatekeeper – Information gatherer who may control the flow of information from the mass media to the group. Introduces ideas and information to the group but does not necessarily disseminate them [9, p. 715].

Thus, micro-system of terms with the generic term ‘buying roles’ include five to seven terms representing corresponding categorization. The generic term nominates a holistic concept, and hyponymic level is a specified categorization of the target consumer groups made by different experts.

Regarding to the structural and systemic- characteristics, terms, included in micro-system of terms, have uniform term-forming suffixes-ER/-OR. Therefore, it confirms the uniformity of the essential characteristics that formed the basis of terminological nomination.

Model 2 (*adopter categories*).

Further, marketing considers classification of customers according to their willingness to buy new products (*adopter categories*). A classification of adopters by time was developed by Rogers with five categories of customers: *innovators*, *early adopters*, *early majority*, *late majority*, *laggards* [11, p. 11], [9, p. 501].

Thus, micro-systems of terms with the generic term ‘adopter categories’ (conceptualization) includes five specific hyponymic terms, representing the lower level of terminological hierarchy (categorization).

For example:

Innovators represent on average the first 2.5 % of all those who adopt. They are eager to try new ideas and products almost as an obsession. They have higher incomes, are better educated, are more cosmopolitan, and are more active outside of their community than non-innovators. In addition they are less reliant on group norms, more self-confident, and more likely to obtain their information from scientific sources and experts [9, p. 501].

As an opposite style of consumer behaviour to *innovators* in case of diffusion of new products, we can find *laggards* who are reluctant to any changes, not relying on the norms of the group and tend to be suspicious of new products.

Roger’s classification deals with adopter categories, but does not take into account so-called *non-adopters*, that is consumers who simply reject innovations [9, p. 504]. Thus, in marketing studies there is also a transparent three-part classification: *early adopters*, *later adopters* and *nonadopters*, that reveals social character of people and their acceptance of new products.

Model 3 (*values and lifestyles, VALS*).

The marketer of a new product should determine consumer reactions to the product in a situational context and identify the segment of the market that is most likely to adopt a new product when it is first introduced. The idea of market segmentation according to the principle of life values and lifestyles of potential buyers (model psychographic segmentation – values and lifestyles, *VALS*) proved to be fruitful for marketing [11, p. 570].

Innovativeness was defined as the predisposition to buy a new product early. A number of personality characteristics have been related to innovativeness. Thus, innovators were found to be *inner-directed*, less dogmatic than noninnovators, more willing to accept risks and accept change and more socially active. In addition, innovators are more likely to be opinion leaders [9, p. 513, 521].

Life-style characteristics, in contrast to demographics, must be defined by the marketer’s objectives. Such life-style profiles help marketers target products to specific consumer groups. The

Value and Life Style program (VALS) was developed in 1978 by the Stanford Research Institute [9, p. 308]. In early surveys customers were identified as *actualizers*, *strivers* and *struggles*.

For example:

Actualizers – have high level of self-esteem, are open to change and buy the finer things in life [9, p. 308].

The futurist Arnold Mitchell was trying to measure both cultural and life-style values. The earlier, VALS 1 programme identified three consumer segments: *need-driven*, *outer-directed*, *inner-directed* [11, p. 570; 9, p. 324]. Such a three-level model of psychographic segmentation – values and lifestyles, VALS – had a great explanatory power.

For example:

The outer-directed consumer – buys with an eye to appearances and to what other people think [9, p. 324].

In 1988 the Stanford Research Institute introduced a new revised measure of values called VALS 2 because segments in VALS 1 were found to be too general and driven by a focus on baby boomers. Updated model included new categories within existing three groups: need-directed (survivors, sustainers), outer-directed (belongers, emulators, achievers), inner-directed (experiencers, societally conscious, I-am-me), and a new group ‘combined outer and inner directed’ (integrateds) (1989) [10, p. 161]. In Table there are presented terms for eight groups as defined by the VALS 2 system (four groups with higher resources and four groups with lower resources) with their definitions, according to Ph. Kotler [8, p. 227]. It is worth mentioning the fact that VALS system is adaptive.

Table. Terms of psychographic segmentation

№	Term	Definition
1	<i>Innovators</i>	Successful, sophisticated, active, “take-charge” people with high self-esteem. Purchases often reflect cultivated tastes for relatively upscale, niche-oriented products and services
2	<i>Thinkers</i>	Mature, satisfied, and reflective people motivated by ideals and who value order, knowledge, and responsibility. They seek durability, functionality, and value in products
3	<i>Achievers</i>	Successful, goal-oriented people who focus on career and family. They favor premium products that demonstrate success to their peers
4	<i>Experiencers</i>	Young, enthusiastic, impulsive people who seek variety and excitement They spend a comparatively high proportion of income on fashion, entertainment, and socializing
5	<i>Believers</i>	Conservative, conventional, and traditional people with concrete beliefs. They prefer familiar, U.S.-made products and are loyal to established brands
6	<i>Strivers</i>	Trendy and fun-loving people who are resource-constrained. They favor stylish products that emulate the purchases of those with greater material wealth
7	<i>Makers</i>	Practical, down-to-earth, self-sufficient people who like to work with their hands. They seek U.S.-made products with a practical or functional purpose
8	<i>Survivors</i>	Elderly, passive people concerned about change and loyal to their favorite brands

Thus, looking at the development of a psychographic segmentation the following three hierarchical levels of terminology as the result of deepening thought of specialists can be traced:

1. The first highest level includes the concept of market segmentation itself (abbreviation VALS) (conceptualization).

2. The next level is represented by three (or four) specific terms: need-directed, outer-directed, inner-directed (plus ‘combined outer and inner directed’) (categorization of the first level).

3. Then a deeper level of clarifying specific terms follows: *survivors, sustainers, belongers, emulators, achievers, experientials, societally conscious, I-am-me, integrateds* (categorisation of the second level).

Regarding to structural characteristics, terms included in micro-system VALS, have two kinds of term-formation consistency. The first level categorization is achieved through the use of term-formation suffix-*ED*, and the categorization of the second level uses different term-formation suffixes, with a predominance of the suffixes-*ER/-OR* (50 %). Term-formation consistency is created with the suffixes-*ER/-OR*, reflecting the uniformity of the essential characteristics that formed the basis of terminological nomination [12].

Semantic potential of the primary conceptualising term *VALS* allows to conduct a two-level categorization by creating relevant specific terms.

Conclusion. It is evident that the majority of terms that characterize *consumers* in accordance with the three basic concepts - consumer roles (*buying roles*), willingness to buy new products (*adopter categories*), life values and lifestyles (*values and lifestyles*, VALS) – are formed with term-forming systemic suffixes *ER/-OR*. Most of the terms are, with rare exception, a single component ones.

Nominative originality of marketing terminology thus can be revealed within the idea of continually changing specific autonomous and self-sufficient consumer models reflected in micro-systems of terms nominating and verbalizing holistic concepts of the authors.

Conceptual content is ensured by the general ideas of *buying roles, adopter categories, values and lifestyles*. As for a *categorization*, it is reflected in terms describing the detailed vision of professional marketers, and can be subjected to changes due to different factors.

Nomination of the typical individuals (customers) by the terms discussed in the above pages reflects deep and various psychological characteristics of individuals. As it seems, all these parameters form the foundation of the professional domain of modern markets in accordance with the existing conceptual knowledge, verbalized by terms.

Terms of semantic subgroups *consumer* represent elaborated complex of knowledge needed by professional marketers. Specific classification corresponding to each conceptual model of consumer behaviour presents a large variety of terms, connected with psychological, demographic and cultural characteristics.

Conceptualization represent the cognitive side of terminology. The general concept of *values and lifestyles* (VALS) remains permanent and at the same time terms of particular categories are subjected to changes in diachrony.

The use of standardized terminology helps to make communication between specialists more efficient and transparent, as it can be seen from the terminology of technical and natural sciences. At the time, terms of human sciences are much more flexible and reflect more subtle topics connected with interpretation of human life in general. In order not to simplify the complexity of individuals, terminologists must be ready to revise some principles of their science where it is necessary and appropriate.

The research of conceptualization and categorization in the professional fields of knowledge seems to be an understudied area. The fact is connected with the difficulties for linguists to penetrate into the professional domains that is actually a challenge, usually time-consuming and takes a lot of efforts. At the same time, studying the constantly changing world

of marketing reveals the principles of flexible approach to the formation of professional categories, their adaptation with the changing level of knowledge and economic situation. Summing up the results presented paper it is possible to make a conclusion about the complex nature of knowledge in modern marketing, comprising psychology, sociology, demography and cultural aspects of humanity. And it is of paramount importance to underline that the more interdisciplinary is the area of professional knowledge, the more integrated are specific features of terminological nomination, and the more sophisticated is the term-formation used by the experts.

REFERENCES

1. Temmerman, R. (2000), *Towards new ways of terminology description*, John Benjamins, Amsterdam/Philadelphia, USA.
2. Cabre, M.T. (1999), *Terminology, theory, methods and applications*, John Benjamins, Philadelphia, USA.
3. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' (LES)* (1990), Sovetskaya entsiklopediya, Moscow, USSR.
4. Cycarkina, N.N. (2012), "Objectification of the conceptual sphere of social relations in modern English", Abstract of Dr. Sci. (Philol.) dissertation, SPbGUEF, SPb., RUS.
5. Golovanova, E.I. (2013), "Cognitive terminology: problems, tools, directions and prospects of development", *Bulletin of Chelyabinsk state Univ.* no. 24 (315), iss. 82, *Philology, Art History*, pp. 13–18.
6. Kiseleva, S.V. (2009), *Sushchnost' mnogoznachnogo slova v angliiskom yazyke* [The essence of the polysemantic word in English], SPb., Asterion, RUS.
7. Felber, H. (1985), *Terminology Manual*, Unesco, Infoterm, Paris, FRA.
8. Kotler, Ph. and Keller, K.L. (2012), *Marketing management*, 14th ed., Prentice Hall, N.J., USA.
9. Assael, H. (1992), *Consumer behaviour and marketing action*, 4th ed., PWC-KENT, Boston, USA.
10. Kotler, F. (2005), *A Framework for Marketing Management*, Transl. by S. G. Bozhuk (ed.), Piter, SPb, RUS.
11. Imber, Ja. and Toffler, B-A. (2000), *Dictionary of Marketing Terms*, Barron's, Hauppauge, N.Y., USA.
12. Rosyanova, T.S. (2004), "Paradigmatic series of terms with suffixes – ER/OR (based on English economic terminology)", *Problemy lingvistiki i lingvodidaktiki v vysshei shkoly* [Problems of linguistics and linguodidactics in higher education], All-Russian scientific and methodological conference, in Gronskaya, O.N. (ed.), SPb., RUS, 16 june 2004, iss. 5, pp. 25–37.

Information about the authors.

Irina B. Rubert – Dr. Sci. (Philology) (1996), Professor at the Department of the Theory of Language and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 21 Sadovaya str., St Petersburg 191023, Russia. The author of more than 120 scientific publications. Area of expertise: text linguistics, cognitive linguistics, history of language, stylistics, theoretical grammar. E-mail: irleru@mail.ru

Svetlana V. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology) (2007), Professor at the Department of the Theory of Language and Translation, Saint Petersburg State Economic University, 21 Sadovaya str., St Petersburg 191023, Russia. The author of 150 scientific publications. Area of expertise: terminology, semantics, stylistics, theoretical grammar. E-mail: svkiseljeva@bk.ru

Tatiana S. Rosyanova – Can. Sci. (Philology) (2012), Associate Professor at the Department of Foreign Philology and Lingvodidactics, Russian Christian Humanitarian Academy, 15 Fontanka emb., St Petersburg 191011, Russia. The author of 70 scientific publications. Area of expertise: terminology studies, cognitive linguistics, general linguistics, sociolinguistics, communication, Business English. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8307-5694>. E-mail: rosyanova@mail.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Temmerman R. Toward new ways of terminology description. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2000.
2. Cabré M. T. Terminology, theory, methods and applications. Philadelphia: John Benjamins, 1999.
3. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.
4. Цыцаркина Н. Н. Объективация концептосферы социальных отношений в современном английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / СПбГУЭФ. СПб., 2012.
5. Голованова Е. И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2013. № 24 (315), вып. 82: Филология, искусствоведение. С. 13–18.
6. Киселева С. В. Сущность многозначного слова в английском языке. СПб.: Астерион, 2009.
7. Felber H. Terminology Manual. Paris: Unesco, Infoterm, 1985.
8. Kotler Ph., Keller K.L. Marketing management, 14th ed., N.J.: Prentice Hall, 2012.
9. Assael H. Consumer behaviour and marketing action, 4th ed., Boston: PWC-KENT. 1992.
10. Котлер Ф. Маркетинг. Менеджмент. Экспресс-курс. 2-е изд. / пер. с англ.; под ред. С. Г. Божук. СПб.: Питер, 2005.
11. Imber Ja., Toffler B-A. Dictionary of Marketing Terms. Hauppauge; N.Y.: Barron's, 2000.
12. Росянова Т. С. Парадигматические ряды терминов с суффиксами – ER/OR (на материале английской экономической терминологии) // Проблемы лингвистики и лингводидактики в высшей школе: мат. всерос. науч.-метод. конф., 16 июня 2004 г. Вып. 5 / под ред. О. Н. Гронской. СПб.: ВМедА, 2004. С. 25–37.

Информация об авторах.

Руберт Ирина Борисовна – доктор филологических наук (1996), профессор кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор более 120 научных публикаций. Сфера научных интересов: лингвистика текста, диахроническая текстотипология, история языка, когнитивная лингвистика. E-mail: irleru@mail.ru

Киселёва Светлана Владимировна – доктор филологических наук (2007), профессор кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ул. Садовая, д. 21, Санкт-Петербург, 191023, Россия. Автор 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: терминология, семантика, стилистика, теоретическая грамматика. E-mail: svkiseljeva@bk.ru

Росянова Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук (2012), доцент кафедры зарубежной филологии и лингводидактики Русской христианской гуманитарной академии, наб. реки Фонтанки, д. 15, Санкт-Петербург, 191011, Россия. Автор 70 научных публикаций. Сфера научных интересов: терминоведение, когнитивная лингвистика, теория языка, социолингвистика, коммуникация, деловой английский язык. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8307-5694>. E-mail: rosyanova@mail.ru

Stanislav Voronin's Universal Classification of Onomatopoeic Words: a Critical Approach (Part 1)

Maria A. Flaksman[✉]

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

[✉]mariia.aleelevna@gmail.com

Introduction. The universal classification of onomatopoeic words was first introduced in 1969 by Stanislav V. Voronin. In the course of the following fifty years it has been tested on the material of typologically different languages both by the author himself and by other researchers. The aim of this article is to provide a full description of the classification (which has never been published in English before) and to examine its key points critically. The bulk of empirical data collected in the recent years calls for yet another update on the classification. There is a logical contradiction between such classes of onomatopoeic words as frequentatives and frequentatives-(quasi)-instants-continuants. They overlap typologically. This and other minor issues are solved in the present paper.

Methodology and sources. The method discussed and applied in the classification is the method of phonosemantic analysis introduced by S. V. Voronin. Empirical data from English and other relevant languages are used for supporting the proposed changes into the classification.

Results and discussion. The critical analysis of the Voronin's universal classification of the onomatopoeic words revealed the presence of overlapping classes and hyperclasses within it, as well as other minor inconsistencies. The empirical typological data allowed to introduce some minor corrections while retaining the main principles of the classification.

Conclusion. Introduced half a century ago, Stanislav Voronin's classification of onomatopoeic words still remains a useful tool of typological research. Critical additions and proposed changes do not lessen its impact on studies in linguistic iconicity.

The first part of this paper is devoted to the description of the classification and to the discussion of its advantages and limitations. In the second part of the article some possible solutions to the detected problems are suggested.

Keywords: onomatopoeia, universal classification of onomatopoeic words, iconicity, phonosemantics, language universals, S. V. Voronin.

For citation: Flaksman M. A. Stanislav Voronin's Universal Classification of Onomatopoeic Words: a Critical Approach (Part 1). DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 131–149. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-131-149

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 02.06.2020; adopted after review 06.07.2020; published online 26.10.2020

Универсальная классификация ономатопов С. В. Воронина: критическое осмысление (часть 1)

М. А. Флаксман[✉]

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия
[✉]maria.alexeevna@gmail.com

Введение. С момента публикации «Универсальной классификации звукоподражательной лексики» Станиславом Васильевичем Ворониным в 1969 г. прошло 50 лет. За это время классификация была опробована на материале ряда (в том числе неродственных) языков, изменена и дополнена (как самим автором, так и рядом других исследователей-лингвистов). Целью настоящей статьи является полное описание принципов и параметров классификации (которая впервые полностью публикуется на английском языке), а также критическое осмысление ее отдельных положений. Общий объем лингвистических данных, собранных за последние годы, требует внесения некоторых изменений в классификацию. Так, нами было выявлено логическое противоречие между классом ономатопов-фреクвентативов и гиперклассом фреクвентативов(квази)-инстантов-континуантов. Подклассы внутри этих выделенных С. В. Ворониным категорий оказались пересекающимися. Эта, а также ряд других незначительных проблем подробно освещаются в настоящей статье.

Методология и источники. Метод, использованный при анализе классификации – это метод фоносемантического анализа, предложенный самим С. В. Ворониным. В статье также приводятся эмпирические данные английского и других языков, необходимые для иллюстрации выдвигаемых положений.

Результаты и обсуждение. Критическое осмысление принципов, заложенных в основу рассматриваемой классификации, обнаружило ряд существующих внутри нее логических противоречий и других незначительных недочетов. Выявленные сложности, однако, не противоречат теоретическим основам классификации, а новые типологические данные позволяют внести в нее некоторые необходимые корректизы.

Заключение. Универсальная классификация ономатопов (звукоподражательных слов), предложенная С. В. Ворониным уже более полувека назад, продолжает быть действующим инструментом фоносемантики и лингвистической типологии. Предложенные изменения, на наш взгляд, позволят сделать ее применение более эффективным.

В первой части статьи приводится сама классификация С. В. Воронина, обсуждаются ее достоинства и недостатки. Во второй части статьи (будет опубликована в одном из ближайших номеров) предлагаются возможные решения выявленных проблем.

Ключевые слова: звукоподражания, универсальная классификация ономатопов, иконичность, фоносемантика, языковые универсалии, С. В. Воронин.

Для цитирования: Флаксман М. А. Универсальная классификация ономатопов С. В. Воронина: критическое осмысление (часть 1) // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 4. С. 131–149. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-131-149

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 02.06.2020; принята после рецензирования 06.07.2020; опубликована онлайн 26.10.2020

Introduction. In 1969 Stanislav V. Voronin published the ‘Universal classification of onomatopoeic words’ in his doctoral thesis *English onomatopes: types and structure* [1]. The

approach towards onomatopoeia used by the author was, undoubtedly, novel as he based his classification not on the semantic principle as it was widespread at that time (and still is) but on the principle of iconic relation of onomatopoeic words to their (psycho)acoustic denotata. Such approach allowed to classify all English words denoting sounds into five major groups (those denoting pulses, dissonances, non-pulses etc.) disregarding their specific semantic affiliation (sounds of nature, bird calls, human sounds, mechanical sounds etc.).

Almost immediately it became evident that such approach made the classification applicable not only to the material of the English language, but to other languages as well. The universality of the classification was tested on Indonesian [2, 3], Bashkir [4], Estonian [5], Georgian [6] and Turkish [7]. The division of onomatopoeic words proposed by Voronin holds true even for invented languages [8].

However, the classification has been updated several times after it was first published in 1969. The majority of innovations were introduced by S. V. Voronin himself [9, 10, 11] and [12], some were added by other researchers [13]. The main aspect in which the current version of the classification [14, p. 44–66] differs from the original one is that in 1969 Voronin did not distinguish onomatopoeic and sound symbolic words. In the later version the author made a clear-cut distinction between acoustic imitation (onomatopoeia) and articulatory imitation (sound symbolism).

Currently, new synchronic [7, 8] and diachronic [13] data calls for yet another update on the classification.

1. Universal classification of onomatopoeic words.

The main challenge of the ‘Universal classification’ was revealing the principal acoustic parameters (properties) of sound-denotata which define the choice of type of phonemes comprising an onomatopoeic word [14, p. 39]. Studying the (psycho)acoustic properties of various types of denotata allowed S. V. Voronin to create the classification of onomatopoeic words based on iconicity principles.

1.1. Parameters of acoustic denotata.

S. V. Voronin defines five main parameters of acoustic denotata of onomatopoeic words in the following way [14, p. 40]:

- Parameter I – *pitch* (in a broad sense); reflects both the basic frequency and the specter of sound (psycho-acoustically, pitch as such and the tone quality of a sound).
- Parameter II – *volume*; the acoustic correlate of the volume of a sound and its intensity.
- Parameter III – *time*; it enables to outline ‘instant’ sounds (pulses) and non-instant ones (non-pulses).
- Parameter IV – *periodicity* (the periodicity of sound waves); according to this parameter, sounds split into tones (tonal non-pulses) and noises (non-tonal non-pulses).
- Parameter V – *dissonance*; it is a type of sound when the pulse series is long enough to be perceived as a durative sound but is too rapid for the ear to distinguish the individual pulses.

These defined five main parameters, according to [14, p. 41], constitute the base for an objective evaluation of sound and revealing classes and types of sounds relevant to the onomatopoeic subsystem of the language:

- In accordance with Parameter I (*pitch*), a sound of any type may be classified quantitatively as ‘low’ or ‘high’.

- Parameter II (*volume*) defines a sound (also quantitatively) as ‘loud’ or ‘quiet’.
- Parameter III (*time*) enables to outline two qualitatively different classes of sound: **pulses** and **non-pulses**. If applied to non-pulses, this parameter involves the distinction of short and long sounds (the parameter of duration).
- According to Parameter IV (*periodicity*), non-pulses split into two qualitatively distinct classes – **tone** and **noise**.
- The dissonance (pulse series) – together with its antithesis, the non-dissonance – is constituted in accordance with parameter V (**dissonance**).

1.2. Types and characteristics of acoustic denotata.

Upon analyzing these parameters S. V. Voronin [14, p. 42] came to distinguish the following classes of sound denotata:

- A. Pulse (Non-dissonance).
- B. Non-pulse (Non-dissonance).
- C. Pulse series (Dissonance).

Or, in a shorter version [ibid.]:

- A. Pulse.
- B. Non-pulse.
- C. Dissonance.

He distinguished three kinds of dissonance (pulse series): 1) dissonating pulse (quasi-pulse); 2) pure dissonance (pulse series proper), and 3) dissonating non-pulse (quasi-non-pulse); the latter may be either noise or tonal non-pulse, while noise non-pulse can be defined as pure noise or tonal noise.

Considering that non-dissonance includes pulse and non-pulse, while the latter is subdivided into noise and tone (the noise can be both pure noise and tonal noise), S. V. Voronin arrived at nine types of sound denotata:

- I. Pulse.
- II. Tonal Non-pulse.
- III. Pure Noise Non-pulse.
- IV. Tone-Noise Non-pulse.
- V. Quasi-pulse.
- VI. Pure Dissonance.
- VII. Tonal Quasi-non-pulse.
- VIII. Pure Noise Quasi-non-pulse.
- IX. Tone-Noise Quasi-non-pulse.

According to Voronin [14, p. 42], a sound that belongs to any of the listed nine types is perceived as an elementary, simple psycho-acoustic event. Acoustically, however, these nine types of sound denotata can be structurally complex.

Voronin, thus, distinguishes ‘simple’ sounds and ‘complex’ ones [14, p. 43]:

Pulse (Type I), Tonal Non-pulse (Type II), Pure Noise Non-pulse (Type III), and Pure Dissonance (Type VI) are **simple** sounds both acoustically and psycho-acoustically, as they are indivisible into elementary, simpler sounds with contrasting properties. We would suggest a sound of a hit as an example of a simple sound (Type I. Pulse). Other types are acoustically **complex**, decomposable into elementary simple types with contrasting properties. As an example

of a complex sound the author gives the sound of buzzing: it is perceived as a simple sound, irreducible to other elements; nevertheless, this type of sound is acoustically complex – it is a Tone-Noise Non-pulse having appreciable elements of the both tone and noise).

1.3. Types of onomatopoeic words.

According to Voronin [14, p. 44], ‘the properties of the acoustic denotatum of an onomatopoeic word are defined by its characteristics and the properties of its source’. Thus, ‘a classification of onomatopoeic words [should be done] according to their correlation with denotata’ [*ibid.*].

To the main three classes of denotata defined in the previous section (A. Pulses; B. Non-Pulses; C. Dissonances (or a rapid series of pulses)) correspond three classes of onomatopoeic words:

- A. Instants.
- B. Continuants.
- C. Frequentatives.

In addition, there are two hyper-classes of onomatopoeic words which render two hyper-classes of sound denotata (AB. Pulse-Non-Pulses; CAB. Dissonances-Quasi-Pulse-Non-Pulses):

- AB. Instants-Continuants.
- CAB. Frequentatives-Quasi-Instants-Continuants.

To describe the types of onomatopoeic words Voronin introduces a concept of an exemplary **structural model** [14, p. 47]. It is ‘a model which reflects all common and salient phonological traits necessary for sound imitation which are found in onomatopoeic words of compared languages’ [*ibid.*].

Below I list the types of onomatopoeic words defined by the author:

– Class A. Instants.

Instants are both a class and a type (I) of onomatopoeic words.

Type I. Instants.

They denote pulse-like sounds, that is, sounds which are instantaneous (or a ‘super-short’) noises or tones which are perceived as acoustic ‘hits’ by a human ear [14, p. 46-47].

The examples of instants given in [14, p. 46–47] are: English: *tap* ‘to strike (something) lightly’; *chack* to bite or snap the teeth or beak’; *click* ‘a short light often metallic sound’; Bashkir: *tap* ‘an abrupt sound accompanying a fall of a heavy body’; *kelt-kelt* ‘to tick (about a clock)’ Indonesian *tuk* ‘a knocking sound’; Tajik *maқ-maқ* [tak-tak] ‘a knock on the door’; Chuvash *nam* [pat] ‘an imitation of something popping’.

The structural model for the English instants is [14, p. 56]:

$$(S)PLOS + (SON LAT/NAS/DENT)/AFFR + V̄OC + PLOS.$$

The structural models for words of one onomatopoeic class differ from language to language. Voronin [14, p. 48] suggested that for languages with CONS + VOC syllabic structure, general model of instants shall be:

$$PLOS/AFFR/CLICK + V̄OC.$$

Class B. Continuants.

Continuants is a class of onomatopoeic words denoting non-pulse natural sounds, that is, sounds of ‘prolonged’ and ‘coherent’ duration (which are not divided into shorter segments).

Such sound denotata are perceived either as tonal or noise phonations. Continuants, therefore, can be divided into tonal continuants (Type II) or noise continuants; the latter are sub-divided into pure noise continuants (Type III) and tone-noise continuants (Type IV) [14, p. 48–49].

Type II. Tonal continuants.

Tonal continuants render tonal non-pulse sounds or tones in their purest form. The examples of tonal continuants given in [14, p. 49] are: English: *hoot* ‘the mournful wavering cry of some owls’; *bleep* ‘a high-pitched signal made by an electronic apparatus; beep’; Bashkir *saj-saj* ‘screech’; Buryat *nuud* [piid] ‘peeping, squeaking’, Indonesian *dengung*, *dengong* ‘imitation of a siren’.

The English tonal continuants have the following structural model [14, p. 49]:

$$[\text{CONS} (+\text{SONLAT/LAB}) +] \text{ V}\check{\text{O}}\text{CL/H, S/W} (+ \text{PLOS}).$$

The, for example, Indonesian tonal continuants, have another structural model [14, p. 50]:

$$\text{SON}^{\text{NAS}}, \text{GUTT} + \text{V}\check{\text{O}}\text{CL/H, S/W} (+ \text{V}\check{\text{O}}\text{C}) + \text{SON}^{\text{NAS}}, \text{GUTT}.$$

Thus, the main and the only iconically valent component of the English tonal continuants is a (historically) long vowel. Structural models for tonal continuants of other languages differ as well. Voronin notes [14, p. 49] that apart from (long) vowels several types of phonemes have *tonal characteristics* – vowels, sonorants (especially nasal sonorants) as well as /j/ and /w/, and voiced consonants (especially voiced fricatives). Therefore, all of these phonemes can be used for rendering natural tones.

Type III. Pure noise continuants.

Pure noise continuants denote noise-like non-pulse sounds, in other words, a noise in its purest. The examples of noise continuants given in [14, p. 50] are: English *hiss* ‘a voiceless fricative sound like that of a prolonged *s*’; *flash* ‘a sudden rush of water down a river or watercourse’; Bashkir *byðlau* ‘to hiss, crackle (e.g. about wet firewood)’; Turkish *fiş-* ‘hissing’; Ossetian *syf-syf* ‘rustling’. The structural model for noise continuants in English is [ibid.]:

$$\text{FRIC}^\wedge /(\text{CONS}) + \text{V}\check{\text{O}}\text{CL/H, S/W} + (\text{CONS}) / \text{FRIC}^\wedge.$$

Type IV. Tone-noise continuants.

Tone-noise continuants imitate tone-noise non-pulses, which combine traits of pure noises together with noticeable tonal elements. Some examples of tone-noise continuants given in [14, p. 52] are: English *buzz* ‘a rapidly vibrating humming sound, as that of a prolonged *z* or of a bee in flight’; *whizz* ‘to make or cause to make a loud humming or buzzing sound’, Bashkir *syz* ‘sizzling of fat on a frying pan’. The structural model of the English tone-noise continuants (which also can be applied to Bashkir) is:

$$\text{CONS} + \text{V}\check{\text{O}}\text{CL/H, S/W} + \text{FRIC}^\vee.$$

Class C. Frequentatives.

Frequentatives are a class of onomatopoeic words denoting a rapid series of pulses where each pulse is hardly perceived separately yet there is no complete fusion of pulses into one tone. Such rapid sequence of pulses is highly irritative for acoustic perception. Such sequences of pulses are perceived as dissonances; therefore, one can also name the class of frequentatives ‘onomatopes-dissonances’ [14, p. 53].

Type V. Frequentatives quasi-instants.

Frequentatives quasi-instants are onomatopoeic words denoting quasi-pulse sounds [14, p. 54]. Examples of words belonging to this type given in [14, p. 53] are: English *crack* ‘to break or cause to break with a sudden sharp sound; snap’; *chirp* ‘to make a short high-pitched sound’; Indonesian *rik* ‘a sound of a broken twig or bone’.

The structural model of the English frequentatives quasi-instants is [11, p. 84]:

$$(s)PLOS/AFFR + R + VOC + PLOS.$$

The structural models for frequentatives quasi-instants in different languages differ. Thus, for Indonesian onomatopes Voronin suggests a model with R-formative (on RL-formatives see [15]) outside the root:

$$R_f + PLOS + V\ddot{O}CL/H, S/W + PLOS.$$

Type VI. Pure frequentatives.

Frequentatives denoting pure dissonances (sounds perceived as a rapid series of pulses, thrills) Voronin calls ‘pure frequentatives’ [14, p. 55]. His examples of pure frequentatives are: English *jar* ‘to make or cause to make a harsh discordant sound’; Bashkir *byrr* ‘a noise made by the vibration of wings of small birds when they fly up’; Chuvash *мыпп* [tyrr] ‘sounds of movement, whirling’, Indonesian *rai* ‘a sound of multiple corns falling’.

According to Voronin [14, p. 55] dissonances are in-between pulses and non-pulses; consequently, pure frequentatives are in-between instants and continuants. The rapid alternation of pulses leads to irritation of hearing perception and such series of pulses are deciphered as dissonant sounds. That’s why there is the phoneme /r/ in a phonetic structure of onomatopes-pure frequentatives. Structural model for pure frequentatives in English and Bashkir is the following [14, p. 55]:

$$CONS + V\ddot{O}CL/H, S/W + R.$$

It should be noted that in the present-day British English the model is only historical as /r/ is not encountered in the post-vocal position.

In Indonesian pure frequentatives have the following structural model:

$$R + V\ddot{O}C.$$

There is also another structural model for Bashkir onomatopoeic words – with an R-formative [14, p. 56]:

$$CONS + V\ddot{O}C + CONS + R_f.$$

Type VII. Frequentatives tonal quasi-continuants.

Frequentatives tonal quasi-continuants denote tonal quasi-non-pulses, a type of natural sound denotata containing elements of pure dissonances and tonal non-pulses at the same time [14, p. 56]. The examples are: English *scream* ‘(dial.) to scream, to creak’; Bashkir *lar(r)* ‘a roar’. The common structural model of the English and Bashkir onomatopes belonging to type VII is:

$$CONS + V\ddot{O}CL/H, S/W + R.$$

An additional, specifically English, structural model is [14, p. 57]:

$$CONS + R + V\ddot{O}CL/H, S/W + (CONS).$$

Type VIII. Frequentatives pure noise quasi-continuants.

Frequentatives pure noise continuants denote pure noise non-pulses which contain elements of both dissonances and pure noises [14, p. 57]. Voronin's examples for Type VIII onomatopoeic words are: English: *whirr* 'to fly, revolve, or move rapidly with a humming sound'; Bashkir *šyptyr-šyptyr* 'rustling of leaves, dry grass'; Indonesian *ras* 'imitation of the sound made by dry leaves touching each other'.

The structural model for frequentatives pure noise continuants of these three languages is [14, p. 58]:

$$\text{FRIC}^\wedge + \text{VÖCL/H, S/W} + \text{R.}$$

The author also gives a number of Bashkir and Indonesian models with R outside the root, where it is an R-formative [14, p. 58], for example:

$$\text{FRIC}^\wedge + \text{VÖCL/H, S/W} + \text{PLOS} + \text{R}_f.$$

Type IX. Frequentatives tone-noise quasi-continuants.

Frequentatives tone-noise quasi-continuants denote tone-noise non-pulse sounds which combine elements of pure dissonances and tone-noise non-pulses [14, p. 58]. Voronin's examples for Type VIII onomatopoeic words are: English *frizz* 'to fry with a sputtering, hissing noise; sizzle'; Bashkir: *zyr(r)* 'a prolonged monotonous sound of something swirling noisily'. The structural models for Type IX words in both languages is [14, p. 59]:

$$(\text{FRIC}^\wedge +) \text{ R} + \text{VÖC} + \text{FRIC}^\vee / (\text{FRIC}^\vee +) \text{ R} + \text{VÖC} + \text{FRIC}^\wedge.$$

Hyper Class AB. Instants-continuants.

Instants-continuants are a hyper-class of onomatopoeic words denoting pulse-like sounds combined with an immediately following non-pulse [14, p. 59].

Type X. Tonal 'post-pulse' instants-continuants.

Tonal post-pulse instants-continuants denote tonal 'post-pulse' sound sequences of a pulse followed by a non-pulse; that is, of a sound abruptly beginning with pulse and ending in a tonal non-pulse [ibid.]. Voronin distinguishes (a) short tonal post-pulse instants-continuants (English *dump* 'to throw down or out roughly'; *plump* 'to throw down or out roughly'; *clank* 'an abrupt harsh metallic sound'; Bashkir *dömp* 'a muffled sound of an abrupt hit') and (b) long tonal post-pulse instants-continuants (English *tang* 'a loud, ringing sound; twang'; *clang* 'to emit a loud resonant ringing sound as of pieces of metal struck together'; Bashkir *tay* 'a sound of something wooden hitting metal surface').

The structural model for the English tonal post-pulse instants-continuants is [14, p. 60]:

$$\text{PLOS/AFFR} + \text{VÖCL/H, S/W} + \text{SON}^{\text{nas}}.$$

Type XI. Pure noise 'post-pulse' instants-continuants.

Onomatopoeic words belonging to this type denote pulse-like sounds followed by a pure-noise non-pulse [14, p. 60]. Voronin's examples of Type XI onomatopoeic words are: English *piff* 'a sound of a flying bullet'; Bashkir *byð(ð)* 'a sound of an airflow coming through a narrow opening'; Uzbek *nuuu* [pish] 'a sound of a burst tire'. A common structural model for pure noise 'post-pulse' instants-continuants in English and Bashkir is [14, p. 61]:

$$\text{PLOS/AFFR} + \text{VÖCL/H, S/W} + \text{FRIC}^\wedge.$$

Type XII. Pure noise ‘pre-pulse’ instants-continuants.

Onomatopoeic words belonging to this class denote pulse-like sounds preceded by a pure noise [14, p. 61]. The examples of pure noise ‘pre-pulse’ instants-continuants are: English: *flap* ‘to move or cause to move noisily back and forth or up and down’; *whit* ‘a shrill abrupt sound, as a bird's chirp’; Bashkir *sabuy* ‘to mow the grass’; Buryat *uaab* [shab] ‘an imitation of swishing of a whip’. A structural model for Type XII onomatopoeic words in English is [14, p. 62]:

$$\text{FRIC}^\wedge + \text{V}\ddot{\text{O}}\text{C}^{\text{L/H}, \text{S/W}} + \text{PLOS}.$$

Type XIII. Tone-noise ‘pre-pulse’ instants-continuants.

Tone-noise ‘pre-pulse’ instants-continuants imitate pulse-like sounds preceded by a tone-noise non-pulse [14, p. 62]. The examples of Type XIII onomatopoeic words are: English *zip* ‘a light sharp sound such as that produced by a bullet or other small or slender object passing rapidly through the air or through some obstacle’; Bashkir *wyăt* ‘a whoosh of air accompanying a swift movement’. The model for the English tone-noise ‘pre-pulse’ instants-continuants is [14, p. 62]:

$$\text{FRIC}^\vee / \text{SON}^{\text{LAB}} + \text{V}\ddot{\text{O}}\text{C} (+\text{FRIC}^\vee) + \text{PLOS}.$$

Type XIV. Pure noise-tonal ‘pre- and post-pulse’ instants-continuants.

Onomatopoeic words belonging to this type denote pulse-like sounds preceded by a pure noise and followed by a tone (which is a resonance ‘ending’ of the pulse) [14, p. 63]. Voronin distinguishes (a) short pure noise-tonal ‘pre- and post-pulse’ instants-continuants (English *thump* ‘the sound of a heavy solid body hitting or pounding a comparatively soft surface’, *slump* ‘to sink or fall heavily and suddenly’, *whump* ‘a dull thud’) and (b) long pure noise-tonal ‘pre- and post-pulse’ instants-continuants (*whang* ‘to strike or be struck so as to cause a resounding noise’; *whing* ‘a sharp high-pitched ringing sound’). The model for the English pure noise-tonal ‘pre- and post-pulse’ instants-continuants is [14, p. 63]:

$$\text{FRIC}^\wedge (+\text{SON}^{\text{LAT/LAB}}) + \text{V}\ddot{\text{O}}\text{C}^{\text{L/H}, \text{S/W}} + \text{SON}^{\text{NAS}} (+\text{PLOS}).$$

Type XV. Tone-noise tonal ‘pre- and post-pulse’ instants-continuants.

Onomatopoeic words belonging to this type denote pulse-like sounds preceded by tone-noise non-pulses and followed by a tonal non-pulse [14, p. 63]. Voronin distinguishes (a) short (English *zonk* ‘(slang) an imitation of a short resonant blow’) and (b) long (English *sing* ‘(slang.) to whoosh with a buzzing, whistling sound, usually said about bullets’) subtypes. The onomatopoeic words of this type have the following structural model [14, p. 63]:

$$\text{FRIC}^\vee + \text{V}\ddot{\text{O}}\text{C}^{\text{L/H}, \text{S/W}} + \text{SON}^{\text{NAS}} (+\text{PLOS}).$$

Hyper Class CAB. Frequentatives quasi-instants-continuants.

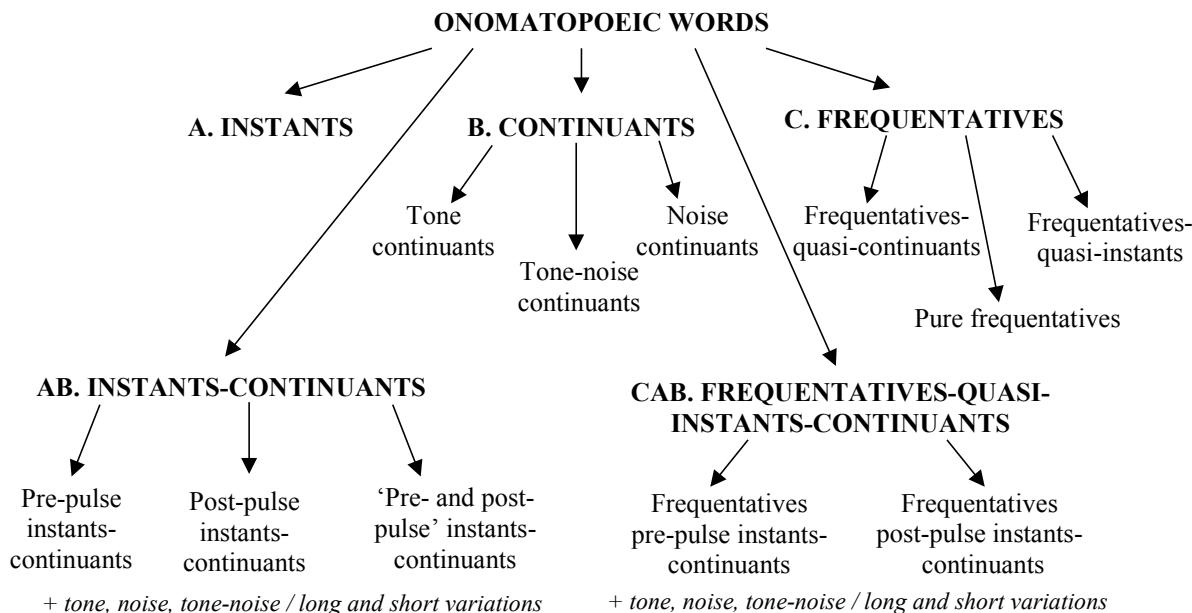
This hyper class of onomatopoeic words denotes complex natural sounds combining the traits of dissonances and pulses preceded or followed by non-pulses [14, p. 64].

Type XVI. Frequentatives tonal ‘post-pulse’ quasi-instants-continuants.

Frequentatives tonal ‘post-pulse’ quasi-instants-continuants reflect quasi-pulses followed by tonal (resonant) non-pulses [14, p. 64]. Voronin distinguishes subtype (a) frequentatives short tonal ‘post-pulse’ quasi-instants-continuants (English *tramp* ‘to walk, tread, or step especially heavily’; *crink* ‘an imitation of a noise combining traits of chirring and ringing sounds’) and subtype (b) frequentatives long tonal ‘post-pulse’ quasi-instants-continuants (English *strum* ‘to

cause to sound vibrantly', Russian *тре́нь* [tren'] 'an imitation of the sound produced when pulling a string of a musical instrument'; Bashkir *sylyr* 'ringing, e. g. of an alarm clock'). A structural model for the English onomatopoeic words of this type is the following [14, p. 65]:

$$\text{CONS} + \text{R} + \text{VOC}^{\text{L/H}, \text{S/W}} + \text{SON}^{\text{NAS}}.$$



S. V. Voronin's universal classification of onomatopoeic words (according to [11, supplement 2])

Type XVII. Frequentatives pure noise 'post-pulse' quasi-instants-continuants.

Onomatopoeic words belonging to this type denote quasi-pulse sounds followed by pure-noise non-pulses [14, p. 65]. For example: English: *crash* 'to break violently and noisily'; *thrash* 'to beat soundly with or as if with a stick or whip', Bashkir *görš* 'a munching sound cattle makes while chewing hay'. The structural model for onomatopoeic words of these languages is [14, p. 66]:

$$(\text{CONS} +) \text{ R} + \text{VOC} + \text{FRIC}^\Delta / (\text{CONS} +) \text{ VOC} + \text{R} + \text{FRIC}^\Delta.$$

Type XVIII. Frequentatives pure noise 'pre-pulse' quasi-instants-continuants.

Onomatopoeic words of this type denote a quasi-pulse preceded by a non-pulse; and this non-pulse is always a noise (English *flirt* 'to move in a jerky manner') [14, p. 66]. The onomatopoeic words of this type have the following structural model [ibid.]:

$$\text{FRIC}^\Delta + \text{SON}^{\text{LAT}} + \text{VOC} + \text{R} + \text{PLOS}.$$

The whole classification is schematically presented in figure 1 (after [11, supplement 2]).

2. Limitations of the classification.

The universal classification of onomatopoeic words (UCO), undoubtedly, was a breakthrough in the field of phonosemantic studies. However, in the course of work on [16] and, later, on [17] I came across several problems regarding its implementation (listed below from major to minor):

Problem 1. Place of frequentatives in the classification.

The frequentatives as a class of onomatopoeic words, according to the parameters of the UCO, render 'a rapid series of pulses where each pulse is hardly perceived separately yet there is no

complete fusion of pulses into one tone' [14, p. 53]. Thus, they are in the intermediate position between instants and continuants and in their purest describe 'a harsh, dissonant sound' [ibid.].

S. V. Voronin distinguishes three types of sound denotata with salient acoustic traits which form a basis for classification (A) Pulse, (B) Non-pulse (tone or noise) and (C) Dissonance [14, p. 42]. These three types of sound are '*simple*' sounds' [14, p. 43], whereas 'other types are acoustically *complex*, decomposable into elementary simple types with contrasting properties' [ibid.].

Thus, Voronin arrives to the basic contrast of three 'simple' sound types to which correspond three major classes of onomatopoeic words:

A. Pulses	↔	A. Instants
B. Non-pulses (tone/noise)	↔	B. Continuants (tone/noise)
C. Dissonances	↔	C. Frequentatives

These correspondences match (1) the 'high' points of the (psycho-)acoustic contrast division of the sounds perceived by a human ear and processed by a human brain and (2) the most *contrast* units of phonemic inventories of the languages which are chosen for the imitation of the perceived acoustic phenomena in onomatopoeic words. Thus, the groups three 'simple' sounds correspond to the groups of onomatopoeic words belonging to 'pure' classes.

This principle works as far as instants and continuants are concerned: pulses (abrupt sounds) are rendered by instants (which contain plosives imitating abruptness and forcefulness: E. *tap*, Russ. *myk* [tuk] 'knock' etc.); tones are rendered by continuants (tonal: English *too-too*, *beep* – by vowels of certain quality; noise: English *hiss*, Turkish *fis-* 'hissing' – by fricatives and sibilants).

But when it comes to frequentatives (see figure) the principle is not applied fully. Frequentatives are divided, according to [14, p. 53] into frequentatives quasi-instants; pure frequentatives; and frequentatives tonal quasi-continuants.

Thus, 'complex', 'mixed sounds' (frequentatives quasi-instants; and frequentatives tonal quasi-continuants) appear already *on the same level* of classification with the simple ones. Instants and continuants do not 'cross' with each other, their 'hybrid' is ascribed to a separate hyper-class – AB. Instants-Continuants. On the other hand, both the hybrids of (1) frequentatives and instants and (2) frequentatives and continuants do not form hyper-classes of their own, but are placed on the same level as 'pure' frequentatives [14, p. 53], which leads us to the second major problem of the UCO.

Problem 2. What are pure frequentatives?

'Pure' frequentatives apart from being placed on the same level with frequentatives of 'mixed' types themselves present a problem. According to [14, p. 55] they denote 'pure dissonances (sounds perceived as a rapid series of pulses, thrills)'. Thus, as instants, pure frequentatives should be sole representatives of the class and have no elements in their structure juxtaposed other 'pure' classes.

However, the examples of pure frequentatives given by the author are puzzling. He suggests such English words as *chirr*, *birr*, *burr*, *jar(r)* as well as Bashkir *byrr* 'a noise made by the vibration of wings' and Chuvash *тырр* [tyrr] 'sounds of movement, whirling' as representatives of pure frequentatives. Thus, he draws up a structural model with the core element bearing an imitative function (R) in auslaut: CONS + VÖC + R.

This model describes both English and Bashkir onomatopoeic words from his sample. However, Voronin gives no arguments for this particular model with R in auslaut neither in [1], nor in [14] or in [11] editions of his UCO. Thus, a pure frequentative is an onomatopoeic word denoting a vibrant, harsh, dissonant sound which contains (1) any consonant apart from r; (2) any (short) vowel and (3) R of some quality. However, such a model for pure frequentatives presents several problems:

(1) Initial consonants – in the given examples plosives or affricates – also have some onomatopoeic function (rendering abrupt, pulse-like sounds – see above), which is for some reason overlooked in pure frequentatives.

(2) Even in modern (British) English – VR is a prohibited combination of phonemes, thus the whole class ‘pure frequentatives’ is only hypothetical in modern synchrony (even if it was not in the 16th century before the start of the regular sound change which made it impossible). Thus, as a candidate for a model describing the whole class in a universal classification the CONS + VŌC + R model is a poor candidate. It is not only inapplicable to English, but also to a number of languages with CV- syllable structure as well.

Voronin solves a similar problem with instants by omitting the second plosive: cf. (S)PLOS + (SON^{LAT/NAS/DENT}) / AFFR + VŌC + PLOS and PLOS/AFFR/CLICK + VŌC discussed above.

He attempts to do the same for Indonesian pure frequentatives: R + VŌC. Here, R unexpectedly (!) moves to the anlaut position. In English, however, frequentatives quasi-instants and frequentatives quasi-continuants and not pure frequentatives have R in anlaut position (see above).

(3) R itself (whether a trill, a tap or a retroflex) might not be a phoneme in certain languages, but an allophone, thus its second allophone or another consonant phoneme from a phonemic inventory might take its imitative function of conveying harsh, thrill-like dissonant sounds in onomatopoeic words. This hypothesis, however, requires verification as all languages subjected to the UCO so far, contained a rhotic consonant of some quality.

(4) Voronin introduces an R-formative to the models of pure frequentatives in Bashkir onomatopoeic words: CONS + VŌC + CONS + R_f. And this is our Problem 3 (see below).

Thus, pure frequentatives are not only placed on the same level as frequentatives of ‘mixed types’ in the classification, but also are not given a clear model – their core element (R) is (1) placed in the very unusual (for many languages, including the present-day British English) or even non-existent auslaut position; (2) is combined with core elements of other classes (e. g. plosives) or even (3) is placed outside the root (as an R-formative).

Problem 3. Frequentatives and R-formatives.

First of all, it should be clarified what R-formatives actually are. N. V. Bartko [15, p. 3] defines R-formatives (more broadly, RL-formatives) as ‘affixes of [imitative] words containing -r- or -l-’.

In his monograph *Fundamentals of Phonosemantics* Voronin devotes a whole chapter to the discussion of their origin, meanings and semantics [14, p. 111–118]. RL-formatives, according to Voronin (who followed the argumentation of [18, p. 273]), not only are encountered in imitative (especially, onomatopoeic) words, but also themselves are (1) of imitative origin [14, p. 111] and (2) render the meanings of plurality, iteration and repetition on par with their onomatopoeic function [14, p. 118].

Some Voronin's examples of words with RL-formatives (suffixes and infixes) are [14, p. 112–117]: English *chatter*, *crackle*, German *plätschern* ‘to splash’; Old High German *flogaron* ‘to flutter’; Dutch *knetteren* ‘to crackle’; Tajik *гулдур* [guldur] ‘rumbling’; Indonesian *ker(e)tap* ‘a sound of the door slamming’; *keretak* ‘a sound of a branch or twig creaking’; *geletar* ‘a repeated vibration’ (while *getar* ‘to vibrate, shake’).

Natalia Bartko's [19, p. 9–10] examples of RL-formatives are: Chuvash *мăнкăр* *тăнкăр* [tankar tankar] ‘driving on a road with pits and bits of frozen soil’; *чытыр* [tſytyr] ‘sparrow’s chirping’; *mĕnĕр* *mĕnĕр* [teper teper] ‘a noisy stamping of human feet or horse’s hooves’; Kumyk *шапыр* *шапыр* [ʃapyr ſapyr] ‘to hiss repeatedly’; Yakut *тыбыыр* [tybyyr] ‘to snort’; *кычыр-даа* [kytſyr daa] ‘to crackle’; *барылаа* [barylaa] ‘to burble’ (from *бар* [bar] ‘an abrupt, harsh sound’); Turkish *buldur* *buldur etmek* ‘to rumble’.

RL-affixes in these languages have the following functions [14, p. 117–118]:

- (1) conveying the repetition of a denoted sound or action (cf. *twit* and *twitter*, *chat* and *chatter*);
- (2) indicating intensiveness of meaning (German *klappern* ‘to make a rattling noise’);
- (3) conveying an iterative nature of a denotatum (Indonesian *keretak* ‘the sound of footsteps on a wooden floor’);
- (4) designating the notion of plurality or multiplicity (Indonesian *gerbak* ‘the sound of small fruit falling on the ground’; *gelebak* ‘the sound of several small fruit or books falling’).

Voronin, thus, on the one hand, describes RL-formatives as imitative affixes having a specific set of meanings of their own [14, p. 111–118] and, on the other hand, incorporates them into his UCO. Thus, following Voronin, English *chat* is an instant [14, p. 47]; but *chatter* is a frequentative-(quasi)-continuant. The majority of the Indonesian examples given in [14] for frequentatives of various types are examples with R-formatives.

A. V. Krasnova [7, p. 80] following Voronin [14] also classifies Turkish onomatopoeic words with *-ır* (-ir; -ur; -ür) affixes as pure frequentatives (e.g. *cıyır* *cıyır etmek* ‘to screak’), and such words as *fıkır* *fıkır* ‘imitation of a bubbling sound’, *fokur* *fokur* ‘imitation of a burbling sound’, *foşur* *foşur* ‘imitation of sounds made by water in a stream’, *haşır* *haşır* ‘imitation of a sound of breaking dry twigs’ as frequentatives-(quasi)-continuants [7, p. 82].

One of the questions arising is: if R-formatives are included into structural models and accounted for in the classification, why L-formatives are not accounted for as well, as they have exactly the same four imitative functions listed above?

The other, more fundamental, question is – why affixes are included into the classification at all?

More specifically, why are they accounted for the frequentatives only and not for other classes?

Does it not undermine the main principle of the classification – the presence of iconic correspondence onomatopoeic root / a type of natural sound? Why one should include affixes, even if they are (presumably) imitative in origin into the classification? And why these particular affixes? RL-formatives are not universal (e. g. they are not encountered in Slavonic languages). Also, there are other language-specific imitative affixes (e.g. English intensification prefixes *ker-* / *ka-* / *cha-* as in *ka-boom!*). Should they be included into the models as well? And here we arrive at our fourth major problem – structural models.

Problem 4. Structural models are language-specific and reflect phonotactic conventions of a language (applied to monosyllabic words).

The ‘Universal classification’ was first developed for the English and the structural models (the number of which grew up to 30 [11] were intended to account for all (at least, the majority) of onomatopoeic words in the language. Indeed, they cover 86 % of English words marked as ‘onomatopoeic’ in etymology dictionaries [14] (or 69 % upon my calculations [13, p. 90]). However, several types of English onomatopoeic words do not ‘fit in’. These groups of words are [13, p. 74–80]:

- (1) onomatopoeic interjections (e. g., *pah-pa-ra!*, *badum-tish!*, *grrrrrr!*);
- (2) borrowed words of onomatopoeic origin (e.g. *chime*, *curucui*, *didgeridoo*);
- (3) polysyllabic imitative words (e. g. *katydid*, *kildee*, *foofaraw*);
- (4) words touched upon by regular sound changes (e. g., *chirk* [tʃirk], AFFR + VŌC + R + PLOS > *chirk* [tʃɜ:k], AFFR + VŌC + PLOS) – see our Problem 5.

The classification of onomatopoeic words into instants, continuants, frequentatives, instants-continuants and frequentatives instants-continuants is valid for even genetically non-related languages (such as Indonesian [2], Bashkir [4], Estonian [5], Georgian [6] and Turkish [7]). However, structural models do not always coincide – cf. the structural models for pure frequentatives in English and Bashkir (CONS + VŌCL/H, S/W + R) and in Indonesian (R + VŌC) discussed above.

The question is, what do these structural models actually reflect? In [13, p. 90] I arrived to the conclusion that these structural models reflect *present-day phonotactic constraints of a language applied for one-syllable content onomatopoeic words*.

This means, that (1) imitative interjections which violate phonotactic constraints of a language (a salient property of imitative interjections widely discussed e. g. in [20] or [21]) are left out; (2) polysyllabic and (3) borrowed words cannot be described with these models; (4) ‘old’ as well as borrowed onomatopoeic words also ‘fall out’ of the UCO.

Problem 5. Structural models change in diachrony.

One of the main conclusions of [13] is that structural models for onomatopoeic words change over time [13, p. 91]. All ‘atypical’ content monosyllabic native onomatopoeic words of the English language were coined earlier than the 17th century [13, p. 92], and the number of ‘atypical’ onomatopoeic words increases with their ‘age’ [ibid.].

Thus, the structural models distinguished by Voronin are only applicable to SD-2 words (words on SD-3b are not accounted for in [14]). SD-2 words are words on the second stage of de-iconization [13, p. 126].

De-iconization is the gradual loss of iconicity caused by simultaneous acting of regular sound changes and regular sense development of the word [13, p. 120]. Altogether, I distinguish four stages of de-iconization:

– An **SD-1** word is an iconic interjection that may violate language's phonotactic constraints and vary in form (English *zzz!*, *cling-clang!*, *ding-dong!*).

– An **SD-2** word is a content word with conventional form which hasn't undergone any regular sound changes and still retains its original meaning related to sound (*to clap*, *a tap*, *to hoot*).

– A word on **SD-3** is a content word which has either undergone one or several regular sound changes (SD-3a) but retained its original meaning (*laugh, chirp, knock*); or it has an intact form (SD-3b) but has lost its original meaning (*clip, cliché*).

– An **SD-4** word is a content word indistinguishable from the rest of the ‘conventional’ vocabulary, and the discovery of its original onomatopoeic nature requires an etymological analysis as both its form and its meaning have changed dramatically (e.g. *gargoyle*).

The reason why the structural models are valid only for SD-2 (and SD-3b) words is simple. As the models reflect the phonotactic constraints of a language in modern synchrony, any changes in phonemic inventories and phonotactic rules automatically lead to:

(1) the change of these models in diachrony (e.g., the model for frequentatives-(quasi)-instants has changed from (s)PLOS/AFFR + V̄OC + R + PLOS to (S)PLOS/AFFR + V̄OC + + PLOS for the British English and to (s)PLOS/AFFR + VOC^R + PLOS for the American English [11, p. 85];

(2) the fact that single words which have undergone regular sound changes cease to ‘fit into’ existing models (e.g. *knock /nɒk/* after the *kn > n/#_* conditioned change does not currently fit into the structural model of instants which is (s)PLOS + (SONLAT/NAS/DENT) / AFFR + V̄OC + PLOS).

Problem 6. Unnecessary high number of types and structural models which complicates the classification.

According to the UCO, there are:

– for English: altogether three classes, two hyperclasses, 18 types of onomatopoeic words described by 30 structural models [11];

– for Turkish: three classes, two hyperclasses and 16 types of onomatopoeic words [7];

– for Indonesian: three classes, two hyperclasses, 10 types and 21 structural models [2];

– for Georgian: three classes, two hyperclasses, 19 types of onomatopoeic words [6];

– for Bashkir: three classes, two hyperclasses, 15 types of onomatopoeic words [4].

The number of classes and hyperclasses remains stable in the studied languages and seems to be a language universal. They are applied to all onomatopoeic words of a language (including to polysyllabic if they are divided into segments). The number of types and models is different and reflects the present-day phonotactic constraints of a language applied for one-syllable content onomatopoeic words.

The structural models differ from language to language and describe only a part of an entire onomatopoeic lexicon of a language (69–86 % of the English onomatopoeic lexicon (see above), 68% of the Bashkir onomatopoeic lexicon [4]). They reflect language-specific structural characteristics of the studied languages.

The question is – should the UCO be based on the models (some of which describe only 2–3 words) or be only limited to the level of classes and hyper-classes? The structural models (the number of which is, in my opinion, unnecessarily large) *do not reflect the peculiarities of onomatopoeic words* – they merely describe the *boundaries* within which onomatopoeic imitation is possible at the synchrony of a particular language.

The six problems discussed above I consider the major problems of the classification. There is, however, a number of minor problems to be addressed:

Problem 7. The role of the affricates in the classification.

As known, affricates are a group of phonemes holding an intermediary position between stops and fricatives (they begin as stops and are released as fricatives). Their imitative function, according to Voronin [14, p. 67] equals that of stops. For this reason, they are included into the structural models of instants – (S)PLOS + (SON^{LAT/NAS/DENT}) / AFFR + VŌC + PLOS. Thus, such English words as *chop* or *chuck* are instants, according to Voronin. However, ‘pure’, easily definable sounds should not be rendered by phonemes of ‘mixed’ nature (according to the principles of the UCO).

Problem 8. The role of the sonants, laterals and approximants in the classification.

This problem is similar to the one pointed above. Sonants (*m*, *n*) are either included as ‘extra’ elements with no clear imitative function (see the models for instants above) or are ascribed the imitative function of rendering prolonged sounds (for example, in tonal post-pulse instants-continuants: PLOS/AFFR + VŌCL/H,S/W + SON^{NAS}). The same problem is with the approximant /w/ and its semivowel quality. It is not reflected in the models but is ascribed the function of rendering a tone.

Problem 9. The role of voice in the classification.

The models proposed in the UCO sometimes make a distinction between voiced and voiceless fricatives (e. g. cf. models for pure noise continuants (FRIC^A / (CONS) + VŌCL/H, S/W + (CONS) / FRIC^A) and tone-noise continuants (CONS + VŌCL/H, S/W + FRIC^V)). However, voice is never a distinctive phonosemantic feature in plosives. The question is to what extent is the *voiced: voiceless* opposition is phonosemantically significant in onomatopoeic words and should it be included in the classification?

Another side-issue is the distinction of tone-noise continuants (*whizz*, *buzz*) which have the model CONS + VŌCL/H, S/W + FRIC^V and pure noise ‘post-pulse’ instants-continuants (*piff*) with the model PLOS / AFFR + VŌCL/H, S/W + FRIC^A. We see that they only differ in the presence and absence of voice (the same refers to frequentatives (quasi-)instants-continuants and frequentatives tone-noise quasi-continuants). Pure tone and pure noise continuants (of which tone-noise continuants are supposed to be a cross), however, imply other means of imitation, which leads us to the next problem.

Problem 10. Vowel length as a distinctive feature of tonal continuants.

Vowel length is not a universal feature of phonetic systems of various languages (even for English it is now only historical), yet it is a core element for the English tonal continuants – [CONS (+SON^{LAT/LAB}) +] VŌCL/H,S/W (+ PLOS). For the languages lacking the *long: short* vowel opposition it appears that any vowel is a core element of an onomatopoeic word-continuant.

The question is then, how to classify the [CONS]+VOC+[CONS] structures in such languages?

Also, Voronin [14, p. 49] states that apart from (long) vowels several other types of phonemes have tonal characteristics – vowels, sonorants as well as /j/ and /w/, and voiced consonants. However, these consonants are not always included in the models or included as ‘extra’ elements – see the discussion above.

The second part of the article is devoted to the possible solutions for the indicated problems.

ABBREVIATIONS

AFFR – affricate	NAS – nasal
DENT – dental	PLOS – plosive
FI – frequentative-instant	R – a rhotic phoneme (uvular, thrill etc.)
FIK – frequentative-instant-continuant	R _f – R-formative
FRIC – fricative	S/W – strong/weak
FRIC ^v – voiced fricative	SD-1 – first de-iconization stage
FRIC ^ʌ – voiceless fricative	SD-2 – second de-iconization stage
gutt – guttural	SD-3 – third de-iconization stage
I – instant	SD-4 – fourth de-iconization stage
IK – instant-continuant	SON – sonant
K – continuant	UCO – Universal Classification of Onomatopoeic words
L/H – low/high	VŌC – a long vowel
LAB – labial	VŎC – a short vowel
LAT – lateral	

REFERENCES

1. Voronin, S.V. (1969), "English onomatopes (types and structure)", Can. Sci. (Philol.) Thesis, Univ. of Leningrad, Leningrad, USSR.
2. Bratus', I.B. (1976), "Acoustic Onomatopes in Indonesian", Abstract Can. Sci. (Philol.) dissertation, Univ. of Leningrad, Leningrad, USSR.
3. Bratus', I.B. and Voronin, S.V. "K probleme tipologii zvukoizobrazitel'nyh sistem [Approaching the sound imitative systems' typology], *Vestnik Leningradskogo Univ.*, 1980, № 20. p. 90–95.
4. Lapkina, L.Z. (1979), "English and Bashkir acoustic onomatopes (experience of typological research)", Can. Sci. (Philol.) Thesis, Univ. of Leningrad, Leningrad, USSR.
5. Veldi, E.A. (1988), "English-Estonian Parallels in Onomatopoeia", Can. Sci. (Philol.) Thesis, Univ. of Tartu, Tartu, EST.
6. Kankia, N.D. (1988), "The Primary Motivation of The Word (In English and Georgian)]", Can. Sci. (Philol.) Thesis, Univ. of Leningrad, Leningrad, USSR.
7. Krasnova, A.V. (2018), "Universal and language-specific in Turkish imitative lexicon", Can. Sci. (Philol.) Thesis, St Petersburg Univ. of Economy, SPb., RUS.
8. Davydova, V.A. "Language constructing and the substance of sound: the phonomenon of onomatopoeia in fictional languages", *Current Issues of Linguistics*, VI international scientific and practical conference, SPb., ETU, RUS, 20 apr. 2017, pp. 265–272.
9. Voronin, S.V. (1976), "English onomatopoeia: achievements and prospects of research", *Problemy motivirovannosti jazykovogo znaka* [Problems of motivation of a language sign], iss. 3, KGU, Kaliningrad, USSR, pp. 61–65.
10. Voronin, S.V. (1978), "English pure noise continuants and some language universals", *Issledovanie struktury angliiskogo jazyka* [Study of the structure of the English language], Udmurtskii Univ., Izhevsk, USSR, pp. 38–46.
11. Voronin, S.V. (2004), *Angliiskie onomatopy: fonosemanticskaya klassifikatsiya* [English Onomatopes: a Phonosemantic Classification], Gelikon Plyus, SPb., RUS.
12. Voronin, S.V. (2005), *Iconicity. Glottogenesis. Semiosis: Sundry Papers*, St Petersburg Univ. Press, SPb., RUS.
13. Flaksman, M.A. (2015), "Diachronic development of English iconic vocabulary", Can. Sci. (Philol.) Thesis, St Petersburg State Univ., SPb., RUS.
14. Voronin, S.V. (2006), *Osnovy fonosemantiki* [The Fundamentals of Phonosemantics], Lenand, Moscow, RUS.

15. Bartko, N.V. (2002), "English imitative RL-formatives: a phonosemantic analysis", Can. Sci. (Pholol.) Thesis, St Petersburg State Univ., SPb., RUS.
16. Flaksman, M.A. (2016), *Slovar' angliskoi zvukoizobrazitel'noi leksiki v diachronicheskem osveshchenii* [Dictionary of English sound-visual vocabulary in diachronic lighting], Institute of Foreign Languages, RKhGA, SPb, RUS.
17. *Iconicity Atlas Project*, available at: <http://www.iconicity-atlas.com/index.htm> (accessed 01.05.2020).
18. Marchand, H. (1960), *The categories and types of present-day English word formation*, Otto Harrassowitz, Wiesbaden, BRD.
19. Bartko, N.V. (2020), "Linguists about RL-formants in Turkic languages", *Problemy i perspektivy razvitiya sovremennoi gumanitaristiki: lingvistika, metodika prepodavaniya, kul'turologiya* [Problems and prospects for the development of modern humanities: linguistics, teaching methods, cultural studies], All-Russian scientific and practical conference, Moscow, MGOU, RUS, 20 dec. 2019, pp. 8-13.
20. Hinton, L., Nichols, J. and Ohala, J. (eds.) (1994), *Sound Symbolism*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
21. Voeltz, E.F.K. and Kilian-Hatz, Ch. (ed.) (2001), *Ideophones. Typological Studies in Language* 44, John Benjamins, Amsterdam-Philadelphia, NLD.

Information about the author.

Maria A. Flaksman – Can. Sci. (Philology) (2015), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of over 50 scientific publications. Area of expertise: iconicity studies, phonosemantics, onomatopoeia, historical linguistics, etymology, Germanic languages. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8258-4825>. Email: maria.alexeevna@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронин С. В. Английские ономатопеи (типы и строение): дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Л., 1969.
2. Братусь И. Б. Акустические ономатопеи в индонезийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Л., 1976.
3. Братусь И. Б., Воронин С. В. К проблеме типологии звукоизобразительных систем // Вестн. Ленингр. ун-та. 1980. № 20. С. 90-95.
4. Лапкина Л. З. Английские и башкирские акустические ономатопеи (опыт типологического исследования): дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Л., 1979.
5. Вельди Э. А. Англо-эстонские параллели в ономатопее: дис. ... канд. филол. наук / Тартуский ун-т. Тарту, 1988.
6. Канкия Н. Д. Примарная мотивированность слова (на материале английского и грузинского языков): дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Л., 1988.
7. Краснова А. В. Универсальные характеристики звукоизобразительной лексики и их специфические проявления в турецком языке: дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭУ. СПб., 2018.
8. Давыдова Е. А. Лингвоконструирование и материя звука: феномен ономатопеи в вымышленных языках // Актуальные проблемы языкоznания: мат. VI междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 20 апр. 2017 г. / СПбГЭТУ «ЛЭТИ». СПб., 2017. С. 265-272.
9. Воронин С. В. Английская ономатопея: некоторые итоги и перспективы изучения // Проблемы мотивированности языкового знака / КГУ. Калининград, 1976. Вып. 3. С. 61-65.
10. Воронин С. В. Английские чисто шумовые континуанты и некоторые их универсалии // Исследование структуры английского языка / Удм. ун-т. Ижевск, 1978. С. 38-46.
11. Воронин С. В. Английские ономатопеи: фоносемантическая классификация. СПб.: Геликон Плюс, 2004.

12. Voronin S. V. Iconicity. Glottogenesis. Semiosis: Sundry Papers. SPb.: St Petersburg Univ. Press, 2005.
13. Флаксман М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2015.
14. Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: Ленанд, 2006.
15. Бартко Н. В. Английские звукоизобразительные RL-глаголы: фоносемантический анализ: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2002.
16. Флаксман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении / Ин-т иностранных языков, РХГА. СПб., 2016.
17. Iconicity Atlas Project. URL: <http://www.iconicity-atlas.com/index.htm> (дата обращения: 01.05.2020).
18. Marchand H. The categories and types of present-day English word formation. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1960.
19. Бартко Н. В. Лингвисты о РЛ-формантах в тюркских языках // Проблемы и перспективы развития современной гуманистической лингвистики: лингвистика, методика преподавания, культурология: эл. сб. всерос. науч.-практ. конф. Москва, 20 дек. 2019 г. / МГОУ. М., 2020. С. 8-13.
20. Hinton L., Nichols J., Ohala J. (eds.). Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
21. Voeltz E.F.K., Kilian-Hatz, Ch. (eds). Ideophones. Typological Studies in Language 44. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins, 2001.

Информация об авторе.

Флаксман Мария Алексеевна – кандидат филологических наук (2015), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 50 научных публикаций. Сфера научных интересов: фоносемантика, звукоизобразительность, ономатопея, сравнительно-историческое языкознание, этимология, германские языки. ORCID: ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8258-4825>. Email: maria.aleelevna@gmail.com

Phonosemantic Interference: Multiple Motivation in the Imitative Word Coinage (on the Material of Invented Languages)

Varvara A. Davydova[✉]

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

[✉]va.davydova@gmail.com

Introduction. Phonosemantic interference is a phenomenon in imitative word coinage in which the sound shape of a single imitative sign can be conditioned by several categorically different motives of nomination. Several phonosemantic studies have reported this effect; however, a clear definition of the term, the description of the existing models of motive combinations, as well as possible explanations behind this phenomenon have yet to be developed. The objective of this article is to attempt to formulate the definition of this term and to describe the mechanisms of phonosemantic interference using new linguistic material (artificially constructed lexis).

Methodology and sources. The study is conducted within the framework of the phonosemantic approach developed by Stanislav Voronin on the material of artificially constructed words from well-known fictional languages Lapin, Klingon, Elvish, and Navi. Methods of the research include the method of continuous sampling, typological comparison, and the method of phonosemantic analysis.

Results and discussion. Using the material of artificially constructed lexis, the examples of the combination of several motives of nomination for a single sound-imitative sign are demonstrated and the motives of their coinage are studied. The typological comparison of the artificially constructed words against imitative words of natural origin has revealed similar models of multiple motivation both in artificial and natural word coinage, which suggests that multiple nomination is a regular way of primary nomination. The definition of the term phonosemantic interference has been provided.

Conclusion. Multiple motivation reflects the complex nature of the intermodal perception of extralinguistic objects. In the case of phonosemantic interference, the phonetic form of a word is the product of a co-operative action of several senses. The reflection of several denotata in a single sound form increases the variety of primary forms and meanings and helps explicate subtle semantic contrasts. The notion of phonosemantic interference enables analyzing, describing, and understanding the mechanisms of complicated cases of imitative word coinage within the framework of the already well established phonosemantic taxonomy.

Key words: phonosemantics, onomatopoeia, sound symbolism, phonosemantic interference, denotatum, motivation, fictional languages.

For citation: Davydova V. A. Phonosemantic Interference: Multiple Motivation in the Imitative Word Coinage (on the Material of Invented Languages). *DISCOURSE*. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 150–164. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-150-164

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 17.06.2020; adopted after review 08.07.2020; published online 26.10.2020

© Davydova V. A., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Фоносемантическая интерференция: множественная номинация в звукоизобразительном словообразовании (на материале вымышленных языков)

В. А. Давыдова[✉]

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

[✉]va.davydova@gmail.com

Введение. Фоносемантическая интерференция – это явление из области примарного звукоизобразительного словообразования, при котором звуковая форма одного звукоизобразительного знака может определяться несколькими категориально разными мотивами номинации. Данный эффект был зарегистрирован в нескольких исследованиях из области фоносемантики. Тем не менее до сих пор отсутствуют четкое определение самого понятия и описание существующих моделей сочетания мотивов номинации, а также возможных причин описанного феномена. Целью настоящей статьи является попытка сформулировать определение термина и описать механизмы фоносемантической интерференции, используя новый языковой материал (искусственно сконструированную лексику).

Методология и источники. Исследование проведено в русле фоносемантического подхода на материале хорошо известных вымышленных языков – лэпина, клингона, эльфийского и нави. В качестве методов исследования были использованы метод сплошной выборки, метод типологического сравнения и метод фоносемантического анализа.

Результаты и обсуждение. На материале искусственно сконструированной лексики в статье приводятся примеры сочетания нескольких мотивов номинации для одного звукоизобразительного языкового знака и рассматриваются сами мотивы номинации. Типологическое сравнение искусственно сконструированных слов с звукоизобразительными словами из естественных языков позволило обнаружить сходные модели в искусственном и естественном словообразовании, что позволяет считать множественную номинацию регулярным способом примарной номинации. В статье также предложено определение термина «фоносемантическая интерференция».

Заключение. Множественность мотивов номинации отражает сложную природу интермодального восприятия экстралингвистических объектов. В случае фоносемантической интерференции фонетическая форма слова формируется как результат взаимодействия нескольких источников ощущений. Отражение нескольких денотатов в одном звукоизобразительном знаке увеличивает разнообразие примарных форм и значений слова и позволяет выразить тонкие семантические контрасты. Понятие фоносемантической интерференции позволяет анализировать, описывать и глубже понимать механизмы сложных случаев звукоизобразительного словообразования, не меняя уже существующую хорошо зарекомендовавшую себя фоносемантическую таксономию.

Ключевые слова: фоносемантика, ономатопея, звукосимволизм, фоносемантическая интерференция, денотат, мотивация, вымышленные языки.

Для цитирования: Давыдова В. А. Фоносемантическая интерференция: множественная номинация в звукоизобразительном словообразовании (на материале вымышленных языков) // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 4. С. 150–164. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-4-150-164

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 17.06.2020; принята после рецензирования 08.07.2020; опубликована онлайн 26.10.2020

Introduction. Words of sound-imitative origin are defined in linguistics as non-arbitrary motivated signs whose phonetic shape reflects of the (material) objects that those words designate. Numerous studies in the area of sound symbolism describe the tendencies and mechanisms of the link between the word and its object [1–13]. Nevertheless, this field still needs further investigation.

In this paper I describe a special type of imitative word coinage within the framework of the phonosemantic theory. The foundation of this theory and new research branch of phonosemantics was established by Stanislav Voronin in 1982 when he published his Ph.D. thesis “Fundamentals of Phonosemantics” [14].

The phonosemantic theory suggests a systemic approach to the problem of motivation. The whole array of imitative words is considered a single sound-imitative system of the language with several domains and, correspondingly, several modes of motivation. To add complexity to the problem, Voronin noticed a phenomenon of overlapping of several motives in one imitative sign. To describe this phenomenon of mixed or multiple motivation, S. V. Voronin coined the term *phonosemantic interference* [15, p. 48]. However, by doing so he only outlined this phenomenon on just few explanation leaving room for further research. Until now, the combination of several motives in primary nomination has gained little attention in phonosemantic studies. The objective of this article is to attempt to formulate the definition of this term and to describe the mechanisms of phonosemantic interference using new linguistic material (artificially constructed lexis).

Methodology and sources. The present research was conducted on the material of artificially constructed words from fictional languages. This choice was dictated by the following reasons:

(1) Natural words in language undergo different stages of their diachronic history [16]. This means that both their primary meaning and the original form, due to diachronic changes, can be obscured [14, p. 122–129]. In the area of natural lexis, the search for precise primary imitative forms is always a quest. On the opposite, the constructed words of fictional languages have an unchanged primary form, and for this reason, they are a useful material for the study of motivation.

(2) Previous studies of fictional languages have revealed that artificially constructed words can demonstrate non-arbitrary sound-sense correlations similar to the natural ones [17, 18].

(3) A study of subtle variants of motivation can be more successful with the use of highly variable material [19, p. 167]. Artificially constructed words fully comply with this requirement.

The lexical material for the research was obtained from the lexicons of well-known fictional languages, which could provide a representative number of words to analyze. For this purpose, I used the existing dictionaries of *Lapin*, *Klingon*, *Elvish*, and *Navi* [20–23].

Fictional words with sound-imitative properties were extracted from the dictionaries by the *method of continuous sampling*. Out of total of 4283 invented words, 394 demonstrated sound-imitative properties.

The imitative status of these words was confirmed with the use of the *method of phonosemantic analysis* developed by S. V. Voronin [24]. This method allows for revealing the possible imitative status of a single word based on the data collected from etymological, extralinguistic, and interlinguistic sources.

To verify my findings, I used the *method of typological comparison* against the lexical material from natural languages (preferably with confirmed sound-imitative status, such as [25]). In result, similar models of multiple motivation were found both in artificial and natural word coinage.

Imitative word coinage.

According to phonosemantic approach, the central unit of the imitative word coinage is the *denotatum* [14]. It is the mediator between the linguistic sign and extralinguistic reality. The denotatum is subjective; it is a psychophysiological product of the perception and mental processing of extralinguistic phenomena. Constant and essential features of the denoted object lay the basis for *motivation* [26, p. 106, 113]. The process of imitative word coinage can be briefly described in the following way. The objective parameters of an extralinguistic phenomenon transform into a subjective psychophysiological reflection of an object [14, p. 39], which is further imitated using the speech apparatus.

To illustrate the above, let us consider the following example. A constant and essential feature of the process of water ingestion is the act of swallowing with the tongue's movement. This extralinguistic event lays the basis for the *motive of nomination*. On the level of the physiological reflection, the muscular sensation of the stretched tongue produces a psychophysiological image of water swallowing – the *denotatum*. On the pre-linguistic level of imitation, it is rendered by a non-phonemic *imitative gesture* by means of speech organs [16, 27, 28]. In case of swallowing, such gesture is a tongue's movement imitating water-sucking – the *kineme* of swallowing. Finally, on the linguistic level, this gesture is approximated by the phonemes of a specific language. In my example, the muscular sensation in the flexible front part of the tongue is resembled by the articulation of coronal consonants, with the resulting *imitative words* like English *slurp,suck,swig,sozzle*, Russian *србамъ* [s'orbat'] ‘to drink’, and German *saugen* ‘to suck’.

The phonosemantic classification.

Before discussing the examples of the interference of motives in imitative coinage, it is necessary to understand what are the basic classes (types) of such motives. For this reason, I provide a brief overview of the phonosemantic taxonomy as it was developed by Voronin.

The whole edifice of the phonosemantic classification is based on the premise of the existing relationship between language and extralinguistic reality via the denotatum. The denotata, however, belong to different domains of the sound-imitative system and essentially differ in their relations with the referent (the designated object).

1. *Acoustic denotata (onomatopoeia)*. The phonosemantic theory has switched the main focus of attention from the acoustic parameters of an extralinguistic object to the psychoacoustic parameters of an image perceived (the denotatum). Based on a psychoacoustic classification of the sound denotata, S. V. Voronin has developed the Universal Classification of Onomatopes (for details see [29; 30, p. 30–38; 14, p. 39–70]).

The whole edifice of the Classification is built on 3 basic parameters of sound denotata as they are perceived by the human ear: A. Pulse (an instant sound), B. Non-Pulse (durative tonal sound or durative noise), and C. Dissonance (a rapid series of pulses). The combination of these parameters describes the whole variety of sounds designated by the onomatopoeic words. The corresponding *classes of onomatopes* are:

I. Instants – sounds perceived as instantaneous events such as English *clap, plop, tick*.

II. Continuants – sounds perceived as continuous noise or continuous tone: English *hiss, swish, hoot, choo-choo*.

III. Frequentatives – sounds perceived as harsh, raucous, vibrating sounds: English *ripple, chirp, scrab*.

There are also two hyper-classes of words in the Classification denoting combinations of the first three parameters.

IV. Instants-continuants – pulses with lasting effects, such as English *whang, bump, twang*;

V. Frequentatives-Instants-Continuants – series of pulses with additional instant or continuous sound effects, such as English *krash, flirt*.

2. *Non-acoustic denotata*. This category encompasses all kinds of non-sound phenomena within the sphere of human perception. All non-acoustic denotata are multimodal, which means that non-sound facts of reality perceived through vision, smell, taste, or tactile sensations are iconically rendered in speech in a sound form. This poses the question about the intermediary, or a common denominator, which could make it possible to match events belonging to different modalities. Following the studies in the area of psychophysiology and psycholinguistics [31–33], Voronin suggested that it is the motor control system, or *kinesthesia*, that serves as a common ground and enables the transfer of information between sensory, emotive, and motor domains.

On the psychophysiological level, the perception and further processing of non-sound facts of reality always come with specific muscular movements including the muscles of the speech organs. To denote such movements which allow reflecting non-sound phenomena, S. V. Voronin introduced the notion of *kineme* [14, p. 71]. On the linguistic level, kinemes are approximated by the articulation of speech sounds to form articulatory imitatives.

The words imitating non-sound phenomena can designate the processes inside the human body or the events of the outer world. Thus, the second great division of the phonoiconic system is the distinction between the words belonging to intra- and extrasomatic domains.

The examples of intrasomatic designations are English *cough, gnarl, gnaw, or sneeze*.

The best-known examples of extrasomatic imitatives are the designations of round objects with labial sounds, such as English *bulb, blob, or pumpkin*.

2.1. *Intrakinemes*. The non-sound intrasomatic denotatum designates the processes taking place inside the human body [14, p. 74–76]. It includes reflective movements, such as swallowing, coughing, sneezing, sucking, etc., emotive movements, such as the mimics of disgust, laughing, smiling, etc. As far as these processes engage the movements of the speech apparatus (including facial muscles), such movements can serve as the basis for the imitative word coinage.

For example, the intrasomatic experience of pain involves a whole range of various reactions, one of which is the reaction of moaning, which involves the work of the speech apparatus and the nasal resonator as a part of a whole. Whining and howling are produced with almost closed lips, which puts to work the resonance of the nasal cavity. For this reason, the denotatum of moaning (and of all other processes metonymically connected with moaning) is the inner sensation connected with the activity of the nasal cavity. On the level of expressive gestures – intrakinemes – it will be a non-speech utterance produced with closed lips using the nasal resonator. On the linguistic level, this gesture will be approximated with nasal sonorants, with such resulting sound-imitative *intrakinsemisms* as English *moan, pang, peenge, nag*, etc.

2.2. *Extrakinemes*. This type of denotatum denotes extrasomatic non-acoustic phenomena. In this case, the matching of an extralinguistic object and the denotatum is based on the similarity between a distinctive feature of the nominated object and a property of the articulatory movement. For example, the enlarged volume of the mouth cavity can be matched with rounded form or hollowness of the referent. On the level of the primary expressive gesture, this would be mimicked by puffing cheeks with closed lips. On the linguistic level, this gesture is approximated with labials, and the resulting sound-imitative forms include such *extrakinesemisms* as English *pumpkin*, *balloon*, *ballot*, *belly*, *blub*, *boll*, *bowl*, etc. As far as the extrasomatic experience can only be likened to its designation based on similarity, it is a metaphor.

Phonosemantic interference.

As I have shown in the previous part, there are three distinct categories of imitative words which correspond with three different mechanisms of motivation: 1 – onomatopoeia, 2 – intrakinesemisms, and 3 – extrakinesemisms.

Voronin was the first to state that in some instances sound-imitative words and even whole phonosemantic groups demonstrate overlapping between the categories of acoustic and articulatory symbolism [14, p.74, 103–107; 29, p. 147–149]. The combination of motives was also mentioned by N. N. Gazov-Ginzberg [28, p. 47]. Recently this effect has been discussed by V. A. Ivanov, who posed a question about the nature of the interrelationship between onomatopoeia and sound symbolism [34]. N. N. Shvetsova has registered a mixed type of intra-extrakinesemisms in her research, thus demonstrating the overlapping of the intra- and extrasomatic motivation [19]. The interplay between acoustic and non-acoustic symbolism is also discussed in the works by [27, 35, 36].

According to the generally accepted approach in sound-imitative studies, the link between the sound-imitative form and its motive is understood as one-to-one mapping. Voronin challenged this approach in his book [14, p. 36] and formulated the universal phonosemantic law of multiple nomination (or *many-to-many mapping*). According to this law, one and the same object (denotatum) can be represented by several motives of nomination, as well as one and the same motive of nomination can represent several different objects (denotata) [14, p. 182–183]. What in fact Voronin stated by this law was the possibility of phonosemantic synonymy and homonymy. Nevertheless, the idea of many-to-many correlation can also apply to the combination of several denotata in a designation of one object.

After all these considerations I define the phenomenon in question in the following way: *Phonosemantic interference is a phenomenon in which several nominating motives obtained through different modes of relation with reality combine to designate one sound-imitative sign*. In the next part of the article I will provide the examples of the phonosemantic interference.

Interference of motives in the imitative words of invented languages.

1. *Designations of blowing*. This complex lexical-semantic group is one of the most obvious examples of interconnection between different types of motivation. Its specific features were discussed by S. V. Voronin, A. M. Gazov-Ginsberg, R. Paget [15; 3; 28, p. 31]. The motivating kineme of blowing belongs to the type of phono-intrakinesemisms. This type of sound-imitative words was especially singled out by S. V. Voronin as a type with multiple motivation: the main kinesic element (sound symbolism) is always accompanied by a secondary phonic element (onomatopoeia) [14, p. 90–93].

Blowing is an unvoiced expiratory process that occurs with protruded and rounded lips. The imitation of this movement lays the foundation for a vast semantic group of words whose meanings are connected with the idea of blowing. On the linguistic level, the main imitative element in various languages is represented by labial consonants and/or rounded vowels as an obligatory component [14, 37] – for example, English *blow*, *hover*, Latin *sufflo*, Latvian *pūst*, Turkish *efil efil*, Indones. *pukulan*.

Nevertheless, the phonosemantic analysis of this large lexical group reveals, that the basic labial component is often accompanied by secondary imitative elements, which clarify the semantics of the words. Take, for example, the English designations of wind. Acoustically, the sound of wind is a continual toneless noise (*pure noise continuant* in Voronin's classification). On the phonological level, the closest approximation of this type of sound is best achieved by voiceless fricatives [29, p. 64–65], normally in the auslaut position: *puff*, *whuff*, *swuff*, *huff*, *whiff*, *swiff*, *fuff*. Thus, this lexical group features the interplay of labials (sound symbolism) and voiceless fricatives (onomatopoeia).

At the same time, Voronin noticed, that, when the designations of blowing contain the semantics of an obstruction (for example, the idea of air explosion), their sound structure features obstruents in the anlaut position [15]. This results in such forms as *puff*, *spuffle*, *buff*, *tuff*, *tiff*, *guff*, *guiff*, *blast*, *bamf*. The articulatory component produces a palpable sensation of an air stream, and as such, it is a sympathetic imitation of a property of the extrasomatic denotatum (the blast of the air produced by the speech apparatus is similar/looks like a blast in the real world). Thus, we can register the interference between the intra- and extrasomatic motives of imitative word coinage. This interplay of motives allows mimicking the denotatum in a more precise manner.

My material contains several designations of blowing:

a) wind: *sul* [sul] ‘wind’ (Elvish); *SuS* [ʂuʂ] ‘wind’, ‘breeze’ (Klingon); *hufwe* [hu.'fwɛ] n. ‘wind’ (Na'vi).

Acoustically, the designations of the wind are continual toneless noises (*pure noise continuants* in Voronin's classification). On the phonological level, the closest approximation of this type of sound is best achieved by voiceless fricatives [29 p. 64–65]. Thus, this lexical group features the interplay of labials (sound symbolism) and voiceless fricatives (onomatopoeia) /s, ʂ, h/; the intrasomatic sensation of the airflow is rendered using the already mentioned fricatives and lateral /l/.

Apart from its muscular performance, blowing has a cause-and-effect relationship with the sound produced, and the onomatopoeic component is not less tangible. This material demonstrates how different sound properties are rendered by onomatopoeic elements.

b) designation of whistling: *fwefwi* ['fwe.fwi] (Na'vi).

The denotatum of this word is a harsh and high tonal sound, which explains the use of high vowel /i/. Nevertheless, the articulatory gesture is even more expressive: the mimic connected with this sound form is self-explanatory and depicts the image of a whistling person. The fricatives rendering the intrasomatic sensation of the airflow are also in place. Thus, this is an example of triple phonosemantic interference: onomatopoeic, and, at the same time, sound symbolic in two aspects – in facial mimicking and articulation.

Compare the designations of whistling in natural languages: English *whiss*, *whistle*, Finnish *vihellys*, Russian *свист* [svist], Latin *sibilo*, Indones. *siul*.

d) horn blowing: *hrududu* [hrududu] ‘tractor or any motor’ (Lapine).

In this case, the sound of the word (onomatopoeic imitation) reflects the features of sound, such as pitch and volume, while the labial movement reflects the gesture of blowing. The reduplicated element /-du/ in this example designates the low tone of a working motor engine.

e) swelling, roundness, expanding, and blooming: *pub* [p^hub] ‘to boil’ (Klingon); *'on* [?on] ‘form’ (Na'vi); *'ong* [?onj] ‘to unfold’, ‘to blossom’ (Na'vi).

As different as they are, these examples share both the semantics of growth and unwinding of form, and the articulation with labial elements. The connection between the motives of blowing and expanding has been thoroughly discussed by A. B. Mikhalyov [38, p. 110]. Compare, for example, Turkish *börtlemek* ‘to swell’, ‘to inflate’, or *bulk* ‘inflated’; the PIE roots *ball- *bhel- with a similar phonetic structure and the meanings ‘to blow’, ‘to swell’, ‘to bloom’, are the source for a large group of English words: *bale*, *ball*, *balloon*, *balloon*, *ballot*, *belly*, *blain*, *bladder*, *blister*, *boast*, *boil*, *boll*, *bolster*, *bosom*, *bowl*, *bulk* [25]. All these words are motivated by the articulatory gesture of blowing.

At the same time, it is a well-known fact that labials and rounded vowels are connected with the semantics of roundness and swelling [14; 39, p. 32–33; 28, p. 76–66]. This denotatum belongs to extrasomatic experience and has a different mode of form-sense mapping: with an external event, it is not felt as an inner muscular sensation, but rather likened to an articulatory movement of cheek puffing. Thus, we observe the interplay of intra- and extrasomatic motives expressed by different gestures – blowing and cheek puffing. The gesture of roundness and its resulting linguistic forms are extremely close to the designations of swelling both in form and meaning. Compare: English *blob*, *bubble*, *bud*, *goggle*, *hump*, or Turkish *bulkak* ‘swelled’.

2. *Designations of whining and howling.* Acoustically, the act of whining or howling involves the production of durative tonal sounds, which are reflected in their speech designations with vowels (*continuants* in Voronin’s classification) [14, p. 49]. High or low property of the tone is reflected by high or low vowels. This can be observed on the examples from natural languages: 1) sounds with high tone: English *cheep*, *breet*, *bleep*, *squeal*, Latin *pipāre* ‘to peep’, Finnish *sirkuttaa* ‘to twitter’, Hung. *csipog* ‘to cheep’; 2) sounds with low tone: English *hoot*, Russian *yxamъ* [uxat'] ‘to hoot’, Spanish *ululato* ‘howling’.

This is well demonstrated by the following examples, where high vowel /i/ is used for the designation of the high tone of whining, while the low tonal property of the /u/ vowel is used to designate a low tone of howling:

- *vIng* [vɪŋ] ‘to whine’ (Klingon);
- *nguway* ['ŋu.waj] ‘to howl’, ‘viperwolf cry’ (Na'vi);
- *Huan* [huan] ‘great wolfhound’ (Elvish);
- *ngwaw* [ŋwau] ‘to howl’ (Elvish).

At the same time, all the words in this semantic group contain labials or rounded vowels. I presume that this is an example of facial mimicking: the meaning of the words can be understood even without sound, only by looking at a person making the utterance.

Another interesting feature of his semantic group is the presence of the nasal sonorant /ŋ/. In this case, the denotatum is the intrasomatic perception of the resonance, which is phonetically

rendered by nasal sonorants to the same effect. S. V. Voronin notes that whining and howling is produced with almost closed lips, which puts to work resonance of the nasal cavity [14, p. 92]. Thus, we can observe the joint effect of onomatopoeia, extrasomatic and intrasomatic sound symbolism.

3. *Designations of bowel sounds*. There are several examples of words motivated by bowel sounds:

- *bor* [bor] ‘to gurgle’ (this specifically refers to the sound that a stomach makes) (Klingon);
- *burgh* [bury] ‘stomach’ (Klingon);
- *chor* [ʃor] ‘belly’ (Klingon);
- *bur* [bur] ‘to hiccup’ (Klingon).

Obviously, this group of words is onomatopoeic and designates the sounds of intestinal activity. Compare the natural onomatopoeic expressions with equal semantics: Russian *бурчать* [burtʃat’], English *bowel rumble*, *growling stomach*, *gurgle*, *borborygmus*.

As onomatopes, these words can be assigned to the class of *frequentatives* [29, p. 74–97], and as such, all of them contain vibrating /r/. The examples of onomatopes of turbulent water with vibrant /r/ in natural languages are abundant: English *bubble*, *ripple*, Basque *burburbur*, Indones. *cur*, Bashkir *şarlau*, Turkish *çur* *çur*.

Another property of this group is the presence of labial consonants and rounded vowels. The labial component is quite often associated in the literature with roundedness, hollowness [Voronin, Slonitskaya], and, in particular, with belly and bowels: English *belly*, *bottom*, *bladder*, *womb*, German *wanst* ‘abomasum’, Russian *брюха* [br'uxo] ‘belly’, and the PIE root *wed-er- ‘belly’, ‘bowels’, ‘round’, ‘hollow’.

The combination of labial elements (sound symbolism) with onomatopoeic dissonance proves that this is another example of phonosemantic interference.

4. *Designations of water noise*.

- *se'ayl* [sə.'ajl] ‘tall, thin waterfall’ (Na'vi);
- *tseltsul* ['tsel.tsul] ‘whitewater rapids’ (Na'vi).

These examples demonstrate phonetic forms motivated by the non-tonal continuous noise of a water stream. According to S.V.Voronin, it can be classified as a *pure noise continuant* [29, p. 59–67], which is rendered in the speech by fricative elements; in the above example the noise is realized by the fricative /s/ and the affricate /ts/. Apart from this onomatopoeic component, both words feature lateral sonorant /l/, which has nothing to do with designations of noise but is well-known as a sound-symbolic element in designations of water and air movement for its “liquid nature” [29, p. 66].

The combination of onomatopoeia (fricatives) and sound symbolism (liquids) can be found in natural languages as well: Yakut. *usun* ‘river stream’, Ossetian *sela* ‘waterfall’, Vietnamese *suói* ‘stream’.

5. *Designations of singing*.

- *lawr* [laur] ‘melody’ (Na'vi);
- *rol* [rol] ‘to sing’ (Na'vi).

The above examples demonstrate the combination of three motives of imitative word coinage. First, the lateral sonorant /l/, which is clearly associated with the fluency of voice flow during the process of singing. Compare the presence of this phoneme in the designations of

singing from natural languages: *lalala*, *tralala*, у-лю-лю [u-l'u-l'u] [28, p. 48], Estonian *laulma*, English *lilt*. Second, the rounded /o/ and the diphthong /au/ employ the facial muscles connected with singing and allow mimicking the facial movements of a singing person. This allocates these words in the class of intrakinesisms. And, finally, the vibrant /r/ supposedly performs here the onomatopoeic function of voice trembling (a *frequentative* in Voronin's classification). The form of the word *rol* is especially self-explanatory: even its voiceless articulation creates an image of a singing person. This is the case of the combination of onomatopoeia, articulatory sound symbolism, and facial mimicking.

6. *Designations of swallowing.*

Two artificial languages – Klingon and Navi – have a whole group of words motivated by the physiological act of swallowing, including the meanings ‘throat’, ‘gargle’, ‘food’, ‘hungry’, etc. The denotatum is the muscular sensation connected with the act. This kineme is realized by the articulations which employ the muscles of the throat: the velar consonants /k'/, /χ/, /x/, glottal /h/, /ʔ/, and low back vowels /u/, and /a/:

- *kxukx* [k'uk'] ‘to swallow’ (v) (Na'vi);
- *ghup* [yup^h] ‘to swallow’ (Klingon);
- *Hugh* [xuy] ‘throat’ (Klingon);
- *ohakx* - [o.'hak'] ‘hungry’ (Na'vi);
- *ghagh* [yay] ‘to gargle’ (Klingon);
- *ghem* [χem] ‘midnight snack’ (Klingon);
- *mehg* [mey] ‘lunch’ (Klingon).

All of these examples belong to the class of guttural intrakinesisms. Compare natural examples of swallowing with similar phonosemantic structure: English *glug*, *gobble*, *gullet*, *gulp*, *guzzle*, *chugalug*, Indones. *meneguk* ‘gulp’.

Among these, the Klingon word *ghagh* ‘to gargle’ is the example of phonosemantic interference, as it demonstrates the properties of an onomatope: the velar fricative /y/ and the vibrant /r/ render a clear image of pure noise and vibration produced by water in the throat.

The examples of *ghem* and *mehg* are also of interest. The bilabial /m/, presumably, is a mimicking component, which employs facial muscles and can be found in the designation of eating, such as English *yum*, *omnomnom*, German *mjam mjam*, etc. Thus, this can be a combination of intrasomatic and facial mimicking denotata.

Results and discussion. The phonosemantic analysis of the artificially constructed lexicons by the method developed by S. V. Voronin has revealed that they contain sound-imitative words, and a number of these words can be arranged in phonosemantic groups motivated by several motives of nomination. The interfering motives belonging to different types of denotata produce different combinations: (1) onomatopoeia and sound symbolism; (2) in the area of sound symbolism, the combination of intra- and extrasomatic motives; (3) in the area of intrasomatic denotatum, the combination of facial mimicks and articulatory movements. The latter combination has never been mentioned before.

The comparative analysis performed against the imitative lexis of natural languages has revealed similar models of motivation, including the instances of multiple motivation. This suggests that this is a regular type of word coinage rather than a random occurrence.

Multiple motivation reflects the complex nature of the perception of extralinguistic objects. The psycho-physiological image of such an object is always intersensorial and intermodal, even in the event of sound-to-sound imitation. In the case of phonosemantic interference, the phonetic form of a word is the product of a co-operative action of several senses.

Concerning the function of the phonosemantic interference, it is obvious that the combination of several denotata for one linguistic sign amplifies the basic structure and thus increases the variety of primary forms and meanings. With the help of the phonosemantic analysis of large semantic groups (i. e. denotations of blowing) it is possible to reveal a general formal structure and its complicated variations. This sophistication of form helps explicate subtle semantic contrasts, for example, distinguish between blowing and inflating, or between blowing with tonal and non-tonal sound, etc.

Conclusion. The study of motivation in the area of the sound-imitative system of language is a difficult task due to the diachronic loss of the primary form and meaning in the natural sound-imitative lexis. To overcome this difficulty, artificially constructed lexicons of invented languages were selected as the material for the study. The unchanged primary forms and hyper-variability make this type of material a useful object of phonosemantic studies.

The similarity of motivational pattern found in the course of comparative analysis both in natural and artificial lexis suggests a universal nature of multiple sound-imitative nomination.

The notion of phonosemantic interference defined in the present paper enables analyzing, describing, and understanding the mechanisms of complicated cases of imitative word coinage within the framework of the already well established phonosemantic taxonomy.

REFERENCES

1. Jespersen, O. (1922), "Symbolic value of the vowel I", *Philologica*, no. 1, pp. 15–33.
2. Sapir, E. (1929), "A Study in Phonetic Symbolism", *Journal of Experimental Psychology*, vol. 3, no. 12, pp. 225–239. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0070931>.
3. Paget, R. (1930), *Human Speech (Some Observations, Experiments, and Conclusions as to the Nature, Origin, Purpose and Possible Improvement of Human Speech)*, Routledge and Kegan Paul Ltd., London, UK.
4. Hockett, C.F. (1960), "The origin of speech", *Scientific American*, vol. 203, pp. 88–96.
5. Bolinger, D.L. (1962), "Intonation as a universal", *Proceedings of the Ninth International Congress of Linguistics*, in Lunt, H.G. (ed.), Mouton, The Hague, FRA, pp. 833–844.
6. Bolinger, D.L. (1978), "Intonation across languages", *Universals of Human Language*, vol 2: *Phonology*, in Greenburg, J.H., Ferguson, C.A., and Moravcsik, E.A. (eds.), Stanford Univ. Press, Stanford, USA, pp. 471–524.
7. Ohala, J.J. (1983), "Cross-language use of pitch: an ethological view", *Phonetica*, vol. 40, no. 1, pp. 1–18. DOI: [10.1159/000261678](https://doi.org/10.1159/000261678).
8. Ohala, J.J. (1994), "The frequency code underlies the sound symbolic use of voice pitch", *Sound Symbolism*, in Hinton, L., Nichols, J. and Ohala, J.J. (eds.), Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK, pp. 325–347.
9. Traunmüller, H. (1994), "Sound symbolism in deictic words", *Tongues and Texts Unlimited. Studies in Honour of Tore Jansson on the Occasion of his Sixtieth Anniversary*, in Auli, H., and Trampe, P. (eds.), Dept. of Classical Languages, Stockholm Univ., SWE, pp. 213–234.
10. Ramachandran, V.S. and Hubbard, E.M. (2001), "Synesthesia – A window into perception, thought and language", *Journal of Consciousness Studies*, vol. 8, no. 12, pp. 3–34.

11. Nobile, L. (2011), "Words in the mirror. Analysing the sensorimotor interface between phonetics and semantics in Italian", *Semblance and Signification*, in Michelucci, P., Fisher, O., and Ljungberg, Ch. (eds.), John Benjamins Publ. Company, Amsterdam/Philadelphia, pp. 101–132.
12. Johansson, N. and Zlatev J. (2013), "Motivations for Sound Symbolism in Spatial Deixis: A Typological Study of 101 Languages", *The Public Journal of Semiotics*, vol. 5, no. 1, pp. 3–20.
13. Bankieris, K. and Simner, J. (2015), "What is the link between synesthesia and sound symbolism?", *Cognition*, vol. 136, pp. 186–195. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.11.013>.
14. Voronin, S.V. (2006), *Osnovy fonosemantiki* [The Fundamentals of Phonosemantics], Lenand, Moscow, RUS.
15. Voronin, S.V. (1975), "Angliiskie zvukoizobrazheniya dunoveniya rтом [English sound imitations of blowing]", *Voprosy leksikologii, leksikografii i stilistiki. Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. Navoi*, vol. 291, Samarkand, pp. 48–51.
16. Flaksman, M.A. (2015), "Diachronic development of English iconic vocabulary", Can. Sci. (Ling.) Thesis, St Petersburg State Univ., SPb., RUS.
17. Davydova, V.A. (2016), "Sound Symbolism in Invented Languages", in Flaksman, M.A., Brodovich, O.I. (eds.), *Anglistics of the XXI century, vol. 2. Phonosemantics: in commemoration of Professor Dr. Stanislav Voronin's 80th anniversary*, St Petersburg State Univ., SPb., RUS, pp. 32–39.
18. Davydova, V.A. (2017), "Lingvokonstruirovaniye i materija zvuka: fenomen onomatopei v vymyslennyh jazykah (Word coinage and sound: onomatopoeia in invented languages)", *Current Issues of Linguistics*, VI international scientific and practical conference, SPb., ETU, RUS, 20 apr. 2017, pp. 266–273.
19. Shvetsova, N.N. (2011), "Iconic Words in English Dialects", Can. Sci. (Ling.) Thesis, St Petersburg Univ. of Economy, SPb., RUS.
20. Adams, R. (2005), *Watership Down: A Novel*, Scribner, N.Y., USA.
21. Okrand, M. (1992), *The Klingon Dictionary*, 2nd ed., Pocket Books, N.Y., USA.
22. Fauskanger, H.K. (2013), *Quettaparma Quenyallo / Quenya-English Wordlist*, available at: <https://folk.uib.no/hnohf/wordlists.htm> (accessed 17.06.2020).
23. Miller, M. (2019), *Na'vi-English Dictionary v. 14.2*, available at: <https://eanaeltu.learnnavi.org/dicts/NaviDictionary.pdf> (accessed 17.06.2020).
24. Voronin, S.V. (1990), "O metode fonosemanticheskogo analiza [On the method of phonosemantic analysis]", *Lingvometodicheskie Aspekty Semantiki I Pragmatiki Teksta*, Kursk, USSR, pp. 98–100.
25. Flaksman, M.A. (2016), *Slovar' angliiskoi zvukoizobrazitel'noi leksiki v diakhronicheskom osveshchenii* [Dictionary of English sound-visual vocabulary in diachronic lighting], Institute of Foreign Languages, RKhGA, SPb., RUS.
26. Serebrennikov, B.A. (1977), *Yazykovaya nominatsiya: obshchie voprosy* [Language nomination: general issues], Nauka, Moscow, USSR.
27. Davydova, V.A. (2019), "Zhestovaia motivatsiya zvukoizobrazitelnyx slov: litsevaya mimika v zvukoizobrazheniia malogo razmera (The Gestural Motivation for Sound-Symbolic Words: Facial Mimics in Denominations of Smallness)", *Current Issues of Linguistics*, VIII international scientific and practical conference, SPb., ETU, RUS, 22–23 apr. 2019, pp. 243–249.
28. Gazov-Ginzberg, A.M. (1965), *Byl li yazyk izobrazitelen v svoikh istokakh? (Svidetel'stvo prasemitskogo zapasa kornei)* [Was the language pictorial in its origins? (Evidence of a presemitic stock of roots)], Nauka, Moscow, USSR.
29. Voronin, S.V. (2004), *Angliiskie onomatopy: fonosemanticheskaya klassifikatsiya* [English Onomatopes: a Phonosemantic Classification], Gelikon Plyus, SPb., RUS.
30. Voronin, S.V. (2005), *Iconicity. Glottogenesis. Semiosis: Sundry Papers*, St Petersburg Univ. Press, SPb., RUS.
31. Galeev, B.M. (1987), *Chelovek, iskusstvo, tekhnika (problemy sinestezii v iskusstve)* [Man, art, technology (problems of synesthesia in art)], Kazan, Izd-vo KGU, USSR.

32. Gorelov, I.N. (1977), "The problem of the Functional Basis of Speech]", Dr. Sci. (Philol.) Thesis, Magnitogorsk Pedagogical Institute, Magnitogorsk, USSR.
33. Leont'ev, A.N. (1983), *Izbrannye psichologicheskie proizvedeniya* [Collected Works in Psychology], vol. II, Pedagogika, Moscow, USSR.
34. Ivanov, V.A. (2017), "Onomatopoeic designations of knocks in Finno-Ugric and Turkic languages", *Current Issues of Linguistics*, VI international scientific and practical conference, SPb., ETU, RUS, 20 apr. 2017, pp. 274–280.
35. Koleva-Zlateva, Zh. (2009), "On the coalescence of homonymic etymological nests of sound symbolic origin], *Slavica*, XXXVIII, pp. 19–34.
36. Jääskeläinen, A. (2016), "Mimetic schemas and shared perception through imitatives", *Nordic Journal of Linguistics*, vol. 39, no. 2, pp.159–183. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0332586516000147>.
37. Mazanaev, I.A. (1985), "The Main Groups of English and Lesgin Iconic Words", Can. Sci. (Philol.) Thesis, Univ. of Leningrad, Leningrad, USSR.
38. Mikhalev, A.B. (1995), *Teoriya fonosemanticeskogo polya* [The Theory of the Phonosemantic Field], Izd-vo Pyatigor. gos. lingv. un-ta, Krasnodar, USSR.
- 39 Slonitskaya, E.I. (1987), "Sound-Symbolism in Designating Roundedness", Can. Sci. (Philol.) Thesis, Univ. of Leningrad, Leningrad, USSR.

Information about the author.

Varvara A. Davydova – Assistant Professor at the the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 11 scientific publications. Area of expertise: iconicity, invented languages, phonosemantics. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4475-5267>. E-mail: va.davydova@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Jespersen O. Symbolic value of the vowel i // *Philologica*. 1922. No. 1. P. 15–33.
2. Sapir E. A Study in Phonetic Symbolism // *Journal of Experimental Psychology*. 1929. Vol. 3, iss. 12. P. 225–239. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0070931>.
3. Paget R. Human Speech (Some Observations, Experiments, and Conclusions as to the Nature, Origin, Purpose and Possible Improvement of Human Speech). London: Routledge and Kegan Paul Ltd., 1930.
4. Hockett C. F. The origin of speech // *Scientific American*. 1960. Vol. 203. P. 88–96.
5. Bolinger D. L. Intonation as a universal // Proceed. of the Ninth International Congress of Linguistics / ed. by H. G. Lunt. The Hague: Mouton, 1962. P. 833–844.
6. Bolinger D. L. Intonation across languages // *Universals of Human Language*. Vol 2: *Phonology* / in J. H. Greenburg, C. A. Ferguson, E. A. Moravcsik (eds.). Stanford: Stanford Univ. Press, 1978. P. 471–524.
7. Ohala J. J. Cross-language use of pitch: an ethological view // *Phonetica*. 1983. Vol. 40, iss. 1. P. 1–18. DOI: [10.1159/000261678](https://doi.org/10.1159/000261678).
8. Ohala J. J. The frequency code underlies the sound symbolic use of voice pitch // *Sound Symbolism* / in L. Hinton, J. Nichols, and J. J. Ohala (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. P. 325–347.
9. Traunmüller H. Sound symbolism in deictic words // *Tongues and Texts Unlimited. Studies in Honour of Tore Jansson on the Occasion of his Sixtieth Anniversary* / in H. Auli, and P. Trampe (eds.). Dept. of Classical Languages, Stockholm Univ., 1994. P. 213–234.
10. Ramachandran V. S., Hubbard E. M. Synesthesia – A window into perception, thought and language // *Journal of Consciousness Studies*. 2001. Vol. 8, iss. 12. P. 3–34.

11. Nobile L. Words in the mirror. Analysing the sensorimotor interface between phonetics and semantics in Italian // *Semblance and Signification* / in Michelucci, P., Fisher, O., and Ljungberg, Ch. (eds.). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publ. Company, 2011. P. 101–132.
12. Johansson N., Zlatev J. Motivations for Sound Symbolism in Spatial Deixis: A Typological Study of 101 Languages // *The Public Journal of Semiotics*. 2013. Vol. 5, iss. 1. P. 3–20.
13. Bankieris K., Simner J. What is the link between synesthesia and sound symbolism? // *Cognition*. 2015. Vol. 136. P. 186–195. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2014.11.013>.
14. Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: Ленанд, 2006.
15. Воронин С. В. Английские звукоизображения дуновения ртом // Вопр. лексикологии, лексикографии и стилистики / Тр. Самаркандинского гос. ун-та / отв. ред. Л. К. Жукова. Самарканд, 1975. Вып. 291. С. 48–51.
16. Флаксман М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2015.
17. Davydova V. A. Sound Symbolism in Invented Languages // *Anglistics of the XXI century. Vol. 2. Phonosemantics: in commemoration of Professor Dr. Stanislav Voronin's 80th anniversary*; in by M. A. Flaksman, O. I. Brodovich (eds.). SPb.: St Petersburg State Univ., 2016. P. 32–39.
18. Давыдова В. А. Лингвоконструирование и материя звука: феномен ономатопеи в вымышленных языках // Актуальные проблемы языковедения: мат. VI междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 20 апр. 2017 г. / СПбГЭТУ «ЛЭТИ». СПб., 2017. С. 266–273.
19. Швецова Н. Н. Звукоизобразительная лексика в английских диалектах: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2011.
20. Adams R. *Watership Down: A Novel*, N.Y.: Scribner, 2005.
21. Okrand M. *The Klingon Dictionary* / 2nd ed. N.Y.: Pocket Books, 1992.
22. Fauskanger H. K. Quettaparma Quenyallo / Quenya-English Wordlist. 2013. URL: <https://folk.uib.no/hnohof/wordlists.htm> (дата обращения: 17.06.2020).
23. Miller M. *Na'vi-English Dictionary v. 14.2*. 2019. URL: <https://eanaeltu.learnnavi.org/dicts/NaviDictionary.pdf> (дата обращения: 17.06.2020).
24. Воронин С. В. О методе фоносемантического анализа // Лингвометодические аспекты семантики и прагматики текста. Курск, 1990. С. 98–100.
25. Флаксман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении / Ин-т иностранных языков. СПб., РХГА, 2016.
26. Серебренников Б. А. Языковая номинация: общие вопросы. М.: Наука, 1977.
27. Давыдова В. А. Жестовая мотивация звукоизобразительных слов: лицевая мимика в звукоизображениях малого размера // Актуальные проблемы языковедения: мат. VIII междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 22–23 апр. 2019 г. / СПбГЭТУ «ЛЭТИ». СПб., 2019. С. 243–249.
28. Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (Свидетельство прасемитского запаса корней). М.: Наука, 1965.
29. Воронин С. В. Английские ономатопеи: фоносемантическая классификация. СПб.: Геликон Плюс, 2004.
30. Voronin S. V. *Iconicity. Glottogenesis. Semiosis: Sundry Papers*. SPb.: St Petersburg Univ. Press, 2005.
31. Галеев Б. М. Человек, искусство, техника (проблемы синестезии в искусстве). Казань: Изд-во КГУ, 1987.
32. Горелов И. Н. Проблема функционального базиса речи: дис. ... д-ра филол. наук / МПИ. Магнитогорск, 1977.
33. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. Т. II. М.: Педагогика, 1983.
34. Иванов В. А. Звукоизображения ударов в финно-угорских и тюркских языках // Актуальные проблемы языковедения: мат. VI междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 20 апр. 2017 г. / СПбГЭТУ «ЛЭТИ». СПб., 2017. С. 274–280.

35. Колева-Златева Ж. О смешивании этимологических гнезд омонимичных слов звукоизобразительного происхождения // *Slavica (Debrecen)*. 2009. XXXVIII. С. 19–34.
36. Jääskeläinen A. Mimetic schemas and shared perception through imitatives // *Nordic Journal of Linguistics*. 2016. Vol. 39, iss. 2. P. 159–183. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0332586516000147>.
37. Мазанаев И. А. Основные группы звукосимволических слов: фоносемантический анализ: на материале англ. и лезг. яз.: дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Л., 1985.
38. Михалев А. Б. Теория фоносемантического поля. Краснодар: Изд-во Пятигор. гос. лингв. ун-та, 1995.
39. Слоницкая Е. И. Звукосимволизм обозначений круглого (опыт типол. исслед): дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Л., 1987.

Информация об авторе.

Давыдова Варвара Алексеевна – ассистент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 11 научных публикаций. Сфера научных интересов: звукоизобразительность, вымышленные языки, фоносемантика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4475-5267>. E-mail: va.davydova@gmail.com

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:

➤ электронную копию статьи, подготовленную согласно «Правилам оформления» и «Структуре научной статьи»;

➤ отдельный файл для каждого рисунка в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены согласно «Правилам оформления». Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;

➤ сведения об авторах (на русском и на английском языках) (1 экз.);

- документы на листах формата А4 (1 экз.):

➤ распечатку рукописи (1 экз.), подписанную всеми авторами (объем статьи 20 000–40 000 знаков, включая пробелы). К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;

➤ рекомендацию кафедры (подразделения) к опубликованию (следует указать предполагаемую рубрику) (1 экз.);

➤ сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих в СПбГЭТУ «ЛЭТИ») (1 экз.).

Правила оформления текста статьи

Текстовой редактор Microsoft Word версии не ниже 2003.

Формат бумаги А4.

Параметры страницы: поля – верхнее – 2.75 см, правое и левое 2.25 см, нижнее 2.5 см, верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания формул используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындекс 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются средствами Word или другими программами [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)] в черно-белом виде. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpeg, .tiff) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица должны быть пронумерованы (например: рис. 1, табл. 3). Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например, рис. 1, а).

На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

Заголовочная часть:

- УДК (выравнивание по левому краю);

• авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора (-ов) полностью. инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

• место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, а затем список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название статьи;

- аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;

• ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;

- приложения (при наличии);

- список литературы (библиографический список);

- авторская справка.

Англоязычная часть (по порядку расположения и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

- авторы (Authors);

• место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, затем приводится список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);

- аннотация (Abstract);

- ключевые слова (Keywords);

- список литературы (References).

- авторская справка.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтут гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует указывать ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко. Составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses.

Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например, «Обзор литературы» и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес вашей статьи. Однако, прежде чем выразить благодарность, необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidelines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например, «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение; см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidelines/ethics-statements/>

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается какая часть работы конкретным автором выполнена при подготовке и написании статьи).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список, который включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом

конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI (см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов) <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов: (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения об его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.04 – Эстетика;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.07 – Логика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Социология (по научным специальностям):

- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.05 – Политическая социология;
- 22.00.06 – Социология культуры;
- 22.00.08 – Социология управления.

Языкоизнание (по научным специальностям):

- 10.02.04 – Германские языки;
- 10.02.19 – Теория языка;
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить по адресу: discourse@etu.ru

Редакторы: О. Н. Артунян, Н. В. Кузнецова,
Н. Ю. Меньшинина
Компьютерная верстка Е. А. Орловой

Editors: O. N. Artunian, N. V. Kuznetsova,
N. Yu. Men'shenina
DTP Professional E. A. Orlova

Подписано в печать 26.10.20. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 13,5. Печ. л. 21. Тираж 300 экз. (1-й завод 1-150 экз.). Заказ 104.

Signed to print 26.10.20. Sheet size 60 × 84 1/8
Educational-ed. liter. 13,5. Conventional printed sheets 21. Number of copies 300.
Printing plant 1-150 copies. Order no. 104

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5 Professor Popov Str., St Petersburg 197376, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56